Алмаз темной крови. Книга 2(неокончена)

Лис Арден

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«Клетки вообще не имеют привычки исчезать, их можно только сломать… — Причем изнутри это сделать легче. — Уверенно сказал Гарм».

Что ожидает мир, если единственные оставшиеся из прежних богов — братья-близнецы, один из которых отказался от участия во всех делах этого мира, кроме увеселений, а второй одержим желанием выйти за его пределы, даже если это грозит гибелью всему живому? Что ожидает мир, если те, кого считали воплощенным достоинством и честью, убивают подло и хладнокровно? И что происходит там, где погибает Мастер — Истинный Дракон, строитель Врат-Между-Мирами? Вопросы, вопросы… книга еще не закончена. Автору еще предстоит найти ответы.

- Часть первая
  - Пролог
  - Глава первая. Золотые тавлеи
  - Глава вторая. Сыновья
  - Глава третья. Танцовщицы Нимы
  - Глава четвертая. Ледяная птица
  - Глава пятая. Дорога тысячи путей
  - Глава шестая. Лесные тропы
  - Глава седьмая. Должник Арчеша Мираваля

Часть первая

Пролог

«…Впереди — необъятные земли…
Ты лети.
Стать хотел Богом Любви,
а стал — Ангелом Смерти…»

Хроники дома Эркина

Ночная дорога и поспешное решение очень похожи друг на друга. Красиво, опасно и может завести черт знает куда.

Эркин, старший сын Снорри, орка из Лесных Хоромин, шел быстро и бесшумно — по-другому не умел, но при этом время от времени принимаясь довольно громко и обиженно сопеть носом. Ему бы себя со стороны увидеть — ну ни дать, ни взять младший братишка-трехлетка, у которого старшие дружки игрушку отняли… может, одумался бы, устыдился, да и повернул бы домой. Но подобное оскорбительное сравнение четырнадцатилетнему Эркину и в голову не приходило, и он шел себе и шел.

По сторонам белой песчаной дороги темнел молодой сосновый лес. Идти было легко, после недавнего дождя песок был влажен и не давился ногами идущего, норовя втянуть их по самые щиколотки. Пахло мокрой хвоей, влажными смоляными стволами сосенок, на опушке поднимающихся немногим выше орочьего роста, свежим холодом майской ночи. Глотнешь такого воздуха — и враз взбодришься, позабудешь про все свои печали, а потом полезут в голову всякие шальные мысли… Мальчишка миновал поляну с тремя причудливо сросшимися соснами, где с незапамятных (для Эркина) времен уцелели остатки землянки. Когда-то она приютила то ли отшельника, то ли колдуна, про которого рассказывали истории либо восхитительно леденящие кровь, либо возмутительно трогательные — в первых он превращался в медведя, пожиравшего заблудившихся детишек, во вторых спасал медведя, попавшего в капкан и благодарный зверь так и ходил за благодетелем на манер кроткой овечки. Эркин ни за что не признался бы себе в этом, но проходя Медвежью Домушку, он невольно ускорил шаг. Дорога уводила его дальше в лес, смутно белея меж стволами сосен, рослых и стройных; если взобраться на верхушку, так можно на длинные зеленые иглы нанизывать серебряный звездный бисер, щедро рассыпанный по небу.

Эркин свернул на хорошо знакомую тропку; идти было недалеко. Вскоре он спускался к одному из здешних лесных озер, которое любил больше всех и где не так давно соорудил себе тайное убежище. Небольшую песчаную нору-пещерку, входом в которую служили огромные корни старой сосны. Там Эркин хранил оружие — свое самодельное и сломанное отцовское, запас сухарей и вяленых яблок, изрядный кусок войлока на случай холодов. И там он отсиживался, если хотел побыть один или выжидал время, пока утихнет отцовский гнев, вызванный очередной его шалостью.

В пещерке было холодно, но Эркин неженкой не был; мальчишка ловко забрался внутрь, почувствовав на лице едва ощутимый отзвук нашептанных им самим охранных слов. В этом он тоже никому бы не признался, в его роду ворожба была чем-то предосудительным, излишним, вроде шелковых подштанников. Это еще девице простительно женихов приманивать или бабке знахарством промышлять; отец, не любивший пустословия и досужих россказней, истории о колдунах не жаловал, а из всех видов магии признавал только священнодействия своей хозяйки в кухне. Но Эркину было как-то спокойнее, когда он, уходя, чертил пальцем по песку ломаные линии и тихо наговаривал по наитию обретенные слова. Так, ничего особенного… просил место признать его за хозяина и чужому не открываться. Наговор, бывший наполовину игрой, с оглядкой и внутренней усмешкой, наполовину искренним ритуалом, как ни странно, удался.

Усевшись на войлок, Эркин поплотнее запахнул полы куртки, засунул ладони под мышки, уперся подбородком в грудь и начал обижаться. Обида поспешала на тонких дрожащих ножках рядом с ним всю дорогу от дома до пещерки, а теперь, воспользовавшись его молчаливым приглашением, забралась Эркину на плечо и принялась торопливо и горячо что-то нашептывать, будто масло из слов сбивала. А мальчишка только носом посапывал.

— … Уж не маленький, это верно. Уж говорил бы сразу, что неуч и невежа, с оружием управляться не умеешь, а в засаде как есть сразу чихать начнешь… или еще что похуже! А то — маленький! Ишь… А ты так ждал этой охоты, так ждал — первой охоты на крыс, на которую сородичи пригласили. Для любого лесного орка такое приглашение высокая честь. Обычно охотники сами управляются так, что любо-дорого (хоть и платят за это своими жизнями), а тут на помощь родичей позвали — видать, дело-то нешуточное… Вот и взяли бы его, он бы этим тварям показал, Эркин же ясно слышал, как приезжий гость сказал отцу — бери с собой, кого сочтешь нужным, охота будет большая, всем дела хватит. И подмигнул ему, Эркину. А отец как ножом отрезал

— мал, говорит еще, нос не дорос с крысами воевать.

Эркин, вспомнив эти слова, засопел еще громче. А обидушка, только того и дожидаясь, залопотала еще быстрее и горячее.

— Конечно, если какая животина бестолковая, вроде любимой материной коровы, в лес забредет, так ее Эркина отыскивать посылают, для этого, небось, не мал. И сотню чурбанов сосновых переколоть тоже можно Эркина отрядить. А тут на тебе — нос не дорос… спрашивается, где справедливость?

Мальчишка скрипнул зубами, больно прикусив клыком нижнюю губу. Он сидел неподвижно, уставившись перед собой, стараясь удержать горячие, обидные слезы. Там, снаружи, тихо вздыхало спящее озеро, шуршали шаги осторожных ночных животных. Эркин удрал из дому, когда все улеглись спать, притворившись, будто прихватило живот. Он не очень хорошо понимал, зачем это делает — ну, просидит он ночь в лесу, ну, хватятся его утром… только отец вряд ли оценит этакий подвиг. Но другого способа выразить свое негодование в глупую мальчишечью голову как-то не пришло, и Эркин, старший сын орка Снорри, что из Сосновых Хоромин, повинуясь ударившей в ноги дури, направился в лес. В глубине души (мальчишке казалось, что это место — где-то в животе, по крайней мере, сейчас ныло именно там) он понимал, что поступок его суть осуществленная угроза трехлетнего брата. Тот однажды выпалил: «Вот уйду в лес ночью, меня там волки съедят, небось после этого не будете мне пирога жалеть!»

Он просидел так почти час, слушая сбивчивое лопотание обиды и буравя взглядом темноту. Поскольку обида повторяла одно и то же, ее речи вскоре перестали цеплять Эркина за живое, стали утомительны и неинтересны…а потом и вовсе потянули в сон. Орк свернулся на войлочной подстилке, подложив под щеку локоть, и как только закрыл глаза, тут же и уснул.

Как ему показалось, спал он чуть ли не минуту — ну, самое большее, пять. А потом проснулся от ощущения, будто кто встряхнул его хорошенько за шиворот; Эркин резко вскочил, не сообразив спросонья, где находится, стукнулся головой о низкий земляной свод пещерки, плюхнулся наземь и принялся протирать глаза, отряхиваться от осыпавшегося песка и соображать, что к чему. Проснувшись окончательно, он выглянул наружу — над озером клубились предрассветные сумерки, небо серело. Поежившись от утреннего холодка, заползшего за шиворот, Эркин рассудил, что дома, пожалуй, его вряд ли хватились, так что еще есть время вернуться и попытаться уговорить отца разрешить ему ну хотя бы начистить оружие гостю-охотнику… Орк выбрался из укрытия, смущенно оглянувшись, повторил давешний наговор,

торопливо спустился к озеру — плеснуть в лицо пару пригоршней холодной воды и почти бегом поспешил прочь из лесу.

Утренняя дорога и поспешное решение очень похожи друг на друга. Все ясно-понятно, можно больше не медлить… иди вперед, и будь, что будет. Белая песчаная дорога вела орка на опушку леса, откуда было рукой подать до дома. Уже проходя Медвежью Домушку Эркин почуял запах гари. Он озадаченно покрутил носом — на лесной пожар не похоже, чересчур едко и как-то… незнакомо, что ли. Эркин никогда прежде не слышал подобного запаха. Ветер уносил запах прочь от орка, но тот все же забеспокоился и прибавил шагу. Поворот, еще поворот… сосенки уменьшились в росте, будто весь древесный молодняк выбежал из лесу побегать на лужайке. Увидев над колючими верхушками серое облако дыма, Эркин побежал к дому.

У Снорри из Сосновых Хоромин был славный дом. Крепкие стены, сложенные из сосновых бревен… когда солнце заглядывало в слюдяные окна, они казались золотыми. Лавки, крытые мехами. Сложенный из камня большой камин. Шерстяные полосатые половики. На широком столе — запотевшая крынка с молоком, свежий хлеб, нарезанный толстыми ломтями, сморщенные и сладкие зимние яблоки.

Эркин стоял возле огромной ямы, по краям которой дымились жалкие остатки разбитых в щепу бревен, присыпанные землей. Здесь еще вчера был его дом. Теперь — только дым и пепел. Мальчишка, не понимая и не принимая произошедшего, растерянно оглядывался в поисках того, кто сотворил такое. Но каким же должен быть кулак, чтобы разбить одним ударом крепкий дом, разметать его, как сноп соломы… и каким должен быть огонь, в мгновение ока испепеливший дом и всех его обитателей… Эркин глянул вниз и стал спускаться.

На дне ямы, похожей на воронку, присыпанный землей, лежал камень. Небольшой, всего-то с девчачий кулачок, не более, но было в нем что-то недоброе, чужое… будто круги по потревоженной воде, от него расходились волны слепой, нерассуждающей силы. Он внушал не ужас, а какой-то благоговейный страх, как если бы был осколком солнца…

Орк соображал все еще туго — слишком сильным оказалось потрясение, а от резкого, рвущего ноздри запаха все плыло перед глазами; но если мысли и отказывались виться с привычной быстротой, то чувства оказались попроворнее. Эркин стоял, меряя камень взглядом, ощущая, как сознание заполняет безысходный, беспросветный гнев.

— Убийца!.. — прошипел мальчишка, дрожа все телом и — в этом он ни за что бы не признался — плача. Слезы текли по

зеленоватой орочьей коже, смешиваясь с висящей в воздухе бурой пылью… Эркин, презрев накатывающий волнами невыносимый жар, пинал камень, то забивая его каблуком в пережженную землю, то подбрасывая носком сапога вверх. Наконец он отдышался, сплюнул горькую, вязкую слюну и погрозил камню кулаком.

— Что вытаращился? Не про тебя ясный свет… душегуб. Я тебя тут и закопаю, — посулил мальчишка и повернулся, чтобы вылезти из ямы и найти какой ни на есть обломок доски, и засыпать камень пережженной землей — понадежнее, чтобы забить этот невыносимый запах горящей полыни, погасить едкое тление, уничтожившее всю его прежнюю жизнь.

— Пощади… — голос, не старый и не молодой, не мужской и не женский, не человечий и не звериный, не эльфий и не орчатский, остановил Эркина. Он вздрогнул, оглянулся — никого… орк тряхнул головой и полез вверх.

— Пощади… — от неожиданности Эркин съехал вниз прямо на животе, и остановился. Наклонился и неожиданно для себя самого взял камень в руки, вглядываясь в темную ледяную глубину, словно надеясь разглядеть заточенного духа, подавшего голос.

— Это… ты?.. — Эркин не знал, как обращаться к камню. Первое удивление улеглось, уступив место прежней решимости; по правде говоря, ему было не очень и интересно, с чего это камень заговорил с ним и что он там болтает. Засыпать его, и дело с концом.

— Не надо, прошу… — камень словно прочитал мысли орка, и мальчишке показалось, что он задрожал — Пощади, не губи меня…

— Ты убил всех моих родных. — Спокойно, даже как-то буднично ответил Эркин. — Теперь я убью тебя. Ну, по крайней мере закопаю…

— Я не желал смерти твоим родным.

— Желал — не желал… все едино. Жизнь за жизнь.

— Да будет так. — Камень дрогнул. — Возьми.

— Чего? — способность удивляться не покинула Эркина. — Это ты о чем?

— Возьми мою жизнь. Это единственное, чем я распоряжаюсь сам… — казалось, камень вздохнул, — Я отдаю ее тебе всю. Навсегда. Тебе и твоему роду.

— Зачем ты мне? — и все же Эркин поневоле наклонил лицо, всматриваясь в сердцевинку камня, черный, прозрачный лед.

— Я обещаю служить твоему роду, твоей крови… Эркин. Дам силы выжить там, где погибнет даже надежда. Сохраню твой род,

даже если придется поспорить со смертью. Я буду служить тебе и твоим потомкам. И вся моя сила… — внезапно камень потеплел и его темная глубина полыхнула золотым драконьим огнем. Эркин вгляделся и увидел такое… в прозрачной темноте вились языки пламени, сплетаясь в узлы, закручиваясь в спирали, выстраиваясь в невероятные узоры… там, в покоящейся на его грязной ладони вечности, рождались и гибли звезды, резвились, бурлили потоки силы, способные творить миры, сотни солнц осыпались как светлячки с куста, потревоженного неосторожной рукой. Он видел, как свет выплескивается из камня, обливает его ладонь, охватывает пальцы — и капает с них, тяжелыми, гулкими каплями. Мальчишка сопнул носом, вытер слезящиеся глаза рукавом.

— Мне так много не надо. Не справлюсь я.

— Справишься… хозяин. — И камень погас.

Спустя месяц Эркин, которого забрали к себе родичи, раздал собратьям двадцать три черных, прозрачных камня, ограненных просто и строго. Хватило как раз на всех старейшин, приглашенных ради такого случая в одно из самых больших поселений близ Края Света. Эркину не пришлось самому раскалывать самородок, камень, угадав мысли мальчика, послушно распался на двадцать четыре продолговатых дольки, как головка чеснока. Не долго думая, Эркин решил отметить камешки рунами, чтобы они хоть чем-то отличались друг от друга. И опять камень послушался его — очертания рун сами проявлялись на гладкой поверхности, словно неведомый резец выводил их четко и уверенно. Двадцать четыре руны… столько же камней. Самый первый, отмеченный огненной Феху, руной первозданного пламени, порождающего и пожирающего миры, Эркин оставил себе. Жизнь за жизнь.

Глава первая. Золотые тавлеи

— Ты и впрямь думаешь, что он успокоился? — этот вопрос не застал ее врасплох; она и сама об этом думала.

— А что ему еще остается? — она невесело усмехнулась, отводя за ухо прядь светлых волос. — Благо нам с тобой, созидающим и неизменным. Я и с одним живым цветком буду счастлива, ты, брат мой, привык охранять границы того, что уже создано. А ему? Что ему здесь делать?

Тишину сада нарушал только плеск воды, стекавшей из расселины в скале по разноцветным камням на каменное ложе ручья. Женщина зачерпнула полную горсть воды и обрызгала куст огненных лилий; в ответ на это растение вздрогнуло, поежилось, стряхивая с листьев холодные капли, и немного пригасило темно-рыжее пламя, вырывавшееся из раскрывшихся соцветий. Этот цветочный огонь, смешиваясь со светом уходящего дня, зажег золотые искры в волосах женщины; она повернулась, заглядывая в лицо мужчине. Они были настолько похожи, что никто не усомнился бы в том, что это брат и сестра; родство крови выдавали и схожие черты лица, и светлые, закручивающиеся в спирали волосы, и неторопливое изящество движений.

И тут, словно в ответ на ее вопрос, так и повисший в воздухе, раздались радостные, прямо-таки ликующие мальчишечьи голоса.

— Мама! Мама! Ты только посмотри, что отец нашел!

Их дом стоял на самом краю пропасти. Широкие угольно-черные ступени обрывались в воздухе, уходили прямо в бездну, а там, далеко-далеко внизу, ярились океанские волны. Гарм любил прыгать туда — лететь, хохоча, со свистом в ушах, пушечным ядром взорвать жидкое холодное стекло, разбив его на мириады соленых осколков… и наплаваться всласть, ныряя до самого дна, закручивая руками воющие водовороты, выплескивая волну до самого солнца. Потом он, легко оттолкнувшись босыми ногами от океанской пены, взлетал в воздух, поворачиваясь вокруг себя — сначала медленно, потом все быстрее и быстрее, пока мокрые светлые волосы не взлетали щупальцами разъяренной медузы над его головой. Сделав несколько виртуозно-легких сальто и малость пообсохнув, Гарм взлетал по ступеням на террасу, входил в дом и принимался звать брата. Тот прибегал откуда-то сверху, запыхавшись, с вечным орлиным пером за ухом.

— Держи! — и Гарм протягивал руку, раскрывая доселе крепко сжатые пальцы. В ладони его оказывался то обломок коралла, похожий на когтистую лапу чудища, то кособокая, неправильная жемчужина, потешно отражавшая лица братьев, то

раковина, из которой выглядывал рак-отшельник, бранившийся такими словами, что мальчишки помирали со смеху.

Это неправда, что боги любят уют и покой, селятся в тихих обителях где-нибудь на опушке леса, у светлого родника, и ласточки вьют гнезда под крышей их дома. Боги возводят свои дома на острых, клыкастых скалах, обрывающихся в неоглядную пропасть, и поднимают их так высоко, что тучи цепляются и рвутся в лохмотья о шпили башен. Сами стены обители богов кажутся плотью от плоти вековых каменных костей земли; не из тесанного камня, паче кирпича возведены они, но будто вырастают из глубинных недр несущей их тверди, великолепные и несокрушимые. Врата, обращенные на юг, выкованы из жаркого золота и узор на них никогда не пребывает в неподвижности, а между его петлями мелькают юркие саламандры. Из холодного серебра скованы врата, ведущие к северу, хрупкие морозные веточки вырезаны на них и даже летом поблескивает иней. А западные врата ведут в небо, на дорогу птиц и ветров, и створы не закрывают их проем… только гулкое эхо, отталкиваясь от каменных сводов, кувыркается в воздухе. Восточные же врата закрыты. Закрыты, замкнуты, запечатаны; охранные заклятия, принявшие со временем зримую форму замков и засовов, проросли в самую плоть камня, будто корни, вцепились друг в друга крепко-накрепко. Когда-то боги пришли с той стороны неба, откуда начинает свой путь солнце, и не было для них надежды на возвращение.

Сотни просторных, величавых покоев открываются один за другим в доме богов; молодые, еще не вошедшие в силу звезды освещают их. Теплый камень, сухой песок, влажная трава встречают неспешные шаги хозяев; в стенных нишах стоят изваяния дивных существ, держащие в лапах хрустальные фиалы, в которых плещется забродивший сок заката. Огромные залы порой оборачиваются озерами — недвижная водная гладь простирается сразу за порогом, и только изредка залетает сюда особо отважный эллил, сорвать роскошный, благоухающий цветок лотоса для подруги. Много удивительного, страшного и непонятного для смертного взора таится за порогом этих покоев… да только заказан путь в дом богов для слабого человека, покорного смерти и тлению.

Мальчишки мчались наперегонки, сломя голову, так что ветер свистел в ушах; один — высокий, гибкий, черноволосый, другой — чуть пониже, светловолосый и угловатый. Оба были одеты в тонкие белые рубахи, даже не перехваченные поясом, видимо, для большей свободы, и такие же штаны, чуть пониже колен, только у светловолосого на шее висело нелепое ожерелье

— нанизанные неровно крупные красные ягоды. За ними шел мужчина, кажущийся еще более высоким из-за худобы, заметно прихрамывающий на правую ногу; у него были короткие темные волосы, торчавшие иглами во все стороны, резкие и ассиметричные черты лица — правая бровь заметно выше левой, правый же угол рта оттянут книзу белесым шрамом.

— Гарм! Фенри! — их мать обернулась, протягивая руки навстречу сыновьям. Они с разбегу налетели на нее, как пара смерчей, и принялись обнимать, толкаясь и наступая друг другу на ноги. — Что такое стряслось, что вы голосите как стая потревоженных павлинов? Сурт? — и она вопросительно заглянула в ртутно-зеркальные, светлые глаза подошедшего мужчины. Но он только улыбнулся торжествующе, пряча находку за спиной.

— Погоди-ка… — и Нима подцепила пальцем ожерелье, болтавшееся на шее Гарма. — Это что такое?

— Мам, смотри! — и ее сын сорвал одну из ягод, сунул ее в рот, разжевал и… через несколько секунд его кожа приобрела жутковатый фиолетовый цвет и покрылась черными разводами. — Здорово, правда? И главное, каждый раз другой цвет!

— Гарм! Эти ягоды ядовиты! — Нима всплеснула руками. — И ты об этом знаешь не хуже меня…

— Пустяки, мам… Ну подумаешь, живот поболит. Чепуха какая. Зато как страшно… Уууу!… — и он скорчил зверскую гримасу.

Но мать не оценила его изобретательности и насильно вернула нормальный облик, напоив наговоренной водой из ручья.

— А теперь, когда моему брату вернули достойный вид, хотя ему куда больше пристало шутовское обличие, я расскажу как все было! — торжественно заявил черноволосый Фенри, важно усаживаясь на траву у ног матери.

— Нет, я! Я старший! — белоголовый Гарм оглянулся на отца. — Отец, можно?

— Ну да, старший, как же! На пять минут ты меня старше! Это не считается! — в знак протеста Фенри толкнул брата, тот не преминул ответить тем же и через несколько секунд на траве у ног Нимы кипела замечательная драка.

— Дети мои, остыньте!.. — Сурт довольно засмеялся. — Я пока и сам не утратил дара речи, а о такой находке хочется рассказать самому. Нима, Нум!.. смотрите…

В его руках оказалась вырезанная из дерева чаша с изогнутыми краями, гладко отполированная, излучающая слабое сияние. Сурт слегка встряхнул ее, и послышался тихий звон и сияние стало сильнее. Руки держащего чашу бога окутало золотое

облако.

— Золотые тавлеи… — еле слышно выдохнула Нима.

Ее брат, Нум, протянул было руку, прикоснуться к находке, но отвел ее, будто золотое сияние обжигало хранителя границ.

— Где ты нашел их? — и он внимательно посмотрел на Сурта.

— Там, где кроме меня не бывает никто. В пустыне. Пытался выстроить подземные колодцы в цепочку, чтобы хоть кто-то из Кратко Живущих мог одолеть эти пески. Там и нашел.

— Что ты собираешься делать с ними? — любопытство загорелось в глазах Нимы.

— Как что? Играть!.. — и Сурт сел на траву, рядом с сыновьями. К этому времени мальчишки прекратили выяснять, кто из них старше и внимательно прислушивались к беседе. Он вынул из чаши свернутый плат, встряхнул его, разворачивая, и расстелил перед собой. Полотно было белым, тонким, свежим, но несмотря на это почему-то казалось очень старым. Возможно, из-за богатой вышивки, из-за которой почти не было видно самого полотна — ее нити не то, чтобы потускнели или обветшали, как раз напротив — они впитали в себя само время, стали темнее и почти срослись с тканью основы. Игровой плат был круглым; в центре его был закреплен небольшой золотой кружок, вроде монетки, на которой ничего не успели вычеканить. Расходясь от нее плавными извивами, на плате расцветал первый, самый меньший цветок — вышитый оранжевым, апельсиново-ярким золотом. Он словно лежал на втором, большем цветке, вышитом червонно-красным золотом; самый же большой цветок, извивающиеся лепестки которого касались кромки плата, был соткан из нитей черного золота, матового, зажигающего редкие искры в сплетении узлов.

— Смотрите… — Сурт обращался к сыновьям. — Белый игральный плат, вышит искусной рукою. Черный цветок распустил лепестки, красный раскрылся следом. Огненно-солнечный цвет самый меньший и младший. В центре — вожделенное золото цели, воплощенье желания.

Фенри молча прикоснулся к плату ласкающим движением, а Гарм спросил:

— Отец, как этим играют?

— Не спеши, в свое время все узнаешь. Смотри… — и Сурт потряс деревянной чашей — там игровые фигуры и кости, которыми случай отмеряет число ходов на плате.

Не глядя, он запустил руку в чашу и вынул из нее мешочек из такого же белого полотна, затянутого витым шнуром; развязав узел, Сурт достал пару игральных костей, легких и весьма

затертых — они немало послужили в свое время.

— Сколько в чаше фигурок — не знает никто. Их столько, сколько потребно для той партии, что разыгрывается здесь и сейчас. Хоть две, хоть полсотни. Запомните, играть на будущее могут только боги — двое, уж никак не меньше. Разыграть прошлое, чтобы вновь пережить уже забытое, или прояснить что-то, оставшееся за гранью внимания, можно и в одиночку. Но чтобы предопределить, предыграть судьбу — нужен противник. Сам с собой не сразишься. Я прав, Нум?

Брат Нимы усмехнулся и кивнул. Вот уже несчетное число лет сестрин муж почти что умолял его возобновить их давние игры с оружием, боевые состязания в силе и умении; он отказывал Сурту, имея на то веские причины, о которых предпочитал не говорить и не вспоминать.

Войско восставших вливалось в Срединную Крепость, подобно потоку раскаленной лавы, сметая на своем пути все живое. Оставив за плечами Зеркальные Врата, стальные створы которых, до блеска отполированные стертыми в кровь ладонями цвергов, отражали каждый нанесенный по ним удар, возвращая его назад с удвоенной силой. Нападавшие оставили у них значительную часть войска, и если бы не остервенелый натиск альвов, возможно, и посейчас бились бы там, стоя на телах своих соратников. Те из светлых духов, кто вступили вслед за Восставшими Богами на стезю разрушения, оказались неудержимы и отчаянны в бою; неудачи только ожесточали их, полученные раны исторгали из перекошенных, пересохших ртов злобное шипение или гневный рык, и там, где уставали или отступали сами боги, альвы стояли насмерть. Перед их отчаянием не устояли и Зеркальные Врата, разбившись вдребезги и еще раз доказав миру, что не бывает несокрушимых врат. И, ворвавшись первыми в крепость, альвы не умерили своего натиска, не повернули перед дождем стрел, коими осыпали их осажденные; доспех альва легок и прочен, закаленный небесной росой, прокаленный рассветными лучами, ничьи стрелы не страшны ему. Кроме стрел самих же альвов — закаленных росой сумерек, прокаленных расплавом заката. И они, сломившие самую мощную линию обороны Срединной Крепости, падали как спелые колосья под серпом жнеца, ибо их сокровники-лучники, державшие вторую линию, жалости не ведали и били метко.

У четырех дверей, ведущих со внутреннего двора в сердце крепости, Рассветную Башню, стояли боги-хранители. Двери за их спинами были заперты, вопреки всем обычаям — обычно они были настежь открыты, а их стражи стояли, опираясь на тяжелые щиты, и солнце играло на лезвиях ритуальных алебард. Уступать, однако, не собирался никто. Первые из напавших отлетели, не

удержав тяжелых, размашистых ударов стражников. Но вот одному из них удалось перерубить одну из алебард — ценой жизни своего клинка… и своей собственной. Его место тут же занял другой, отличавшийся от прочих, как боевое острозубое копье от тупого турнирного трезубца. На голову выше всех, двигающийся неторопливо и скупо, прячущий лицо за личиной шлема — холодной, ничего не выражающей, абсолютно бесстрастной. Он сражался двумя мечами, доверив им и нападение, и защиту. Защитник, отбросив обломок алебарды, с тяжким подсердечным стоном достал из ножен меч и поднял щит. Нападавший с неожиданной церемонностью вскинул правую руку в приветствии и атаковал. Первые его удары хранитель крепости отражал четко и продуманно, будто знал, куда будет бить его противник, не обманываясь ложными замахами и не позволяя выманить себя от дверей. Однако через несколько минут удача изменила ему; нападавший, не останавливаясь и не обращая внимания на стрелы, клевавшие ртутно-серый доспех, прижал защитника к дверям, вынудив его к глухой обороне, не давая ни единого шанса перейти в наступление. На бога-хранителя, лопатками вжавшегося в дверь, обрушились удары обоих мечей, к ним нападавший добавил всю свою нещуточную ярость. От такого удара застонали, задрожали и обрушились створы; оба сражавшихся оказались на зеленой траве окружавшего крепость сада, десяток шагов — и перед нападавшим окажутся белые ступени, ведущие в башню. На несколько ударов сердца его отвлек совсем молодой еще дракон, не успевший догнать в росте лошадь; меч восставшего рассек его зелено-золотые глаза. Защитник тем временем успел подняться; вновь скрестились их мечи. За ними, в открытые двери, врывались все новые и новые воины. На зеленой траве пламенели светло-пурпурные брызги, воздух стонал от свиста грифоньих крыльев, дробился от драконьего рева, трещал, разрываемый тяжелыми лезвиями топоров и мечей. В трепещущие яростью ноздри сражающихся едкой, кислотной свежестью вливался запах озона — его источала щедро проливаемая кровь альвов; иногда его перебивал тяжелый, полынный дурман крови богов.

И в тот миг, когда хранителю стало безнадежно ясно, что такого натиска ему не удержать, когда его обессилевшая рука выронила щит, а меч мог только скользить по доспеху противника, — покрывая шум битвы, прорываясь сквозь раскаленный воздух, откуда-то сверху разрывающим сердце отчаянием прозвенел крик:

— Сурт! Пощади!

Эта мольба о пощаде, невозможная и неуместная, буквально отшвырнула Сурта от поверженного. Тот же, оглушенный,

способный разве что дышать, все же смог перевернуться набок, сжимая рукоять клинка и пытаясь приподняться.

Между тем воин в серых доспехах, позабыв на время об обессиленном противнике, развернулся к новым врагам. Даже у богов бывают верные и преданные друзья. Два альва, всегдашние спутники бога-хранителя, не посчитали свои жизни слишком дорогой ценой за биение сердца своего господина и были готовы послужить ему — в последний раз.

Оба они были вооружены копьями — мастерски владея этим оружием, напали слаженно и ловко — старший метил Сурту в лицо, а тот, что был помоложе, старался бить по ногам. Некоторое время альвы держались, едва ли не тесня своего грозного противника — однако тот был несравненно опаснее и опытнее. Ему удалось, увернувшись от целившего в грудь копья, пустить саблю вскользь вдоль древка, отсекая юноше пальцы вместе с кистями; тот покачнулся, роняя копье — хватило единственного удара, чтобы покончить с ним. Между тем тот, кого с таким мужеством защищали альвы, уже почти пришел в себя; все еще обессиленный, он едва ли смог бы подняться на ноги. И гибель альва, и собственная беспомощность привели его в ярость; он сорвал с себя шлем и в отчаянии швырнул его в Сурта.

Тяжелый шлем ударил Сурта в плечо; дернув головой, он на единственный миг подался в сторону оставленного врага — и этого мгновения оставшемуся в живых альву хватило, чтобы успеть ударить развернувшегося противника копьем под колено, вложив в этот удар все оставшиеся силы.

Ртутно-зеркальная личина дрогнула, по ней словно прошла гримаса… Названный Суртом упал, личина, по-прежнему бесстрастная, уткнулась в траву. А на его место тут же встал другой воин.

— Что ж… вам играть еще рано… — Сурт покачал головой и несерьезно нахмурил брови в ответ на недовольное фырканье Гарма. — Успеется. А вот правила знать вы должны. И лучше, чем живая игра, вам их не объяснит никто.

— Сурт, в их возрасте нас даже близко не подпускали к тавлеям… — Нима опустила руку на запястье мужа. — Повремени…

— Нас ко многому не допускали. Не бойся, Нима… Я сыграю один. — он ласково провел пальцами по волосам жены. — Нам ли страшиться прошедших дней?

Дневной свет совсем угас, однако на поляне, где собрались молодые боги, было почти светло — отчасти от вновь раскрывшихся огненных лилий, отчасти от золотого сияния, которое источали и чаша, и вышивка на плате. Было тихо,

безветренно; беспечальный покой разливался в воздухе.

Сурт взял чашу обеими руками, слегка склонил голову, закрыл глаза и сказал:

— Гибель миров, богов сотворивших и богами же сотворенных… последняя битва.

И он опрокинул чашу над вышитым платом. Из нее стали вылетать небольшие, ростом с полевую мышь, фигурки; вылетать, плавно опускаться на игровое поле, вставая каждая на свое место. Часть фигур была сделана из светлого золота, часть — из черного, еще более темного, чем нити вышивки. Гарм и Фенри глядели во все глаза. Фигурки падали на плат, замирали на мгновение, сжавшись в комочек, охватив руками колени — и спустя несколько секунд вставали, выпрямляясь во весь рост. Среди них были воины в доспехах, женщины в простых или причудливых нарядах… всего не более двух десятков фигур. Некоторые расположились совсем рядом друг с другом; некоторые из персонажей, ожидая первого броска костей, седлали коней, усаживались на драконов.

— Ох ты… не подумал я об этом. — Сокрушенно сказал Сурт. — Многовато персон для первой игры. Боюсь, вам наскучит следить за уже известными событиями.

— Нет! Что ты, отец… — не отрывая глаз от волшебного зрелища, откликнулись его сыновья.

— Тогда слушайте правила. Для каждой фигурки — некоторые из них представляют целые расы… вот смотрите, это альвы, пока единые, это цверги… ну и так далее, — так вот, для каждой бросают кости. Выпавшее число определяет количество шагов, которое фигура проходит по полю. Движется она по спирали. Цвет вышивки, на которой фигура останавливается, определяет обстоятельства, в коих она оказывается — черный предуказывает осложнения, беды, необходимость сопротивляться и выживать. Красный — предписывает страсти, волнения, беспокойства, страдания и радости. Солнечный цвет накаляет и без того разгоряченных героев истории до предела, за который переступать небезопасно… и они все его переступают. Кроме того, чем ближе к вожделенной цели, тем вероятнее всяческие невозможности и волшебства… — и Сурт подмигнул сыновьям.

— Если фигура останавливается на черном, то она должна сделать два шага назад, если на красном — то два шага вперед. Есть одно условие — если фигура пожелает, то может, встав на красное, вытянуть своего соратника, попавшего на черное, ценой своих призовых шагов. Если выпадут две шестерки — то можно вытянуть двоих… или самому сделать двенадцать шагов. Великое дело — выбор…

— Отец, постой… — Фенри внимательно рассматривал переминавшиеся в нетерпении фигуры — Ты говоришь, если пожелает? Так они что, сами решают, как играть?

— Можно сказать, что и так. Видишь ли, сын, попадая на этот плат, фигура обретает на время игры характер и способности своего прототипа, ею движут те же страсти и пытаются управлять те же мысли. Нам остается только бросать кости, а случаю — определять число шагов.

— Отец, а как быть, если у противников разные цели? — спросил Гарм. — Ведь эта битва разделила всех — и богов, и альвов, и смертных. А здесь цель одна…

— Именно, что одна, сынок. Цель у всех была одна — добиться своего. Любой ценой. Одним — удержать, сохранить, не пропустить. Другим — заполучить, преобразовать, изменить.

— Отец, это… ты? — и Фенри указал на фигурку, отличавшуюся ростом и худобой, с двумя мечами за спиной. Черную.

— Угадал. А вот это ваша мама… — и Сурт прикоснулся к сидящей на грифоне девушке, — и ее брат… — фигурка стояла рядом с тремя похожими персонажами, опирающимися на тяжелые щиты и держащими алебарды. Эти фигурки были из светлого золота.

— Нум… смотри, наш отец, Эдред Вседержитель… — Нима завороженно смотрела на игру. — И Ветрогон, мой грифон… Как живые… как прежде. Сурт. — Она заглянула в глаза мужа. — Ты играл в тавлеи, хоть раз?

— Вы оба мне не поверите, — Сурт насмешливо поклонился, — но — да. Играл. Причем не на свершившееся. Однажды мы с Торольфом Лучником сцепились из-за какого-то пустяка, шла война — как обычно, а мы покровительствовали враждующим сторонам. Как только не измудрялись, уже на личности перешли, всякие пакости друг другу подстраивали… Мы так надоели старику Эдреду, что он разрешил нам обратиться к тавлеям, чтобы мы побыстрее исчерпали эту историю.

— И как? Ты его побил, да? — Глаза Гарма горели такой восторженной любовью, что в сердце его матери могла бы закрасться ревность… но только не в сердце Нимы. Она была счастлива любым проявлением любви и приязни, обращенных к Сурту.

— Нет, дружок. — Сурт потрепал светлые волосы сына. — Я проиграл. С судьбой не поспоришь… Я не сказал, на плате есть особые места… никто не знает, где они проявятся в новой игре. Мы называли их мертвые узлы. Если фигура попадает на мертвый узел, она погибает — даже если вокруг нее нет ни единого врага

и ничто ей не угрожает. Такие вот правила. Есть еще тонкости, но их я объясню за ходом игры. Пора начинать…

И Сурт перевернул мешочек над ладонью, встряхнул в горсти игральные кости и со словами: «Начинаем, дети мои!» — бросил их наземь.

* * *

Прежде всех слов и вещей были в мире Огонь и Лед. Один вскипал в бездонной пропасти, ничем не сдерживаемый и нечего не согревающий, другой стыл тяжкой глыбой, косный и бессмысленный. Но случилось так, что однажды Желанию вздумалось протанцевать меж ними; дорожка, оставленная его замысловатыми прыжками, соединила две пропасти. Так возник мир. Огонь получил форму, лед обрел дыхание. Вместе с миром появились и боги, созданные им и его же создающие.

Эдред Вседержитель хранит порядок вещей, что был задан богами; никто не осмеливается противиться его власти. Его жена, Иуле, хранит память обо всем, что достойно упоминания, многие тайны мироздания ведомы ей. Пятеро детей у Эдреда и Иуле: дочь Нима возлюбила живые создания, населившие мир и сделавшие его Обитаемым, их сыновья — Нум, Торольф, Квельд и Никкар — стерегут границы и защищают покой мира.

Родной брат Эдреда — Хакон. Он всем недоволен и обо всем беспокоится; мало кто может ему противиться. Жена его, Варгамор, покинула богов; она хозяйка мира Смерти. И у них также пятеро детей: Сурт, единственный сын, несущий в мир разрушение и перемены, и дочери — Стейно, Эвриала, Сигне и Маара — они вслед отцу порождают в мире беспокойное недовольство и жажду нового.

У богов есть помощники и спутники — светлые альвы. Они сопровождают богов в их странствиях, приносят их волю в Обитаемый Мир и следят за ее воплощением. Самые могущественные из альвов — это духи четырех стихий; в самом начале времен они отделились от своего народа и пребывают в своем собственном мире, они везде — и нигде.

Обитаемый Мир щедро одарен Жизнью, но над нею, имеющей тысячи ликов, знающей сотни форм, властно Время. Именно его воля уводит Жизнь в Смерть, и никому не дано повернуть ее вспять. Все родившееся должно однажды умереть — таков закон времени. Хозяйкой мира мертвых по собственной воле стала Варгамор — однажды она покинула обитель богов, чтобы уйти по дороге, ведущей через весь Обитаемый Мир, в неведомые

пределы. Никто с тех пор не видел ее; только Сурт приходил иногда к вратам мира мертвых и, тоскуя, звал ее. Иногда откликалась Варгамор, и сын с матерью разговаривали, не умея даже взглянуть друг другу в глаза.

Два существа были враждебны богам в этой грозди миров. Великий морской змей Ёрм воплотил в себе все природные силы, с которыми не могут совладать альвы — властители стихий. Колебателем тверди зовут его, дыхание его плавит камень, малое движение сдвигает с места острова. Но Ёрма не боятся боги, скорее уважают, как могучего и независимого соседа. Второй их враг — чудовищная Волчица, которую Хакон в насмешку прозвал Прорвой и Несытью, а остальные боги избегают поизносить ее имя. После возникновения мира предвечная Пустота осталась за его пределами, и ее ненасытимая алчность стала настолько невыносимой, что приняла зримый облик. Она томится у пределов грозди миров, рыскает у границы мира мертвых, пытаясь заглушить рвущий ее внутренности голод. Та пища, что дает ей Варгамор, лишь на время успокаивает ее, ибо кормит ее хозяйка мертвечиной, отжившей, износившейся плотью, лишенной пламенеющего духа, а Пустота жаждет быть наполненной Жизнью.

Так продолжалось несчетные века. И однажды сказал Хакон: «Зачем позволяем мы духу покидать пределы Обитаемого Мира? Смерть забирает самое ценное, оставляя лишь косную материю…» Ему ответила Иуле: «И у нее есть свое назначение, чем же еще можно насытить ту, о которой ты знаешь?» Хакон возразил: «Прорву насытить невозможно. Мы сами вскармливаем себе погибель, ибо мертвое делает ее сильнее, но не насыщает, а лишь растравляет ее голод. Придет день, и она станет настолько сильной и обозленной, что и врата Варгамор не удержат ее.»

— И что же нам делать, как спасаться, брат мой? — Эдред с недоверием смотрел на Хакона.

— Я уже говорил тебе. Наполним Пустоту Жизнью. Соединим вновь миры Огня и Льда, отдадим силу новой жизни миру мертвых.

— Ты предлагаешь оживить Смерть? — изумленно подняла брови Иуле.

— Я лишь хочу, чтобы и за пределами жизни была Жизнь.

— Это противоречит всем установлениям, брат! Никто не согласится на такое безумие. Разве что твой сынок… — Эдред покачал головой. Редко когда он соглашался с братом, но столь резко отвечал, пожалуй, впервые.

— Если ты боишься ошибиться, давай сыграем. И пусть тавлеи ответят, так ли я безумен. И ты ошибаешься… мой сын не

одинок в своем согласии со мной.

— Тавлеи? — переспросил Эдред. — Мы оба знаем, откуда взято их золото. Играть первосущностями о них же? Неплохо придумано.

Эдред и Хакон поднялись в верхний зал Рассветной Башни, где предпочитали разыгрывать те партии, исход которых мог быть слишком серьезным, чтобы делать его достоянием всех богов. Иуле, расстелив игральный плат на сером каменном столе и поставив рядом чашу с фигурками, ушла, плотно закрыв за собой дверь. Братья сели за игру. И никто так и не узнал, чем закончилась она и была ли доведена до конца; только они покинули башню вместе. И уже на пороге Эдред во всеуслышание сказал, что запрещает Хакону даже приближаться к золотым тавлеям, что гнев его падет на головы тех, кто осмелится помогать возмутителю спокойствия…

— Он желает, чтобы мы открыли врата Волчице, дабы удобнее ей было пожрать то, что с такой любовью мы творили и берегли!

— Если мы не откроем ворота и не дадим ей то, чего она жаждет, Прорва справится и без нас. И тогда она возьмет все, до чего сможет дотянуться. И никто из нас не помешает ей.

Так мир и согласие навсегда покинули мир богов. Вражда подобно заразе распространилась и на мир альвов, и на мир смертных. Она разделила их всех на две части — одни желали уберечь то, что и без того было их, другие хотели большего и готовы были рискнуть всем.

Однажды, впервые за сотни лет, Хакон подошел к вратам царства мертвых и позвал свою утраченную спутницу.

— Варгамор… ответь мне. Долго ли ты сможешь удерживать ее?

— Мои силы на исходе, Хакон. — Голос, доносившийся из-за призрачно-серой стены, был тих и печален. — Так тоскливы ее вопли… столько боли в ее стенаниях… я знаю, что однажды не выдержу и отдам ей единственную жизнь, что есть здесь — свою собственную.

— Лучше уж выпусти ее за ворота. Если Прорва получит тебя, всей нашей силы недостанет, чтобы удержать ее.

— О чем ты говоришь, Хакон? — тихий голос стал тверже. — Боги не нарушают данного слова. Я не открою ворота.

И тогда понял Хакон, что нет у него иного выхода, кроме как начать войну — войну против собственного брата и всех тех, кто держал его сторону. Отвоевать тавлеи, доиграть прерванную Эдредом партию и вновь соединить потянувшиеся друг к другу Огонь и Лед. И отдать ту силу, что родится от их союза, Пустоте и

Смерти.

Летят на траву затертые игральные кости. Фигурки передвигаются по плату.

— Отец, смотри! — Фенри дернул Сурта за рукав. — Что это такое?

Фигурка, изображавшая альва, — высокого, остроухого, с огромными крыльями — застыла на черном лепестке; внезапно она рухнула на колени. Альв сжал руками голову, запрокинул ее… по лицу его прошла судорога, неслышный крик разорвал рот. И тут очертания фигурки стали расплываться, она таяла, сливаясь с черным золотом вышивки.

— Это и есть мертвый узел? — тихо спросил Фенри.

— Да. — подтвердил Сурт. — Ты смотри…

Еще два броска костей — и почти рядом с альвом оказались Никкар и Эвриала, оба на красном золоте. Воин, спешащий занять свое место у врат Рассветной Башни, и вычурно одетая девушка верхом на драконе. Обе фигурки не использовали возможность продвинуться дальше по игровому полю, а протянули руки умирающему альву.

— Вы пойдете за мной, даже если мне придется стегать вас хворостиной, как стадо гусей! — и в самые спокойные времена Эвриала не умела уговаривать несогласных с ее мнением; дипломатия никогда не была ее сильной стороной.

Альвы, собравшиеся тронном зале, молчали. Тишину нарушал только шелест множества крыльев. Девушка в слишком богатом наряде, казавшемся особенно причудливым на фоне простых и строгих одеяний альвов, оглядывала их злыми, темными глазами. Верхняя юбка ее платья была расшита наподобие павлиньего хвоста и подобрана так, чтобы показать кружева нижних юбок, сплетенные из сверкающих хрустальных нитей; пышные газовые рукава переливались всеми оттенками зеленого — от темно-елового до светло-травяного, а с запястий свисали ленты и нити бус. Вызывающе низкий вырез платья обрамлял жесткий кружевной воротник, поднимавшийся от плеч искусно вырезанными зубцами, щедро усыпанный изумрудами и алмазной крошкой. Черные волосы Эвриала уложила в высокую прическу, украшенную плюмажем и нитями жемчуга.

— Вы пойдете за мной! — ее пронзительный голос, не отличавшийся приятностью, сорвался на крик; сжались тонкие, затянутые в кружевные перчатки пальцы.

— Куда? — тихо спросил ее альв, стоявший впереди других. — Ты велишь нам идти войной на тех, кому мы служим с начала времен. Опомнись, дочь сомнения, возможно ли это?

— Не пойдете — смерть все равно придет за вами, и те, кому

вы служите, вам не помогут.

— Зря ты так скоро сбросила нас со счетов, Эвриала… — этот голос принадлежал входившему в зал мужчине. Он подошел к девушке, учтиво поклонился, оставив без внимания ее презрительное фырканье. Все в нем — и черно-серые тона костюма, и спокойные неторопливые движения, и вежливый взгляд зеленых глаз — все говорило о сдержанности и безупречном вкусе.

— Повторяю тебе, хотя ты и отворачиваешься от меня, я готов помочь…

— Зачем ты вмешиваешься, Никкар? Или ты думаешь, что память прежних дней заставит меня передумать и изменить своей цели?

-Я надеялся, что ты хотя бы выслушаешь меня. Эвриала, вы безумны, если ожидаете помощи от альвов. Они никогда не встанут на сторону тех, кто разрушает.

— А как быть с теми, кто увидит в разрушителях истинных хранителей?

Задав этот вопрос, альв, стоявший у окна, распахнутого в небо, подошел к богам. Он поклонился им и сказал:

— Я и мои сородичи готовы исполнить вашу волю, госпожа. И мы не одиноки, поверьте, господин, таких, как я, много…

— Опомнись… — стоявший впереди всех альв смотрел на отступника с изумлением и болью. — Ты не ведаешь, на что обрекаешь нас…

— Может быть. Но я чувствую, что жажда новой жизни, новой истины не позволит мне жить, не присягнув ей. Даже если присягать придется смертью.

— Никкар, останови их! — альв умоляюще протянул руки к богу. Но тот молча отошел, уступая дорогу Эвриале и последовавшим за ней альвам.

Расплывающаяся фигурка широко раскинула руки. Правая рука ухватилась за Эвриалу, левую сжал Никкар. Через минуту фигурок стало две.

— А почему они все еще с крыльями? — спросил Фенри.

— Неужели ты думал, что у всех пошедших за Хаконом альвов враз отсохли крылья и вылезли клыки? — засмеялся Сурт. — Такое только в сказках бывает, сын. Изменения настигли их спустя несколько недель после начала войны.

— Отступников крыльев лишил Эдред… а верных — Хакон, — тихо сказал Нум.

— А уже потом они стали меняться сами. И потому, что те, кого ваш дядя называет отступниками…

— Прости, Сурт. Привычка… — смутился Нум.

— Ничего. Так вот, они оказались куда отчаяннее и

несдержаннее в бою, чем их сородичи-хранители, и гораздо более жестоки по отношению к слабым смертным. Потому обрели тот облик, что и посейчас. И отказались от прежнего имени — орки, так теперь они себя называют.

— Так эльфы и орки были некогда единым народом? — удивленно поднял брови Гарм.

— Сын мой, и ты только сейчас узнал об этом? Хорошо же ты изучал историю прежнего мира, нечего сказать… — Сурт покачал головой.

— Прости, отец… теперь я обязательно перечитаю свитки… — покаянно пообещал Гарм.

— Да уж постарайся. Играем дальше, дети мои.

И снова летят кости, определяя число ходов фигуркам. Но когда все уцелевшие собираются на лепестках раскаленного солнечного цвета, происходит что-то необъяснимое.

Маленькая фигурка девушки покидает своего грифона и склоняется над фигурой поверженного воина. Ей только что выпала редкая удача — сразу две шестерки обозначились на игральных костях, и путь перед ней открыт — до вожделенной цели не более двух десятков шагов. Она могла бы опередить всех и, возможно, выиграть, но вместо этого предпочитает с помощью другой фигурки — двигающейся с трудом, с непокрытой головой и такой же светло-золотой — втащить черного воина на спину грифона, помочь подняться брату и сесть самой. Едва она успевает взять в руки поводья, как вышивка игрального плата начинает двигаться. Словно хищные щупальца извиваются черные лепестки, разрастаясь, захлестывая и красное, и солнечное золото. Нити будто вскипают, дергаются, силясь вырваться из ткани, рвутся — и начинают пропадать. На глазах изумленных богов вышивка тает; диковинные цветы, предопределявшие судьбы, поглощает белизна основы. Фигурки, доигравшие почти всю партию, сворачиваются в клубочки, как в самом начале игры и так и застывают. И только грифон успевает развернуть крылья и подняться в воздух; он парит над белым, нетронутым полотном.

— Игра закончена. — Тихо говорит Сурт. Грифон опускается в центре плата, фигурки спускаются с его спины и встают рядом друг с другом.

— Чего ты хотел, Сурт? Надеялся узнать, остался ли кто за пределами Обитаемого Мира? — невесело спрашивает Нум.

— Да. — Кивает Сурт. — Уж очень быстро все тогда произошло. Нима, ты никогда не рассказывала мальчикам об этом… как вы поняли, что Прорва вырвалась?

— Тогда мне было все равно, кто победит и чья правда возьмет. Я должна была унести вас обоих в безопасное место… не

смейтесь, я верила, что смогу отыскать такое, при живом фронтире…

— При ком? — спросил Фенри.

— Фронтир — это движущаяся граница мира, сын. Здесь она неподвижна, мы создали иллюзию ее удаления, чтобы не было так тоскливо. В прежнем мире границ не было — сколько бы ты ни шел, впереди было неограниченное пространство, а фронтир убегал от тебя, как живой.

— Вот это да… — мечтательно протянул Гарм. — Мне бы так…

— Я уносила вас из Срединной Крепости, не зная, выживете ли вы, и не особо оглядывалась по сторонам, но то, что я видела, особенно в Альвхейме…

— Я все думал — почему Альвхейм? Почему не мир людей, ведь он был ближе к ней, — проговорил Нум.

— Если тебя держат взаперти достаточно долго, чтобы ты успел разозлиться, то вырвавшись, ты ведь не шагом пойдешь, верно? Я думаю, Прорва вымахнула прыжком и оказалась в мире альвов… дотянулась.

— Ты прав, Сурт. Она дотянулась. — Нима опустила глаза. — Я видела, как исчезает целый мир, растворяется в гулкой пустоте… А потом она принялась за наш дом. Когда я видела, как альвы убивают друг друга, думала, что ничего ужаснее не увижу. Но это… Все мы с нашими спорами и войнами были для нее не более чем пляска пылинок в солнечном луче. И я поняла, что должна поторопиться, если хочу успеть хотя бы еще раз взглянуть на ваши лица. Ветрогон рвался из последних сил, обгоняя свет звезд, и где-то в мире людей силы его иссякли. С первыми рассветными лучами он внес нас сюда… — Голос Нимы дрогнул и она замолчала.

— А Прорва, она что, подавилась? — недоверчиво спросил Гарм.

— Хотелось бы, сын. — Вздохнул Сурт. Он обнял жену за плечи, прижал к себе. — То, что этот кусочек мира и мы в нем все еще живы, вовсе не означает, что пустота насытилась. Как только силы вернулись к нам, первое, что мы сделали — закрыли врата, которыми пришли. Слишком опасно держать открытой дверь, в которую может войти тот, кого ты не очень хочешь видеть в своем доме. Но все не так уж плохо… — И он погладил жену по волосам. — Представь, что Ветрогона занесло бы к стихиям — мы бы там от скуки с ума сошли.

— Отец, что же с ними? — и Фенри показал на застывшие скорчившиеся фигурки.

— Не знаю. — Помрачнел Сурт. — Не вижу и не чувствую. Да

что я, сами тавлеи отказались играть это. И я не понимаю, как они сюда попали — ведь хранили их в Рассветной Башне, так ведь, Нум?

— Да… — не очень уверенно сказал Нум. — Я был уверен в этом, когда стоял там. Иначе…

— Понимаю. — Кивнул Сурт. — Но теперь это не так уж важно.

Он собрал отыгравшие фигурки, сложил их в чашу, туда же убрал мешочек с костями и плат, все еще белый.

— Я думаю, вышивка проявится… позже. Если у кого-нибудь из вас возникнет охота сыграть — тавлеи здесь. — И Сурт поставил чашу у подножия скалы, из которой бил родник.

Глава вторая. Сыновья

— И занесло же нас в эдакую дыру… — раздраженно сказал высокий светловолосый юноша лет двадцати. Он сидел в распахнутом проеме ворот, выходивших прямо в небо, опираясь спиной на стену, одну ногу согнув в колене острым углом, другой болтая в воздухе. В руках у него был пышный розово-белый цветок; юноша отрывал лепесток за лепестком и отправлял их в рот.

— Опять за старое, Гарм? — спрашивавший парил перед недовольным, держась в пронзительной синеве силой огромных орлиных крыльев, заменявших ему руки. Он был черноволос, красив и, судя по выражению рта, упрям. — Ну чего тебе не хватает, скажи на милость?

— Скажу. Только пообещай, что не будешь драться.

— Обещаю.

Получив такое обещание, названный Гармом отбросил в сторону цветок, встал на самом краю западных врат, вытянул руки в пустоту…

— О! Чуть не забыл. Ты не сопротивляйся, ладно?

И прежде чем его брат успел ответить, запел. Пел он мастерски, ничего не скажешь. Голос, низкий и резковатый, терпкий как вкус терновника, не смягченного первыми морозами, облекал заклятие плотью слов и мелодии, падавшей короткими выдохами и свистящими вдохами. Песня молодого бога окружила парящего в воздухе и для начала заставила уменьшиться до размеров крапивника. Гарм протянул руку, осторожно взял брата и слегка подул на него. Вокруг крылатой фигурки взвихрился прозрачный поток, защищая ее, Гарм убрал руку и продолжил песнь.

Из ниоткуда сплетались в воздухе стальные прутья клетки. Вскоре они окружили «птичку» безнадежно непреодолимо; но этим песнь не закончилась. Клетка получилась огромной. Внутри ее волей Гарма расцвели миниатюрные сады, зажурчали родники и речушки, вспыхнуло маленькое солнце, запели ветра. И внезапно клетка исчезла. Только парил перед Гармом в воздухе зелено-пестрый, живой шар.

— Прекрасная иллюзия, не так ли? — спросил он. И попытался сорвать ветку с маленького дерева. Но пальцы его уткнулись в невидимую преграду. Клетка, как оказалось, никуда не делась. Клетки вообще не имеют привычки исчезать, их можно только сломать…

— Причем изнутри это сделать легче. — Уверенно сказал

Гарм. — Ну как тебе там? Не тесно?

— Тесно! И вода у тебя соленая получилась! Хватит, Гарм!

И клетка-сад пропала. На ее месте вновь возник юноша с орлиными крыльями. Он подлетел к вратам, ступил на твердый каменный пол и встряхнул крыльями, обращая их в обычные руки.

— Тесно тебе здесь. — В его голосе было сочувствие и немного непонимания. — Понимаю… хотя и не очень. Ну чего тебе не хватает?

— Свободы. Места. Времени. Да не знаю я! — и Гарм вновь сполз спиной по стене, садясь на холодный пол. — Не знаю, Фенри.

Фенри сел рядом с братом, положив руку ему на плечо.

— В батюшку пошел, братец… Кровь бунтарская. И голова дурная… у тебя, конечно.

Гарм искоса глянул на брата и ничего ему не ответил. Эти братья при всей родственной схожести черт лица были на редкость непохожи. Фенри, одетый строго и безупречно, действительно был похож на молодого бога — красив, статен… уверенный, повелительный взгляд черных сверкающих глаз, черные же волосы, облекающие плечи и спину подобием царственной мантии, на голове — венец с двумя зубьями, поднимающимися над висками… И Гарм — одетый в какие-то нелепые одеяния, на плечах — широкий воротник с фестонами, длинные дырявые рукава петлями охватывают пальцы, ткань, вышитая пестро и беспорядочно, явно нуждается в чистке… на руках и на лице бога — рисунки, сделанные соком ядовитых ягод, светлые волосы взлохмачены, а в глазах, светлых как роса небесная, — тоска и нетерпение.

— Ну да, тебе повезло, маменькин сынок… Скажи, чего ты боишься? Сколько раз мы с тобой играли, все обходилось! — и Гарм раздраженно сплюнул в небо.

— Нет, брат, и не напоминай. Не буду я с тобой на огонь и лед играть. Не буду. Хоть убей.

— Дурак.

— Сам такой.

— Ты хуже дурака, ты трус.

— Не заводись, Гарм. — Но руку с плеча брата Фенри убрал. — Сам знаешь, что говоришь не правду. Хочешь, пойдем побьемся? Глядишь, полегчает…

— Нет. Не хочу. — Гарм встал. — Пойду отца поищу. Давно не виделся. Ну, бывай, брат. — И он повернулся и пошел вглубь дома.

Сколько веков минуло в Обитаемом Мире с тех пор, как

поселились в нем последние из Богов — никто не ведает. Этот осколок прежнего обширного мира Смертных, уютный и невеликий, стал их домом и — увы… — тюрьмой. Первое время их истощенные войной и потрясением силы уходили на то, чтобы привести в порядок это убежище, сделать его более-менее достойным их вынужденного пребывания.

Большинство в Обитаемом Мире составляли люди — светловолосые и гордые на севере, смуглые и мстительные на юге, скрытные и непонятные на востоке. А на западе этого мира обосновались альвы. Вернее те из них, что стали эльфами. Пройдя горнило братоубийственной войны, научившись — но не привыкнув — убивать себе подобных, альвы утратили способность летать, одолевая огромные расстояния и обгоняя ветер, разучились управлять природными силами, забыли многое из того, что прежде было им ведомо. Все, что осталось им — значительно более долгая, чем у людей, жизнь, — почти что бессмертие, способность довольно тонко различать голоса стихий и разговаривать с ними, и обрывки воспоминаний о былом величии и могуществе.

Племя отступников, именовавших себя орками, было рассеяно по всем северо-восточным землям; в отличие от эльфов, они не создавали единого государства и не выбирали себе королей. От прежних времен у альвов-отступников не осталось почти ничего. Кожа их приобрела зеленовато-смуглый оттенок, резцы удлинились и заострились, став со временем угрожающими клыками. Такой звероподобный облик не помешал оркам общаться с людьми; они и союзничали, и воевали со смертными гораздо чаще, чем их светлые собратья. Способность орков к магии проявлялась редко, они предпочитали нападать и разъяснять все недоразумения языками мечей, нежели чем вытягивать из противника душу силой тайных знаний.

С того времени, как закончилась война богов, меж эльфами и орками установился настороженный, оскорбительно-недоверчивый нейтралитет. Они либо высокомерно не замечали друг друга, либо — при неизбежной встрече — вели себя как разделенные и спаянные вековечной кровной враждой. Стоит ли упоминать о том, что они никогда более не воевали и каждый из них считал другого предателем.

Кроме пятерых выживших богов в этом мирке оказались и свои божественные сущности. Они во многом напоминали прежних стихий, обитали в море, в горах, а самый приметный из них избрал местом свого пребывания чудовищные леса на юго-западе. Власть этих божков была невелика, возможности — еще меньше, они были под стать этому невеликому миру.

Повзрослев, Фенри и Гарм приняли участие в обустройстве Обитаемого Мира. Фенри больше времени проводил с братом матери, Нумом; их сближало пристрастие к порядку и оформленности. Гарм же очень быстро оказался правой рукой Сурта, и если в мире что-то менялось, причем не всегда в лучшую сторону, он всегда оказывался к этому причастен. Гарм по-прежнему частенько позволял себе нелепые, шутовские выходки; он часто общался с людьми. Фенри до подобного не опускался.

— Здравствуй, отец. — Гарм вошел в небольшой покой, похожий на каменный подводный грот. По стенам причудливыми узорами лепились ракушки, змеились ленты водорослей. Сурт сидел, согнувшись, положив подбородок на сцепленные руки. Услышав голос сына, он поднял голову.

— Здравствуй. Опять брата на игру подбивал? — и Сурт жестом пригласил Гарма сесть рядом.

Гарм коротко кивнул и уселся, куда указали. Он мрачно пинал босой ногой зеленый мшистый ковер, безжалостно сминая, растрепывая нежный ворс.

— Ну и дурак. — Необидно хохотнул Сурт. — Ты бы еще Нума пригласил.

— Ну хорошо. — Буркнул в ответ Гарм. — С ними все ясно. Но вы, почему вы отказываетесь играть со мной?

— Я уже объяснял, сын. — Сурт развел руками. — Слишком мне нужна эта партия. И ты не ровня мне, как игрок. А тут нельзя будет ни проиграть, ни выиграть… боюсь, так провести партию ты не сможешь.

— И что теперь? Так и будем штопать прорехи на здешнем небосклоне? Отец, чего бы мы не делали — этого мало.

— И тут ты прав. Сам я давно понял — такими вот стежками-штришками погоды не сделаешь… Да, мы что-то меняем, все больше по мелочам… но незначительные, местные улучшения не исправят тесноты и замкнутости этого мира. Если мы хотим большего — надо взорвать старое и создать новое. Только так.

— И как нам объяснить это семье? — язвительно поинтересовался Гарм.

— Никак. — Сокрушенно пожал плечами его отец. — Сын, не злись. Они сами поймут, со временем.

— И сколько веков мне еще ждать? — Гарм со вздохом распростерся на зеленом мшистом полу навзничь. — Я устал плавать вокруг этого мира, как рыба в садке. Я знаю каждую скалу, каждый корабельный остов… И летать тошно, будто тебя за ногу привязали — наматывай знай круги. Звезды все пересчитаны, все цветы сорваны, и сплетены в венки… и сердце мое молчит в ответ на все голоса этого мира. Тоска, тоска… Отец,

я устал ждать, что произойдет хоть что-то новое, небывалое еще под этим солнцем…

Сурт в ответ тихо засмеялся. Как давно это было… когда он сам говорил такие же слова Хакону, своему отцу… и так же рвался в бой… и жаждал преград…

А Гарм продолжал. Он вынул из уха серьгу, плоский изогнутый треугольник, ртутно-зеркальный, ледяной на вид, и раскачивал ее, держа двумя пальцами, у себя перед глазами, будто убаюкивая сам себя.

— Мне тесно, отец… Это не скука и не лень. Да, я часто жалуюсь, мол, делать нечего в эдакой клетушке. Куда ни ткнись — упрешься в стену. Странно быть богом и постоянно ощущать свою ущербность. Этот лживый фронтир каждый день ухмыляется мне в лицо — ну, и как далеко простирается твоя божественность? А как насчет перешагнуть через меня? И еще этот постоянный рикошет… Словно щелчки кто дает. Обидно так, по лбу. Малейшее возмущение здешнего проклятого спокойствия, чуть-чуть божественного произвола, — и Гарм пренебрежительно скривил губы — и тебя тут же ставят на место. Людские маги, и те плачутся на скудость своих сил. Взывают… просят…

— Ты снисходишь до общения со смертными? — поинтересовался Сурт.

— Так же, как и вы. — И Гарм улыбнулся. — Как мой младший брат, тот, в Шаммахе? Уже вырос из пеленок?

— Уже. Способный мальчик, даже слишком.

Они замолчали. Наконец Сурт прервал затянувшуюся паузу.

— Вот что, сын. Про тавлеи ты можешь забыть — никто из нас не станет играть с тобой. А значит, надо искать другой путь… — он присел на колени рядом с лежащим сыном, отвел от его лица раскачивающийся ртутный треугольник. — Ты давно не был у восточных ворот?

— Что? Так туда вообще никто не ходит. — Взгляд Гарма прояснился, стал цепким и любопытным. — Восточные врата, вы говорите?

— Именно. Если мы откроем их… — Сурт подчеркнул первое слово — То получим все и сразу, и быть может, даже больше, чем ожидаем. Или ничего…

— Но как же то, что осталось за вратами?

— Это ты о Прорве беспокоишься? Я думаю, что если бы ее голод не был тогда утолен, вряд ли ее удержали бы наши слабые заклятия. Что-то произошло там тогда… Вот что. Пойдем, я покажу тебе кое-что.

Боги миновали анфиладу покоев, простых и причудливых; коридор вывел их к витой лестнице, ведущей в одну из башен. На

самой ее вершине и был тот самый единственный портал Обитаемого Мира — бесполезный и бездействующий. Лестница закончилась, и дальше идти было некуда. Небольшой зал, куда вышли отец и сын, был на удивление скромен — никаких украшений или архитектурных изысков. Черный каменный пол, серые стены, в которых прорублены узкие, длинные окна, заставляющие ветер протискиваться и сердито свистеть, обдирая бока. И одна-единственная дверь. Две створки, обрамленные диким камнем, перекрыты тяжелой деревянной балкой засова, в массивных петлях висят замки.

— Неплохо постарались… — одобрительно говорит Сурт. — Только стражи не хватает. А теперь посмотри… — и он указывает Гарму куда-то вверх. Там, где створки, смыкаясь, образуют острый угол, из каменной обкладки выпал маленький кусочек, а на его месте беспокойно темнеет пустота.

— Ты знал об этом? — Сурт вопросительно заглядывает в глаза сыну.

— Ну… догадывался, в общем. Только не думал, что это именно здесь. Одно время даже искал — думал, правда, что будет что-то более заметное, все-таки выход в Смерть как-никак… Так значит, частицы первородного огня нашли себе лазейку.

— Нашли.

— Отец… — помолчав с минуту, тихо спрашивает Гарм, — Что там, за Вратами?

— Беспредельность… Абсолют великой Пустоты, безвременье и недвиженье, являющие и поглощающие в свой черед.

Сурт вынимает из-за пазухи осколок льда, закрепленный несколькими витками серебряной проволоки, легко вынимает лед и, подойдя к двери, вставляет его на место выпавшего камня. Гарм невольно отступает на шаг назад — мало ли что… но, как ни странно, ничего не происходит. Будто замочную скважину прикрыли, не более. Не говоря ни слова, Сурт отходит и делает знак сыну — уходить. Уже на лестнице он негромко говорит:

— Нужна сила, сын. Меня и тебя не хватит, чтобы снять все эти замки и засовы, а помогать нам никто не станет.

— Это верно. Но я могу чем-то помочь?

— Можешь. — Сурт коротко вздыхает. — Льду нужен огонь. И немало…

Гарм понимающе кивнул; помрачнев, он глядел себе под ноги. Опять смертным раскошеливаться, думает он про себя.

— Иначе нельзя. — угадывает мысли сына Сурт.

* * *

Великий Князь Одайна, по традиции безымянный, с недоверием оглядел приехавшего из Краглы королевского посланника. Молодой, вежливый, с холодными неулыбчивыми глазами, светло серыми, как северное море; «знаю я таких…», думал Князь, «мягко стелет, жестко спать… и чего этим бандитам морским от нас надобно?»

— Князь соблаговолил выслушать послание моего короля. Каково будет слово Князя? — юноша поклонился и испытующе посмотрел на Князя.

— А что тут говорить. Только прежнее повторять. Больше, чем прежде, не можем мы вам дерева дать. Хоть озолотите. Это только трава сорная вприпрыжку растет, а лесу время надобно.

И Князь сердито засопел. Он с самого начала витиеватой речи посланника понял, к чему клонит Кragла. Флот великий задумали строить, мало им нынешнего, еще подай. Небось, на море Покоя зарятся. И пускай, Князю оно без надобности… вот только лес Кragла только в Одайне купить может. В Эригоне он дороже, в Арзахеле отродясь не торгуют, только чванятся, в Маноре не леса, а одно название, а эльфы… те за одно предложение вырубить строевой лес могут и к праотцам отправить. Все бы ничего, только Одайн и Кragла — старые друзья, и северяне не раз свою дружбу доказывали, и мечами, и золотом, и отказывать им не след. Это первое. А второе… единственная дочь Князя давным-давно была просватана за старшего сына короля Краглы, да не просто по воле родителей, а по собственному желанию. И Князю (да и соседу его тоже) не раз в голову такая мысль забредала — а что, если бы эльфий лес, что Одайн и Краглу разделяет, в собственное владение получить… тогда, глядишь, внуки в наследство получили бы такое королевство, с которым в Обитаемом Мире никто бы спорить и ссориться не стал. Даже Шаммах. А эльфы… ну что эльфы… их мало, хватит на них лесов и в восточных землях, поближе к Краю Света.

Пока Князь в который раз обдумывал все это, посланник стоял молча, рассматривая собственные сапоги. И когда князь готов уже был произнести слова отказа, он поклонился и тихо сказал:

— Да простит мне Князь мою вольность, но молчание мое стало бы нерадивостью, а она еще более непростительна.

И слово в слово он повторил Князю все то, о чем тот только что думал. Добавив про наступающий на пятки Арзахель.

— Что ж… возразить мне нечего. — Князь встал, прошел к окну. — Так тебя твой король чего испросить-то велел — леса или войны?

— Князь поймет и простит меня, если я отвечу, что не

уполномочен отвечать за короля Краглы.

— Ну-ну… Ладно, ступай. И скажи своему королю, что дочь Князя Одайнского не бесприданница какая… — тут Князь оборвал себя. Он слишком хорошо знал, что приданое княжны оставляло желать лучшего, и если бы не взаимная склонность обрученных, то Крагла легко нашла бы невесту намного богаче — и наследными землями, и золотом. — Ну, ступай… — и Князь махнул рукой.

Великому Князю легко сказать — увеличьте налоги. Посланникам еще легче передать вассалам его волю. Вассалам, тем не так уж трудно собрать отряды и нагнать страху на подвластные деревни. А вот что прикажете делать тем, с кого спрашивают вдвое против прежнего поднятый налог? Отдать последнее и помереть с голоду?

Спасибо, находятся умные головы, намекают, что, мол, лес строевой нынче в цене, и одна вырубка налог покроет. А что лес тот в эльфьих владениях — так то уж эльфья беда, не людская.

— Ну что вытаращился, остроухий? — нарочито грубо говорит молодой парень, вытирая пот со лба. Он стоит возле только что поваленной сосны, готовясь обрубать сучья. Рядом с ним еще трое — все с топорами и пилами.

— Что смотришь? Иди-ка отсюда подобру-поздорову. Не ровен час, зашибет.

— Это не твоя земля… человек. — Эльф, не отрываясь, смотрит на лежащий на земле золотистый ствол.

— А чья? Твоя, что ль? — парень кривит рот в усмешке. — А хоть и твоя… все едино. Мне, остроухий, — топор отсекает темно-зеленую ветку, — семью кормить надо. Мне либо лес твой порубить, либо по миру пойти. А у меня хозяйка прибавления ждет. — Топор поднимается и опускается с равномерностью маятника. — А леса твои… еще нарастут. Достанет с тебя… ишь, на полмира расползлись, ровно сорняки.

* * *

Однажды Фенри застает брата-близнеца в саду сидящим возле скалы — той, из которой бьет родник.

— Брат… тебя будто кто тянет к этой игрушке, — и Фенри уселся рядом. — Прямо смотреть жаль… так руки и чешутся, да? — и он необидно засмеялся.

Гарм в ответ обезоруживающе развел руками. Фенри, все еще смеясь, взял деревянную чашу, встряхнул ее и протянул брату.

— Так давай сыграем! Все равно, на что. Хочешь, разыграем

Великие Леса? Кому они в итоге достанутся… Ты за кого играешь?

Вопрос был излишним. Гарм терпеть не мог альвов.

…Летят на траву истертые игральные кости. Золотые фигурки передвигаются по вышитому плату. Эльфы и люди; полководцы и короли; предатели и герои. Светлый полдень застает братьев заканчивающими партию — один из эльфьих королей, пройдя сквозь все хитросплетения узора, берет гладкую монетку и, торжествуя, поднимает ее вверх. Солнце вспыхивает на золотом диске; Гарм чуть прижмуривает глаза.

— Партия твоя, брат. И все же я думаю, что приграничные леса останутся за людьми. А твои остроухие хороши, ничего не скажешь.

— Это их леса, Гарм. Сам знаешь, они к ним не как к наследным владениям относятся — скорее как к части себя.

— Причем лучшей. — Скорчив брату гримасу, Гарм убрал фигурки в чашу и поставил ее в траву, у подножия скалы.

Через несколько месяцев уже Гарм предлагает брату разыграть партию в тавлеи — уж очень любопытно узнать, кто отвоюет себе право дать имя Безымянному Хребту? Итогом партии заинтересовался даже их отец — оба предводителя, и гном, и цверг, буквально в двух шагах от вожделенной монетки попали в мертвые узлы. «Вот ведь… неймется им,» — качает головой Сурт, — «Жили бы себе спокойно, места под горами хватает, ремесло они поделили, чего же еще?»

— Может, им общего врага не хватает? — спрашивает Фенри.

— Общего врага? Думаешь, их объединит угроза? Хм…

— Идея неплоха, но кто? — Гарм собирает фигурки в чашу. — Драконов здесь только в книжках рисуют, как редкость необыкновенную. Если кто у Края Света тень крыльев драконьих увидал — либо от страха помирает, либо от счастья, что такое увидеть сподобился. Люди с низкорослыми воевать не станут, потому как невыгодно.

— Раз так, врага можно и создать — во имя сохранения расы… — Сурт улыбается, но тон его совершенно серьезен.

— Опять монстров плодить? Если только Фенри возьмется, у него они лучше получаются. К тому же он давно не спускался в Обитаемый Мир… прогуляется лишний раз. А, Фенри?

— Можно… — Фенри встает, потягивается и встряхивает кистями. — Врага им нужно? Будет им враг.

Созданные Фенри не без остроумия подгорные крысы первое время действительно причиняли немало беспокойства и гномам, и цвергам, заставив их забыть друг о друге. Однако спустя несколько месяцев эти милейшие твари почему-то избрали

своими врагами орков; видимо, сказалась привычка Фенри давать своим созданиям слишком много свободы воли. В другое время Фенри здорово влетело бы, и не от отца, а от матери, но в Обитаемом Мире и без подгорных крыс забот поприбавилось. То и дело, по непонятным причинам, вспыхивали мелкие войны, что ни месяц — появлялись пророки, сулящие миру скорую гибель и вовлекающие толпы неразумных в самоубийственные ритуалы, сильные и облеченные властью совершали непростительные ошибки, а слабые расплачивались за них, проклиная день, подаривший им жизнь. Маленький, уютный Обитаемый Мир стал неспокоен и нерадостен.

Призыв отца застал Гарма в глубине океана, где он плавал наперегонки с любимыми им акулами (его забавляли их тупорылые, глуповатые морды с наивными веселыми глазками); услышав его, Гарм изогнулся, меняя направление, и поплыл к дому, обгоняя свет, пытающийся пронизать черно-зеленую толщу воды. Через несколько секунд бог исчез, ибо голос отца был тревожен и он решил поторопиться.

Перешагнув порог залы Восточных Врат, Гарм увидел, что явился туда последним. У самих Врат стоял Сурт и, судя по выражению его лица, ничего хорошего для себя не ждал. Против него стояли Нум, Нима и Фенри; последний — опустив голову и руки. Гарм встряхнул волосами, роняя на пол холодные соленые капли, и прошел к Вратам, встав рядом с отцом.

— Гарм, прошу тебя, уйди. — В голосе Нимы не было повелительных или сердитых нот, она действительно просила.

Ее сын даже не ответил. Он только вопросительно посмотрел на отца. Тот невесело усмехнулся.

— Твой брат забеспокоился о судьбах этого мира — слишком многие беды одолевают его. Решил, что нечто враждебное проникает извне, извращая и разрушая — вот и поспешил сюда. Хорошо хоть я успел прежде него достать свой камень…

В руке Сурта темным, почти черным пламенем рдел прежде прозрачный алмаз; прищурившись, Гарм увидел, как живет, пульсирует, дышит его глубина. Сурт сжал руку в кулак.

— Ты опять за прежнее, Сурт. — Нум, судя по голосу, был раздражен. — Неужели прежний урок ничему тебя не научил? Мало тебе всей Грозди Миров, хочешь и остаток Прорве скормить?!

— Смотри-ка, а ты отважился ее имя произнести… — издевательски протянул Гарм.

— Тише. — Одернул его Сурт. — Нум, ты не хуже меня знаешь, что если бы Несыть пожелала, то ни нас, ни этого мирка давно бы не было. Так что скажи лучше, что просто желаешь

любой ценой оставить все, как есть… в покое. Даже если это покой болота.

— Лучше покой болота, чем пустота. — Это сказала Нима.

— Да нет никакой пустоты! Мы закрылись здесь, как испуганные дети в чулане, будто в карман спрятались… Нима, сколько раз я говорил тебе — нет той пустоты, которой вы привыкли бояться. И никогда не было. Есть лишь Несбывшееся и Невоплощенное, что жаждет лишь одного — жизни. И мы можем дать эту жизнь. Или мы не боги?!.. — и Сурт засмеялся.

— Хватит! — Нум шагнул вперед. — Довольно! Зачем ты напитал осколок изначального льда первородным огнем? Никто из нас не решится использовать такую мощь в столь тесных пределах. Ты хоть понимаешь, что одного раскрытия этого камня хватит, чтобы от всего сущего осталась горстка пепла?

— Ты всегда преувеличивал, Нум… и решительностью тоже не отличался.

— Что ты задумал, Сурт? — голос Нимы был тих и печален.

— Открыть Врата… для начала. Потом… вернуть Миру бесконечность. Творить. Разрушать. Скользить по бесчисленным отражениям Сферы. Дети мои… нас удерживают не Врата, но постыдный для богов страх.

Тишина заполнила залу. Боги стояли молча, не глядя друг на друга. Мир замер, ожидая решения своей судьбы.

— Гарм. — Сурт кивнул сыну, — Сын мой, открывай Врата — насколько сможешь. Я помогу.

Гарм улыбнулся отцу в ответ. Он, стоящий у Восточных Врат, менее всего был похож на бога. Его шутовские одежды были насквозь промокшими, с длинных светлых волос все еще капала вода, на лице красовался рисунок, сделанный ядовито-красной краской, охватывающий глаза, скулы и часть лба. Босые ноги нетерпеливо переминались на холодном каменном полу. Не обращая на застывших напротив родичей ни малейшего внимания, Гарм достал из подвешенных на низком поясе ножен длинный, узкий кинжал и одним резким ударом вогнал его в дверную щель. А потом, не заботясь ни о том, хватит ли его сил на такое деяние, ни о том, что может ожидать их всех за пределами Врат, Гарм принялся поворачивать кинжал. Как всегда, ведя заклятие, он пел. Сейчас его голос, и без того низкий и терпкий, приобрел тембр и звучание земных недр, разрываемых землетрясением… грома, сотрясающего небо после месяца жестокой засухи… И двери, казалось бы, закрытые безнадежно, подались. Застонал замок, трещина побежала по его дужке… Голос Гарма дрогнул на секунду, молодой бог пошатнулся — и устоял. И не прервал заклятия, не отпустил рукоять кинжала,

продолжая поворачивать ее, раздирая, уничтожая прежние охранные чары.

— Фенри! Спасай брата! — Нима успела крикнуть это за долю мгновения до того, как…

Как выросшая из ее пальцев осока, острая и гибкая, как бритва, полоснула богиню по тыльной стороне руки. Нима взмахнула рукой и тяжелые, пахнущие полынью, багряные капли слетели с травяных лезвий и упали на лицо Гарма. Несколько выкрикнутых слов довершили проклятие — ее старший сын замер и с еле слышным стоном бессильно опустился на каменный пол.

— Ну же! Уноси его! Прочь! — Нима толкнула Фенри к брату. Фенри подошел к проклятому, принял его на руки и неверными шагами отошел к стене. Было видно, что он не верит в реальность происходящего, как ребенок пряча взгляд от пугающего зрелища. Только что его мать прокляла его старшего брата — кровь Нимы отняла у Гарма все его силы, низведя молодого бога до уровня какого-нибудь жалкого привидения или малютки эллила.

— Сурт. Отдай камень. — Нима хрипло перевела дыхание. — Отдай.

— Нет. — И прежде, чем богиня успела хоть что-то сделать, Сурт ударил свободной рукой по рукояти кинжала. Замок с неправдоподобно гулким, ватным стуком упал на пол. Скобы засова еле держались в стене.

Нум напал на Сурта первым; но если когда-то они бились один на один, то теперь бок о бок с ним нападала сестра.

…Фенри не любил летать на сотворенных крыльях, растущих на спине; он всегда предпочитал перекидывать в могучие орлиные крылья собственные руки, чтобы наслаждаться полнотой полета, чувствовать ветер, ворошить облака. Но сейчас ему пришлось воспользоваться именно сотворенными крыльями, ибо на руках он держал брата. Фенри еле успел покинуть залу Восточных Врат — вернее сказать, его попросту вышвырнуло в небо.

Сурт, не дожидаясь, пока брат с сестрой обессилят его, понимая, что воспользоваться камнем так, как было задумано, он не сможет — но и не желая растрачивать накопленную мощь на то, чтобы уничтожить противников, — попросту избавился от него. Он швырнул камень вверх… пробив крышу Восточной Башни, тот со свистом ушел в облака.

Сурт еще успел отразить удар Нума, но вот чары Нимы ударили по нему, вскользь задев дверь. Но этого вполне хватило, чтобы обрушились скобы, роняя тяжеленный засов. Врата стали отворяться.

Что происходило в башне, так и осталось неизвестным.

Столкнувшиеся в ярости силы богов могли только разрушать. Фенри, крепко прижимая к себе безжизненное тело брата, сделал шаг назад — и, подхваченный воздушной волной, краем глаза успел увидеть, как рушилась башенная стена. Он завис в воздухе, переводя дыхание и пытаясь хоть что-то сделать здесь, где все, кроме него, уже сказали свое слово. Но было поздно. Дом богов рушился. Из его глубин начала подниматься огромная воронка смерча, готового поглотить все сущее. И тут до слуха Фенри донесся слабый крик:

— Спасайтесь!

Фенри готов был поклясться, что это были голоса его отца и матери. Не раздумывая ни секунды, он развернулся и изо всех сил поспешил прочь, унося брата и самого себя от места беды.

У самого южного края земной тверди силы Фенри иссякли. С трудом взмахивая крыльями, он опустился на пустынном берегу, поросшем степными травами, не отмеченном никакими следами обитания живых существ. Мягко, почти нежно уложил тело брата на теплый, сухой травяной ковер. Гарм был нехорошо, иссиня бледен, там, куда попали капли крови Нимы, багровели ожоги, дышал он медленно и вяло. Фенри сел рядом, уложив голову Гарма себе на колени, и призадумался. Ну вот, все же ему придется сказать свое слово. Так уж получилось, что он единственный уцелел в этой нелепой, самоубийственной схватке. Последний из Богов Прежнего Мира… Что с того, что Гарм еще жив? Даже если он очнется, то вряд ли его сил достанет, чтобы хоть крохотный дождик вызвать.

Гарм… неуемный, непоседливый, вечный шалопай и озорник, чьи шутки порой граничили с оскорблением (Фенри вспомнил осу, засунутую в его перчатку… дохлого вонючего спрута, подвешенного под потолком его комнаты вместо люстры…), но кто неизменно брал на себя вину за все их общие проделки. Гарм… постоянно щеголявший пятью минутами старшинства, показушник и похвальбишка, бессовестно использовавший доверчивость брата, — он всегда защищал Фенри, исправлял все его ошибки, а если и сердился по-настоящему — то быстро прощал. Гарм. Последний из Богов, в котором тлела искра крови Хакона. Дух противоречия. Беспокойство и сомнение. Ему только дай волю, он все с ног на голову поставит, чтобы убедиться — а не лучше ли так? Все накопленное растранжирит, пустит по ветру все семейное золото, чтобы полюбоваться — а красиво ли летит? Ни покоя с такими, ни уверенности… и веры таким тоже нет. Гарм Разрушитель. Как же спокойно будет без тебя…

— Брат, что делать-то будем? — растерянно спросил Фенри, глядя на непривычно спокойное лицо Гарма. Сколько раз задавал

он ему этот вопрос… Боги, рожденные в Обитаемом Мире, наделенные могуществом и силами, слишком часто слышали от старших богов о великолепии и безмерности Прежнего Мира — немудрено, что их обиталище стало казаться им тесным. Особенно Гарму. От скуки братья нередко совершали выходки, недостойные не то что богов, но даже и магов средней руки. А потом и звучал тот самый вопрос.

Сейчас Фенри предстояло решить, что же для него важнее — воля матери или жизнь брата. Он понимал, что если решится снять проклятие, то в лучшем случае утратит значительную часть своих сил, рискуя угаснуть совсем. Каково это для бога — умереть?.. Или остаться одному? Один мир — один бог. И никто не помешает хранить его покой…

Фенри наклонился к брату, отвел с его лица все еще влажную прядь волос, погладил холодную щеку. А потом медленно, но не раздумывая, достал свой кинжал — близнец гармова, оставленного в Восточных Вратах, — и обвил левую руку спиральной, поднимающейся от локтя к запястью, нитью пореза. Встал на колени над телом Гарма, опустил руку так, что пальцы замерли невысоко над еле дышащей грудью. В воздухе запахло полынью.

Кровь капельками стекала по пурпурной линии и сбегала вдоль пальцев, замирая на их кончиках.

— Гарм! Прими мой дар!.. — и Фенри роняет искупление на грудь брату, отдавая ему свои силы, свое могущество и власть.

Падают капли, светло-карминные, пахнущие свежо и пронзительно — молод еще отдающий их бог. Молод и нерасчетлив. Не замечает, как подкрадывается к нему самому серая бледность, вползая все выше по его щекам, как карабкается по его рукам предательская слабость. Плечи Фенри дрожат, странно блекнут блестящие волосы цвета грозовой тучи, лиловеют губы.

— Хватит! — кто-то перехватывает окровавленную руку и Фенри падает без сил. Но не на землю, а в объятия Гарма. Тот еле успел приподняться, встать на колени — и обнять брата, поддержать его, не дать упасть.

— Дурачок… — все еще тяжело дыша, Гарм крепко обнимает Фенри. — Зачем мне столько… Куда я без тебя…

Позже они сидят на краю обрыва, свесив ноги и изредка швыряя в воду камешки. Оба бледны и невеселы.

— Сколько у нас осталось? Ты как думаешь? — спрашивает Фенри.

— Ну… я так думаю, поровну. Пара огрызков… — и Гарм усмехается.

— Что будем делать? Огрызки или нет, но мы все еще боги. — И Фенри морщится, неловко задев левую руку.

— Я домой. — Гарм швыряет камешек далеко-далеко.

— Зачем?

— Посмотреть, что там осталось — и что сталось. Ты со мной?

— Пожалуй… да.

Когда боги возвращаются на место их прежнего дома, то вместо океанских волн их встречает пустыня. Сами развалины переместились вглубь континента. Прежние леса обернулись цепью ржавых скал, крошечные оазисы, прячущиеся в бескрайних песках, — вот все, что осталось от волшебных садов Нимы. На месте прежнего дома — жуткий каменный остов скалит выщербленные клыки, не мигая, смотрит провалами бывших дверей и окон. От него веет смертным холодом; даже боги не решаются вот так сразу подойти к нему.

Гарм и Фенри выбирают местечко возле ржаво-красной скалы, садятся прямо на песок.

— Вряд ли этим все закончится, — Гарм кивает в сторону развалин. — слишком много силы пролилось зазря. Чувствуешь? Земля напитана ядом …интересно, что она породит?

— Не знаю. — Мрачно смотрит себе под ноги его брат. — Дурное место. Сердце зла.

— Сердце зла? А что, неплохое название… особенно на шаммахитском. Арр-Мурра. Так и назову.

— Зачем? Ты же знаешь, мы даем имена только тем местам, где живем сами.

— Значит, я буду жить в Арр-Мурра. — Гарм подмигивает брату.

— Твоя воля… — Фенри тяжело вздыхает, но он не особенно удивлен. С самого начала он предчувствовал, что его брат останется здесь. — Ты… остаешься?

— Да. А ты?

— А я ухожу. Не по мне все это. Отец с матерью друг друга поубивали… мать тебя прокляла… дядя мне вслед молнией шаровой запустил — из-за тебя, наверно. Нет, брат, я в такие игры более не играю. Хватит.

Фенри встает и задумчиво оглядывает себя. Потом встряхивает кистями, будто воду разбрызгивает, — и весь его внешний облик меняется. Исчезает черная строгая одежда, двузубый венец… вместо них появляются широкие, яркие одежды, а волосы сами собой заплетаются в бесчисленные косички, перевитые серебряными колокольчиками. Бог переступает босыми ногами и колокольчики заливаются тихим, щекочущим смехом.

На лице Фенри появляется довольная улыбка.

— Так-то лучше. Знаешь, Гарм, я, пожалуй, имя тоже сменю. Прежнее мне теперь не по рангу — силы не те, так возьму какое позвонче… почуднее…

— Почуднее — это на старосуртонском… — Гарм одобрительно смотрит на брата.

— Хорошо. Пусть будет… Лимпэнг-Танг!

— Лимпэнг-Танг? Динь-Дон?! Трень-Брень?! — смеется Гарм. — Ничего себе имечко для бога…

— Это ты от зависти. Звон беспечального колокольчика — самое лучшее имя для бога шутов и артистов.

Лимпэнг-Танг, улыбаясь, смотрит на брата. Он похож на студента, сдавшего ненавистные экзамены и готового удрать на каникулы.

— Я приведу в мир шутов и немного веселья. У меня будут лучшие артисты… я смогу танцевать вместе с ними. Довольно мы докучали Кратко Живущим нашим могуществом. Вот ведь скукотища… А ты, Гарм?

— Я? — Гарм встает. — Я же сказал. Мое место здесь. И имя мое останется прежним. Что силы? Восстановлю как-нибудь.

— Что же ты будешь делать здесь, в Арр-Мурра?

— Искать выход. Восточные Врата нельзя разрушить… Да и камень отцов поищу. Одним словом, буду доигрывать один.

— Решение, достойное бога… — братья смотрят друг на друга и смеются. Что-то произошло с ними после падения дома богов, будто надломилось что-то. Они ни слова не говорят о бесследно исчезнувших родителях, память о прежних днях покинула их. И, продолжая любить друг друга, они тем не менее расстаются легко и беззаботно, признавая право каждого на свой путь. Один уйдет в мир Смертных, чтобы развлечься самому и развеселить почитающих его. Другой — останется в проклятой земле, искать выхода за пределы мира; он по-прежнему считает его клеткой и сделает все, чтобы разрушить ее и обрести свободу.

Братья обнимаются… и расходятся. Лимпэнг-Танг доходит до расщелины в скале и исчезает. Гарм, помедлив минуту, направляется прямо к развалинам. Песок гасит звук его шагов; тень полуразрушенной стены накрывает бога, меняя его облик. Исчезают пестрые краски одежды, стираются рисунки на коже… теперь Гарм одет в черное, просто и строго, светлые волосы стянуты в хвост и спадают тремя косами на спину. Когда он ступает на высокий каменный порог, за плечами его появляются два меча. Гарм прижимает правую руку к груди и легко кланяется, будто приветствует кого… и входит в дом.

— …Что тут скажешь… неплохо, мальчик мой, неплохо. — Старик ободряюще улыбнулся. Мальчишке, к которому были обращены и слова, и улыбка, было лет двенадцать. Он сидел напротив старика прямо на земле, уже успевшей промерзнуть ко дню Самайна, но замерзшим не выглядел, хотя волосы его заиндевели.

— Немногие удостаиваются чести обрести такое полное и осмысленное видение в свой первый транс. — Старик присел рядом с мальчиком, спрятал руки в просторные рукава. — Я тут уже с полчаса стою, за тобой наблюдаю.

— Мастер, а откуда вы знаете, что мне привиделось? — мальчишка кашлянул, стараясь, чтобы голос его не казался совсем уж осипшим.

— Да уж знаю… — важно кивнул головой его собеседник, — тут многое значимо. Как ты дышишь. В какие цвета аура окрашивается. Как выходишь из транса. Так что ты толком успел увидеть?

— Многое. — Несколько недоумевая, ответил юнец. — Историю Прежних Богов… божественных Близнецов. Падение дома Богов… — он шумно выдохнул. — Уф, неразбериха какая в голове. Будто лоскутное одеяло собирал… какой лоскуток — куда…

— Ну-ну… разберешься потом, успеешь. Ты как сам-то? — поинтересовался старик, прищурив глаза.

— Ну… прямо сказать — не слишком. — Паренек с трудом приподнялся, ноги его совсем затекли, а то и примерзли к земле. Мальчишка все же встал, пошатнулся… и упал. Но не сам. Ему помогли. Тот самый старик, в котором он признал своего наставника, мастера-шамана. Он подсек парнишку под ноги, опрокинул лицом вниз, споро скрутил затекшие орочьи руки, забил в рот кляп.

— Так-то лучше. Для меня, конечно. — Голос старика резко изменился, в нем появились свистящие, хищные нотки и горловое прищелкивание, отличавшие голоса подгорных крыс.

Происходившее дальше показалось орку (кстати сказать, звали его Ульфр и он готовился стать шаманом, заменив после всех надлежащих испытаний прежнего, старого мастера — именно его облик и приняла крыса) диким сном. Его вздернули на ноги, грубо, не церемонясь, пинком подогнали к вековой сосне и принялись приматывать его к холодному, шелушащемуся стволу.

Это испытание (которое, к слову сказать, Ульфр прошел

несказанно удачно — если, конечно, не считать финала) проходило в удаленном от поселения месте, уединенной котловине, скрытой в предгорьях Края Света. Здесь никто отродясь не жил, поскольку среди орков не было принято строить дома возле капищ и прочих не слишком уютных мест. Будущий шаман удалялся сюда один, наставник сопровождал его только до поляны, где неофит должен был постигать судьбы мира, погрузившись в транс (это достигалось довольно просто — мальчишка должен был просидеть здесь всю священную для орков ночь Самайна, когда иссякала светлая половина года и всходила на престол темная… в темноте и холоде, обнаженный по пояс, покрытый сетью ритуальных порезов — девять на груди, двенадцать на спине и двадцать четыре на руках, на каждой по дюжине… только и всего). Мастер приходил уже под утро, присмотреть за возвращающимся из запредельных областей учеником, в случае чего, помочь дойти до ближайшего жилья. Или похоронить.

Так что на помощь Ульфру рассчитывать не приходилось. Что задумали крысы, понять было нетрудно — уж явно не за советом они к нему явились. Непонятно, откуда они вызнали об удивительных способностях будущего шамана, грозивших превратить его в погибель крысиного племени, но — не так это и важно, особенно когда стоишь, намертво прикрученный к дереву, еле живой от холода и потери крови, все еще ошалелый от принятых видений. Ульфр встряхнул головой, осмотрелся. Старик оказался не единственным, посетившим капище. На поляну, воровато оглядываясь, поводя носами, вышмыгнули три крысы, все как на подбор — крепкие, поджарые, крепкозубые. С такими не всякий взрослый орк справится — в одиночку, разумеется. Ульфр мысленно застонал. Ясное дело, они его сейчас порешат. Как не хочется-то. Ну никак не хочется.

Крысы явно не собирались откладывать дело в долгий ящик и обставлять смерть мальчишки какими-то особыми церемониями; но и просто перерезать ему горло они не хотели — слишком скучно. Они обложили ноги Ульфра заранее приготовленными вязанками сухого хвороста, подожгли его. Легко взвился белесый дымок, еле различимый в серо-молочном предутреннем сумраке. Крысы, сев кружком вокруг привязанного, в предвкушении скорой трапезы поводили носами, щерили острые блестящие зубы. Чуть прожаренное орочье мясо, сорванное с еще живой, визжащей, трепыхающейся добычи — что может быть лучше…

Ульфр, почуяв жар, подбирающийся к босым ногам, подобрался, сжался в комок, чувствуя, как терзают изрезанную кожу грубые веревки. Все плыло у него перед глазами, стволы

сосен превращались в колоннаду, уводящую его дух вглубь дома Богов, клочья тумана, повисшие на кустах, представлялись орку шелковыми платками, которые обронили феи, напуганные несносными близнецами… Внезапно зрение его прояснилось, обострился слух, все ощущения стали ясны и четки до боли. И Ульфр будто нырнул в колодец памяти — своей собственной, своих предков, своих сокровников. Глубокий колодец, стенки которого покрыты капельками крови.

«… я буду служить тебе, твоему роду… дам силы выжить там, где погибнет даже надежда…»

Ульфр почувствовал, как шевельнулся на его груди камень — его называли алмазом темной крови, и мальчишка получил его от отца, в тот самый день, когда отправился в обучение к шаману. Орку не понадобились слова, чтобы они с камнем поняли друг друга. Веревки Ульфр порвал так, будто это были гнилые нитки. Презрительно оглядел застывших в недоумевающем ужасе крыс и вместо того, чтобы бежать, раскинул руки, выпуская силу, томившуюся в прозрачной черноте камня. Огонь, вырвавшийся из алмаза, шел стеной высотой в рост велигоры; сам же Ульфр так и остался в самом сердце пламени.

Поляну выжгло в полминуты; пламя, пожрав крыс, постепенно вернулось к Ульфру, будто втянувшись в камень, висевший на его шее. Орк стоял, опустив голову, дыша ровно и спокойно. Почувствовав на опаленной, покрытой сетью запекшихся кровью порезов коже первые осторожные солнечные лучи, он поднял навстречу им лицо. И открыл глаза — серебряные, перерезанные узким веретеном черного зрачка.

Так шаман Ульфр стал родоначальником клана Крысоловов. Благодаря его удивительным способностям постигать все повадки и хитрости крыс, выслеживать и настигать их в темной тесноте подгорных коридоров, орки наконец-то стали одерживать верх в борьбе, длившейся уже сотню лет. Дети Ульфра унаследовали его дар, передав его своим детям. Крысоловы больше и выше всех чтили день Самайна, и именно от них пошла у народа темной крови традиция разжигать первой ночью темной половины года высокие костры и славить богов.

Глава третья. Танцовщицы Нимы

— А ты все такая же лысая, как я посмотрю?

— И по-прежнему нет конца твоему носу…

Обменявшись такими словами, две молодые женщины рассмеялись и принялись обниматься. Они прибыли в храм Нимы самыми последними — Гинивара потому, что путь из Нильгау не близок и не легок, Амариллис потому, что задержалась в доме аш-Шудаха, уж очень приветливо ее там встречали.

В комнате уже сидели их подруги, коротая время в беседе с госпожой Эниджей.

— О боги… будто и не было этих четырех лет. Надо же, ведь никто не изменился!.. — И Эниджа встала, чтобы обнять опоздавших учениц. — Ну что, девочки… ступайте в вашу комнату, она свободна. Располагайтесь, отдохните с дороги — и марш в малый зал, встряска вам не помешает. Завтра вам предстоит танцевать для самой Нимы и я хочу проверить, на что вы потратили эти четыре года.

— А я научилась делать вот так… — и Муна, дурачась, принялась преувеличенно страстно изгибаться в самой непристойной разновидности шаммахитского танца.

— Браво. — сдержанно усмехнулась Эниджа. — Только богине это вряд ли понравится, да и грудь у тебя маловата для таких плясок. Да, и сделай-ка полсотни «закатов-рассветов», а то бедра совсем невыразительны… вихляются как ножки у старого стула. И нечего хихикать, девочки, я сама спущусь к вам в зал и уж поверьте, всем вам хватит… моего внимания.

Смеясь и болтая, собравшиеся проследовали памятной дорогой в свою старую комнату, на протяжении двух лет бывшей их пристанищем. Муна заранее причитала по поводу последствий полусотни «закатов-рассветов», упражнения, которое в свое время заставило ее не раз глотать слезы от боли в каменеющих от напряжения мышцах.

— О Нима Сладкосердечная!.. Как сейчас помню — носки вывернешь наружу, колени разведешь и приседаешь… мееееедленно… и поднимаешься… еще мееееедленнее! И спина прямая! И руки как крылья! О боги! — и северянка застонала, прикусив губу.

Ксилла — все та же фарфоровая статуэтка, маленькая драгоценность. Лалик, сердечная подружка, похожая на розу, горячую от полуденных солнечных лучей. Гинивара, потерявшая некоторую угловатость и резкость… видимо, общение с лианами пошло ей на пользу, научив мягкой гибкости. И Амариллис.

Она поднималась по широким ступеням и ей казалось, что дорога, по которой она идет вот уже два десятка лет, вдруг резко свернула, замкнулась в круг, привела ее назад, обманув само время. Будто и не было ничего. И только вчера аш-Шудах привел ее в школу танцев. И все у нее впереди — годы учения, первые выступления, погоня за славой. Амариллис забыла о том, что все это у нее уже есть. Особенно слава. Она глянула на подруг — все они улыбались, безотчетно и робко, как ученицы.

Комната, в которую поднялись танцовщицы, встретила их теплой простотой и воспоминаниями. Они оглядывались, качая головами и вздыхая. Кому-то из них она казалась когда-то верхом роскоши, другие, напротив, удивились скромности обстановки. Кровати, застеленные шелковыми расшитыми покрывалами, шкафчик с книгами, зеркала повсюду… Гинивара решительно прошла к своей постели и повалились навзничь, со вздохом облегчения, столь естественным после долгой дороги.

— Вот ведь чушка нильгайская… — Амариллис увернулась от метко брошенной туфельки. — Нет чтобы искупаться сначала…

— Успеется. Уж лучше я полежу, а то Эниджа как примется нас гонять, сто потов сойдет.

Дорожные сундуки приехавших уже были расставлены возле их кроватей, а поверх покрывал была предусмотрительно разложена простая пара — туника и шаровары — в которой занимались танцовщицы школы Нимы.

— Неужели это наши костюмы? Ох, боюсь, я в свой не влезу… — Лалик с опаской примерила пояс шаровар к своей талии. — Ну вроде ничего… надеть-то надену, а вот танцевать в ней…

Они усаживались на свои кровати, разглаживали светло-желтую ткань костюмов, переглядывались, пересмеивались; повзрослевшие девочки вернулись к прежним игрушкам…

— Ну, девчонки, рассказывайте же! — потребовала Лалик, как только танцовщицы расположились на отдых. От нетерпения она ерзала на диванных подушках, будто набиты они были не гагачьим пухом, а кусачими муравьями. — Начнем с тебя, Ксилла. Мне ан-Нуман говорил, что ты любимая танцовщица императора, других он и видеть не желает. Так сколько перед тобой шестов несут?

…В Суртоне, где жизнь была переполнена ритуалами и условностями, этот обычай был одним из самых древних. Жены влиятельных и богатых людей выходили их своих домов крайне редко, но уж если такое случалось, то выход в свет обставлялся со всей возможной пышностью. Госпожу несли в роскошном открытом паланкине, одета она была как храмовая статуя — так

много было на ней драгоценностей, а платье не гнулось от тяжелой вышивки. Но ведь всех нарядов сразу не одеть! И дюжину серег в уши не вдеть, и больше пяти колец на палец не нанизать. Такая вот досада. Но суртонских красавиц она не донимала. Потому как существовал обычай, согласно которому перед паланкином с хозяйкой всего этого великолепия шли парами слуги, неся нутановые шесты, на которых были развешаны все-все наряды, шкатулки, в которых были разложены все-все драгоценности… Но, поскольку у суртонских вельмож на содержании бывало до десятка жен и несколько наложниц в придачу, то обычно хватало пары-другой слуг. Редко когда их было шестеро. Но все равно зрелище было впечатляющее.

— Так сколько? — любопытство переливалось в глазах Лалик радужной пленкой.

— Одиннадцать. — Скромно опустив ресницы, ответила Ксилла. — Пять шестов и шесть шкатулок.

Подруги только ахнули.

— Вот это да! — Лалик даже рот приоткрыла от изумления. — Ай да тихоня!.. Пожалуй, мне стоит рассказать об этом ан-Нуману, ежели ему придет в голову сопротивляться в ювелирной лавке.

— А что, он сопротивлялся? — посмеиваясь, поинтересовалась Гинивара.

— Да разве он посмеет!.. — и Лалик рассмеялась. — Теперь ты рассказывай.

Гинивара пожала плечами.

— У нас не принято рассказывать подробности о жизни храма. Скажу только, что верховный жрец мной доволен, доверяет мне главные партии утренних ритуалов. Вечерние мне пока не по рангу.

…Она говорила неторопливо, с усилившимся нильгайским акцентом. Рассказывала о красотах храма Калима — большей частью то, что и так было известно, о чудо-платьях из цветочных лепестков, о венках, расцветающих на головах танцовщиц, если богу оказывается угодно их искусство. Амариллис смотрела на нее и вспоминала рассказы Хэлдара — там был совсем другой Нильгау, и храм другой, где цветы не украшали, а душили. А Гинивара, не прерывая рассказа, раскрыла одну из своих дорожных сумок из толстой кожи, вынула из нее четыре свертка и принялась раздавать их подругам.

— Подарки! — и Ксилла заулыбалась и потянулась к собственным сундукам. Как и остальные девушки.

Гинивара привезла подругам статуэтки, мастерски вырезанные из душистого розового дерева. Все они изображали

обнаженную по пояс девушку, стоящую в чашечке диковинного цветка, запрокинув голову и прижимая руки ладонями к груди в молитвенно-страстном жесте.

— Послушай, это же ты!.. — стреляя глазами от подарка к дарительнице, сказала Муна. — И жест это твой, ты им выпускной танец завершала.

— Может, и так. — Не стала спорить нильгайка, улыбаясь краешками губ. — Мастер волен в своих творениях. И я не могу запретить ему…

— Восхищаться собою. — Закончила за нее Муна. — Бедняга, мне жаль его. Девочки, это вам.

И она достала четыре серебряных зеркала. Небольшие, удобно укладывающиеся в футляры из тисненой кожи, не темнеющие, не пачкающиеся, превосходно отражающие — незаменимая в дороге вещь. Сбоку к футляру крепилась деревянная расческа, такая, от которой волосы не разлетались цыплячьим пухом, не цепляющая спутавшиеся волоски, ласковая и осторожная.

— Спасибо, Муна. Мой господин любит смотреть, как я расчесываю волосы… — Ксилла лукаво прищурила глаза, — А теперь моя очередь.

Маленькая суртонка аккуратно извлекла четыре легких деревянных коробки, раскрыла одну из них и потянула вверх какое-то невесомое, позванивающее переплетение шелковых нитей и фарфоровых фигурок.

— Поющие ветра. — Пояснила Ксилла. — Повесьте их в своей спальне и сон ваш будет сладок и спокоен, и воздух всегда будет свежим… конечно, если вы не забудете открыть окно. Не бойся, Амариллис, они очень прочные, мастера бросают их на каменный пол, прежде чем вплести в шелковые тенета. А еще они не спутываются. Как это получается, я не знаю. Вот, держите.

И она протянула Гиниваре переплетение пышных цветов, Лалик — золотистые звезды, Муне — белоснежные снежинки, а Амариллис — колокольчики и капли… не то дождя, не то слез. Девушки покачивали на вытянутых руках легкие, удивительно красивые никчемушки-безделушки, улыбаясь и благодарно кивая Ксилле.

— Наши подарки немного похожи. Твои на пол швыряют, а мои о камень колотят. — И Лалик вылила — иначе не скажешь — на колени к каждой из подруг шелковистый, переливчатый, шелестящий поток ткани. Это были настоящие шаммахитские покрывала — сотканные из тонких шелковых нитей, расшитые яркими солнечными узорами, эфемерно тонкие, полупрозрачные… На деле же это великолепие, по завершении

всей работы, завязывали в узел, опускали в холодную воду Лаолы, а потом со всей силы колотили о прибрежные камни. Скручивали жгутом и снова — в воду и о камни. И так много раз.

— Поэтому вы можете не боятся порвать их или повредить узор, — поясняла Лалик, — дочкам по наследству передадите. Или невесткам подарите.

— Еще чего! — заявила Муна, обернув плечи зеленовато-голубым шелковым льдом. — Себе оставлю, духов в посмертии обольщать.

Настала очередь Амариллис. Помедлив, она достала небольшую шкатулку, открыла ее и глянула на подруг.

— Я долго не могла решить, что же подарить вам. Мне хотелось подарить что-нибудь такое, что будет напоминать нам о прежних годах, о школе… — и она вынула пять одинаковых медальонов черного золота на тонких цепочках. Четыре раздала подругам, пятый оставила себе.

В кольцо подвески была заключена фигурка обнаженной девушки, выполненная с необыкновенным для украшения мастерством. Девушка стояла, вытянувшись, поднявшись на носках и раскинув руки, словно балансируя на тонком золотом ободе. Она была похожа на натянутую струну, ждущую прикосновения пальцев музыканта; казалось, она пробует пол, готовясь сделать первый шаг.

— Амариллис… ты с ума сошла, это же черное золото… — ахнула Лалик.

— Золото ерунда, старый лис Гэлвин всегда мне потакал. А вот уговорить эльфа-ювелира — это даже мне пришлось постараться. А ведь стоило, правда?

— Да уж… — Муна держала медальон перед глазами, восхищенно рассматривая ученицу Нимы.

— У нас в Суртоне принято, что одинаковые украшения носят только сестры… это чудесный подарок, Амариллис. — И Ксилла, застегнув на шее замочек цепочки, опустила кольцо подвески на грудь.

— Таких подвесок на весь Обитаемый Мир всего-навсего пять. Мастер обещал мне никогда не повторять их, а значит — наши единственные в своем роде… как и их хозяйки. Если ко мне придет кто-то с медальоном танцовщицы Нимы, я сделаю для него все, что смогу — как если бы меня попросила родная сестра. — Амариллис улыбалась, но тон ее был серьезен.

— И я. — Кивнула ей Муна.

— И мы все. — Гинивара провела пальцами по цепочке, ласкающим движением обвела контуры украшения. — Ты умница. Даришь нам память и родство. Были и будут и другие дочери

Нимы, но мы, судя по всему, самые любимые.

Долго отдыхать в школе не было принято; от установленных правил не отступили и сейчас. Отведенного на отдых времени девушкам как раз хватило, чтобы перевести дух с дороги, обменяться подарками и самыми неважными новостями, обжигающими кончик языка. Вскоре в дверь постучали и вошедшая Эниджа решительно потребовала, чтобы лентяйки отправлялись в малый зал. Не разжалобили ее ни слезные просьбы дать отдых старым костям Гинивары, ни подарки, с любовью выбранные каждой ученицей для госпожи танцмейстерши. Так и пришлось им вставать, одевать свою старую одежду (на Лалик что-то разошлось с сухим треском…) и спускаться вниз, как четыре года назад, на ходу разминая плечи, потягивая шею и вставая на цыпочки.

— Итак… — и Эниджа обвела танцовщиц требовательным и любящим взглядом, — Посмотрим, насколько вы успели обленитьcя и запустить себя. Муна! А ты что же прохлаждаешься?! Шагом марш к зеркалу. Спину держи и руки не опускай. Лалик. Чем тебя кормят? Пшеничной кашей на меду со сливками? Гинивара, ты не в храме — так что не делай такого важного лица. Легче, девочка моя… А ты, Амариллис, вспомни, что умеешь улыбаться, что лицо скукожила… так-то лучше. Ксилла, ты все та же — опять позволила этим дылдам заслонить себя. А ну-ка, шаг вперед. Начинаем вечерний класс.

И они начали. Сначала улыбаясь и постреливая друг в дружку глазами и легкомысленными замечаниями, а потом со все большей серьезностью и уже молча… а потом на их коже заблестели первые тяжелые капли пота, дыхание утяжелилось. Они служили нежнорукой богине своими телами, ткущими узоры танца, оставляющими в воздухе шлейф трепещущих отражений. Но, так же, как шаммахитские покрывала нещадно колотили о камни, чтобы не поблек их узор и не разорвались их нити, так и танцовщицы Нимы без жалости и с наслаждением выгибали, растягивали и заставляли трудиться свои тела. Прежде чем послужить богине танцем, надобно это право заслужить, потом и болью.

— Пожалуй, достаточно на сегодня. — Эниджа не скрывала довольной улыбки. — Хорошо потрудились… хорошо. Утренний класс как обычно, сначала разминка, потом сами решайте, что и как будете танцевать. Но хочу вас предупредить: танцевать в святилище непросто, и редко когда там приходят на память отрепетированные композиции. Так что лучше поупражняйтесь в импровизации. К тому же Хранители Мелодий вас слушаться не будут, поведут ту музыку, которую выберет для танцовщицы сама

Нима.

— Понятно… — Амариллис перевела дыхание, вытерла рукой со лба капли пота. — Репетировать бессмысленно, музыку подбирать — тоже. Как будет угодно Ниме Мягкосердечной… А как насчет костюма?

— Тот, что на вас сейчас. Ну-ну, не пугайтесь так!.. — засмеялась Эниджа. — Любой, какой выберете. Все равно в святилище его придется снять.

— Это как? — изумилась Лалик.

— А вот так. Девочки, укротите свое любопытство, вы все узнаете, в свой черед. Ступайте, купальня ждет… — и Эниджа указала им на дверь.

В купальне на этот раз было непривычно тихо. Девушки расчесывали волосы, сидя на теплых каменных скамьях, смывали честный пот обжигающе-горячей водой, растирали кожу морскими губками, пропитанными соком мыльного корня, спускались в небольшой бассейн с теплой водой — и все это молча.

— Ох… что-то мне не по себе.

Эти слова Лалик прозвучали почти как просьба о помощи. Все повернулись к шаммахитке, расчесывающей свои косички, похожие на глянцевых черных змеек, и когда она подняла лицо, то на щеке ее были видны следы слез.

— Вы, наверное, скажете, что я дурочка и всегда ею была… Нет, я не спорю, но сегодня мне впервые стало страшно здесь, в школе Нимы. Я вот подумала — а что мы вообще знаем об этом ритуале? Помните, когда первый год нашего обучения был на исходе, тоже приезжали танцовщицы, их было не пятеро, как нас, а только трое.

— Помню. — Отозвалась Муна. — Нас тогда из школы выселили, вроде как на каникулы, в загородный дом Эниджи. Мы все сплетничали, ерунду всякую плели… не знали ничего, вот и выдумывали. Гинивара, ты у нас знаток всяких ритуалов, может, знаешь хоть что-нибудь?

— Не больше, чем ты. — Ответила нильгайка, полируя подошвы розовой пемзой. — Я и родные-то ритуалы не все знаю, потому как не ко всем допущена, а уж эти…

— Вот именно. — Лалик отложила в сторону гребень. — Что мы знаем? Нас вызвали спустя четыре года после окончания храмовой школы. Экзамены сдавать нам поздновато. Хвалиться мастерством? Перед друг другом, что ли? Зачем мы здесь? Амариллис, хоть бы ты что-нибудь разузнала у господина аш-Шудаха… А то как глупые курицы кудахчем — кого в пирог, кого на вертел?..

— Единственное, что я знаю — так это то, что мы будем танцевать в святилище Нимы, куда вход заказан всем, кроме нас. Даже если и опозоримся, никто этого не увидит. И я предполагаю, что ритуал нужен не только богине, но и нам самим. И еще… — и Амариллис, лежавшая на каменной скамье, подняла голову. — Никто и никогда не называл Ниму жестокой или кровожадной.

— Все равно страшно. — Но Лалик уже улыбалась. — Эниджа сказала, что костюмы придется снять. Я так танцевать не привыкла.

— Ах, бедняжка… Тогда каково же придется мне, ведь я последние полгода в шубе танцевала и в меховых сапогах! — засмеялась Муна. — Привыкла, а что поделать — зима в Крагле это тебе не южная слякоть, воздух как жидкое стекло, почти звенит!

— Правда? — доверчивая Лалик округлила глаза. — Так вот в шубе и танцевала? Тяжело же… и неудобно.

— Ничего, привыкла… — тут Муна не выдержала и рассмеялась. — Ну что ты, дуреха! В шубе только медведь пляшет. А для меня залу протапливали… перед некоторыми шесты с нарядами носят, а для других недельный запас дров за день сжигают. — И она подмигнула подругам.

— Может, нам все же стоит подумать о том, что мы будем танцевать для Нимы Нежнорукой? — Ксилла вынырнула из бассейна, уселась на мраморном бортике, отжала воду из тяжеленных волос. Только здесь, в купальне, суртонка иногда позволяла себе первой задать вопрос или быть несколько вольной в словах. — Или это будет как наше первой выступление — готовься не готовься, все одно провал…

— Вот и я о том же. — Лалик завязала волосы узлом и стала спускаться в воду. — Так все хорошо было, устоялось все, улеглось… И на тебе, опять что-то доказывать надо.

— А ты и впрямь разленилась. — Гинивара усмехнулась. — Домашняя толстая кошка. Привыкла перед своим ан-Нуманом задом крутить, танцевать, наверно, совсем разучилась… — поддела она подругу.

— Что?! — И Лалик, зачерпнув пригоршню холодной воды из стоявшего рядом с бассейном ведерка, швырнула ее в нильгайку. — Да я таких как ты десяток перетанцую! Если хочешь знать, я уже через месяц, после того, как малышку Зули родила, упражняться начала! Вот тебе! — И, схватив ведерко, Лалик выплеснула его на Гинивару. А та только засмеялась — Лалик перестала трусить, глаза ее загорелись, спина выпрямилась… этого и добивалась жрица Калима Пышноцветного.

Через секунду в тихой купальне развернулось настоящее

сражение, сопровождающееся визгом и плеском, — танцовщицы похватали ведерки с холодной водой и принялись окатывать друг дружку почем зря. Ксиллу, только-только подсушившую волосы, столкнули в бассейн, на Муну вылили целый тазик мыльной пены для очищения волос. Нахохотавшись, девушки попадали в бассейн и началась обычная купальная болтовня, не омраченная неуверенностью или, тем паче, страхом.

Утро следующего дня девушки провели в зале, вспоминая все танцы, что когда-то танцевали сами или видели в исполнении друг друга. Они так увлеклись, что Энидже пришлось буквально выгонять их на отдых. Когда же наступил вечер и в комнате затопили камин (нынешняя зима даже для Шаммаха была теплой и комнаты протапливали только один раз), в дверях появилась госпожа Эниджа.

— Еще не умерли от нетерпения? Нима ждет вас. Идемте.

Вереницей танцовщицы следовали за своей учительницей. Плотно закутавшись в плащи (не сговариваясь, кроме них они надели только самые простые джеллабы), шли по заснеженным дорожкам сада, мимо живых изгородей и беседок. Поднялись по широким каменным ступеням и вошли в узкую дверь, через которую когда-то, шесть лет назад они вышли из храма в тайный сад и пришли в школу. В зале было темно и тихо. Девушки осматривались, каждая вспоминала тот день, когда впервые перешагнула порог храма Нимы.

— Следуйте за мной. — Эниджа держала в руке светильник. Повернув за колонну, она начала подниматься по винтовой лестнице.

— Мы что, на крыше танцевать будем?.. — шепнула Амариллис Муне, — Холодно же!

Как оказалось, она не ошиблась. Вслед за Эниджей все они вышли на крышу храма, плоскую, огражденную невысокой колоннадой. Строившие храм Нимы избегали резких линий и острых углов, и здесь колонны выстраивались в мягкий овал. Возле того места на крыше, откуда поднялись девушки, полукругом располагались каменные сидения; в противоположном углу находилась статуя Нимы. Богиня держала в левой руке, изогнув ладонь лодочкой, кристалл, похожий на Хранителя Мелодий, только раз в десять поболе, ладонью правой руки она придерживала верхушку камня. Легкое тело Нимы облегало тонкое платье; складки и извивы ткани, искусно высеченные из белого камня, будто развевались под несильным ветром; босые ноги богини замерли — одна чуть впереди — готовые шагнуть, побежать, затанцевать… Выражение лица статуи должно было выражать спокойную приветливость, но в уголках ее

мягко улыбающихся губ пряталось лукавство. Все пространство святилища заливал почти полуденный свет храмовых светильников, наполненных смесью масла, золотой пудры и благовоний. Здесь было совсем нестрашно, и, пожалуй, даже тепло.

Повинуясь жесту Эниджи, девушки встали полукругом, возле сидений.

— Вы будете подходить к богине по очереди, когда она сама вас позовет. Надеюсь, вы помните о том, что одежда вам не понадобится. Ничего не бойтесь и постарайтесь особенно не задумываться… будьте искренни с Нимой Снисходительной — и не пытайтесь обмануть самих себя. Обычай танцевать для нашей богини поможет вам обрести потерянное, вспомнить забытое, исполнить невозможное. Нима заботится о своих дочерях… сегодня вы поймете это сами.

Эниджа подошла к изображению богини и, склонившись перед нею, положила к ее босым ногам гирлянду живых цветов (так вот зачем храму теплицы, как-то некстати мелькнуло в голове у Амариллис). Негромко прочла она слова молитвы, призывающей Ниму, и ободряюще кивнув своим ученицам, удалилась.

Танцовщицы несмело уселись на каменные сидения, едва переводя дыхание и глядя в пол. Ничто не нарушало тишины и уже через несколько минут девушкам стало казаться, что их заливает, заполняет теплый свет; мысли успокоились, дыхание выровнялось. Белый каменный пол, невысокие колонны, каждая увенчанная пылающей чашей, яркие цветочные лепестки у ног Нимы… Над головами пришедших острыми блестками посверкивало холодное декабрьское небо, но здесь похоже сами камни, напитавшиеся солнечным жаром, отдавали его, согревая темноту зимней ночи. Первой встала Гинивара. Она развязала плащ, уронила его на пол, распустила витой шнур, стягивающий ворот джеллабы, и выскользнула из просторной рубахи. Перешагнув ворох ткани, обнаженная танцовщица подошла к богине и замерла в ожидании.

Эта странная, ни на что не похожая одежда появилась словно из воздуха. Ноги танцовщицы от колен до щикотолок и руки — от локтей до основания пальцев — охватили тугие витки белых узких, словно металлических, полос. Бедра стянула повязка, грудь — узкий лиф из таких же лент. Гинивара, уняв дрожь, охватившую все ее тело, резко обернулась. Девушки, увидев ее наряд во всей красе, с трудом подавили возгласы удивления и испуга — чашечки лифа, наколенники, перед набедренной повязки были сделаны в виде человеческих черепов. На шее

нильгайки белело костяное ожерелье, острые, цепляющиеся друг за друга клыки. Бронзовокожая, черноволосая Гинивара, разукрашенная символами смерти и разрушения, предстала перед ними жестокой, не знающей пощады жрицей. Танец ее — по крайней мере, то, что остальные танцовщицы осмелились увидеть, от чего не отвратили испуганных глаз, — был исступлен и агрессивен. Гинивара нападала и разила без пощады. Первое же ее движение — резкий прыжок в сторону, сильно пригнувшись, почти стелясь по полу — заставил бы отшатнуться кого угодно; так прыгает с дерева черная пантера, тугим пряным комком смерти на плечи жертве, повергая ее бархатными беспощадными лапами ниц, без малейшей надежды на спасение. Едва переводя дыхание, Амариллис смотрела на давнюю подругу — сдержанная, насмешливая, проницательная Гинивара, великолепно исполнявшая ритуальные танцы, продуманные, выверенные до еле заметного движения пальцев, металась по крыше храма, как дикий зверь по ненавистной клетке. Взлетев в невозможном прыжке, вдруг падала как подкошенная… чтобы вскочить, застав врасплох, настигнуть и растерзать. Что прятала в себе все эти годы жрица Калима Миролюбивого, что тлело под спудом в ее сердце?..

Когда пронзительная, раздирающая слух музыка иссякла и танцовщицы открыли глаза, то увидели, как их подруга бессильно опускается перед богиней, обнимает ее босые ноги и плачет…

— …потому что нет таких сил, чтобы вынести равнодушие… — доносится до Амариллис.

Выплакав вскипающие, выжигающие глаза слезы, Гинивара возвращается на свое место, набрасывает на плечи плащ и замирает, сцепив руки на коленях.

На Лалик обрушивается золотая сетка, обтягивает ее руки, ноги… а на поясе с веселым звоном сплетается короткая юбочка из тонких золотых дисков. Такие же диски ложатся тяжелым ожерельем, от подбородка до груди. Ее танец оказывается самым простым — будто девочка танцует, не стараясь и не задумываясь. Движения Лалик легки и незамысловаты, но подруги смотрят на нее, не отрываясь — и улыбаются. Муна так даже начинает тихо подпевать кристаллу в руках богини. Улыбается и сама танцовщица; так ей тепло и отрадно живется в этом мире… ее веселье не задевает, оно согревает прикоснувшихся к нему. Но и у Лалик есть что сказать богине; и вернуться, стирая светлые слезы.

Муна становится похожей на морскую царевну — корсаж из веточек коралла, а на руках, от локтя до мизинца — подобие прозрачных плавников. Ноги северянки будто одеты в высокие сапожки, ажурные и многоцветные; приглядевшись, девушки

видят, что это ракушки. Она не сразу начинает танцевать, долго прислушиваясь к музыке. Поначалу плавная и ритмичная, как колыхание волн, музыка вскоре накрывает танцовщицу с головой. Не понять — сама ли морская дева вызвала эту бурю, или же шторм застиг ее врасплох вдали от родных мест… предупреждение ли это, подтверждение ли… Муна танцует, не слушая музыку, не подчиняясь ей — но явно переча, отвергая, пытаясь переломить ее рисунок. Амариллис кажется, что в глазах северянки плещется страх, а взмахи ее рук становятся похожи на судорожные движения тонущего человека… Как бы то ни было, Муна уходит, лишь коротко поклонившись богине, оборвав танец, не доведя его до финала.

Ксилла дольше всех ожидает воли богини. Ее наряд буквально прорастает из нее самой — это перья… маленькие, пушистые на груди и бедрах, длинные, легкие — венчиком на голове, и сильные, маховые — на поднятых руках. Когда суртонка танцует, слышен стон рассекаемого воздуха, и она временами надолго зависает довольно высоко от пола. Поначалу она боится, даже вскрикивает, не чувствуя под ногами пола. Но, мало-помалу, напряженные руки Ксиллы расслабляются… Они видят это: кисть, дрожащая от усилия держать жест любой ценой, пальцы, вытянутые, прижатые друг к другу плотно-плотно вдруг коротко, резко вздрагивают — будто пчела ужалила — и вот уже плывут, движутся мягко, бездумно… как подводная трава. Но все же танцовщица так до конца и не доверяется своим крыльям; она могла бы летать, но предпочитает не отрываться от земли.

Амариллис богиня призывает последней.

Переступить через одежду, будто через сброшенный кокон. Шагнуть раз, и другой навстречу — именно так, себе самой… Амариллис уже догадалась. Посмотреть вглубь искрящегося кристалла. Ждать.

Ждать девушке не пришлось. В ту же секунду ее наряд вспыхнул на ней — короткое, рваное по подолу платье из темного пламени, открывающее плечи. А на шее — ожерелье из обжигающе холодных льдинок… будто взяли воду из самого глубокого и темного омута, промерзавшую до самого дна, да и разбили, а остренькие иголочки и осколки смерзлись в причудливую цепь. Такие же черные ледяные браслеты украшают запястья и щиколотки Амариллис.

…Танцуй, иначе сгоришь… или замерзнешь… Танцуй, иначе остановится твое сердце и вслед за ним солнце вздрогнет — и скатится переспелой ягодой с опрокинутого блюда небес… Если ты помедлишь еще минуту, мир не вынесет этой муки, этого ожидания танца… он истлеет, рассыплется горстью песка на

ветру. Сотвори его из огня и льда, пусть моря его повинуются биению твоего сердца, пусть ветра его родятся от твоего дыхания… Станцуй этот мир, сотвори его — он весь в тебе, так выпусти его, позволь ему быть…

Она начинает кружиться — медленно, плавно, раскинув в стороны руки. Языки пламени лижут ее тело, лед посверкивает на осторожно переступающих ногах. Не прекращая кружения, она вскидывает руки и они словно оживают… рисуют в воздухе узоры созвездий, выпускают из раскрывающихся ладоней россыпи солнц. Вдруг Амариллис замирает, прижав ладони к груди. И, коротко вскрикнув, открывает их дарящим, отдающим жестом, протягивая ввысь зачерпнутый из глубины огонь. Она не торопится. Ей надо протанцевать легкую поступь весны, отстучать дробь торопливого летнего дождика, низко-низко проскользить колючей вьюгой… и упасть осенним листом, кружась и замирая от предвкушения покоя. И снова встрепенуться — змеей, сбросившей кожу, птицей, пробующей ветер крылом, раскрывшимся цветком. И опять терять лепестки, умирать, угасать, иссякать… только для того, чтобы просыпаться, наполняться до краев, расцветать и дарить. Всю себя. И в тот миг, когда она чувствует себя наполненной до краев солнечно-виноградным биением жизни, все, что она отдавала — враз, сполна возвращается к ней. Амариллис останавливается, охватив плечи руками, еле дыша, боясь расплескать, не удержать дарованное…

Потом она, как и другие танцовщицы, вернулась на свое место, машинально набросила плащ. Странно, но Амариллис не могла вспомнить музыку, сопровождавшую ее танец. В святилище вновь воцарилась тишина, девушки сидели молча, даже не переглядываясь. И вот огонь в светильниках начал медленно угасать, тепло, исходящее от каменного пола, стало иссякать, и порыв январского ветра напомнил им, что время ритуала истекло. Танцовщицы покидали храм Нимы. Каждая, прежде чем ступить на ведущую вниз лестницу, подходила к белевшей в полумраке статуе, опускалась на колени, прижималась лбом к камню под ногами богини и — обещала, просила, благодарила…

Спустя несколько минут после того, как танцовщицы Нимы покинули крышу храма, из-за колоннады неслышно вышел человек. Двигаясь легко и бесшумно, он подошел к изображению богини. Светильники, стоявшие рядом с Нимой, почти погасшие, вдруг разом вспыхнули, будто приветствуя незваного гостя. А он спокойно вступил в круг света и учтиво поклонился богине.

— Мир тебе, Нежнорукая…

Это был молодой мужчина, лет двадцати с небольшим;

высокий, длинноногий и при этом довольно широкий в плечах; бледный — но, возможно, в его бледности была повинна черная одежда. Волосы его, забранные в хвост на затылке, спадали на спину тремя светло-пепельными косами. Широкий ясный лоб говорил о том, что пришедший в храм отнюдь не дурак; черты лица, четкие и ясные, вполне располагали к нему. Все бы ничего, если бы не глаза. Прозрачно-ледяные, с черными точками зрачков, создающих впечатление томительного упорства, какие-то спокойно-бешеные… достаточно было заглянуть в них один раз, и становилось понятно, что парень этот — не из тех, кого выбирают в спутники на темной дороге, потому как такой сорви-голова непременно навлечет беду. Определенные сомнения вызывал и рот гостя — тонкие губы, сжатые в упрямую линию… с таким не договоришься, поскольку он и слушать не станет. Из оружия при нем был только два легких меча, крест-накрест за спиной.

— Прости, что явился без приглашения. Как видишь, мои манеры не улучшились. Благодарю, что позволила мне полюбоваться твоими танцовщицами… — он снова поклонился, прижав правую руку к груди, — Кстати, брат, которая из них твоя подопечная? — сказал незваный гость, слегка поворачивая голову влево.

Тот, кого он назвал братом, уже стоял рядом с ним. Слабо светились в темноте белые одежды, и синим огнем горели на смуглом лице глаза.

— Ты ничуть не изменился, Гарм. Появляешься там, куда тебя не звали, и ищешь тех, до кого тебе не должно быть ни малейшего дела.

Названный Гармом склонил голову и развел руками — извините, мол, так уж вышло…

— Как ты сюда попал? — свет синих глаз стал пронзительным, холодным; казалось, два луча выходят из глаз смуглолицего, упираясь в лоб Гарма.

— Обижаешь, брат. Я и в сокровищницу здешнего царька как к себе домой могу войти, не то что в матушкин храм. Охраны здесь никакой… даже странно.

— Ничего странного. — Собеседник молодого похвальбишки повел рукой, пробуждая угасшие светильники, — Об этом ритуале… пожалуй, лучше сказать — обычае, — никто не знает. Иначе бы места за колоннами стоили бы целое состояние, а Ирем внезапно наводнился князьями и королями со всего Обитаемого Мира. Это не зрелище, это таинство.

— Ты все такой же зануда, аш-Шудах. Но объясняешь хорошо. Так кто из них твоя рабыня?

— Что, хочешь перекупить?

— Денег недостанет… Неужели та, морская?.. Боюсь, она плохо кончит, слишком уж непослушна и своенравна.

— Северянки все такие.

— Ну не нильгайка же… такую даже я испугался бы. И не шаммахитка — на такое добро ты вряд ли бы потратился. Маленькая птичка? Трусовата…

Гарм жонглировал предположениями, не отводя глаз от лица аш-Шудаха.

— Здесь ты бессилен, Гарм. — Оборвал его рассуждения маг.

— Зачем же лишний раз напоминать мне об этом прискорбном обстоятельстве. И сам помню. Значит, она… — и он сжал виски тонкими пальцами. — Огонь и лед. Как ее зовут, брат?

— Амариллис. — Аш-Шудах ответил, будто предупредил.

— Красивое имя. И девушка хороша. Ну, не красавица, конечно, но танцует божественно. Я так думаю, матушка ею гордится. Я бы гордился, точно.

— Послушай, Гарм. — Маг прикрыл на мгновение глаза, возвращая им черный цвет. — Зачем ты явился сюда? Испытать в очередной раз мои силы и мое терпение? Помнится мне, нам случалось переведаться… давно это было. Неужто соскучился? — Глаза аш-Шудаха потемнели… исчезли белок и радужка, глаза стали как два провала… там клубилась темнота, иссиня-черная, подобная той, что заключена в самом сердце грозовой тучи.

— У нас договор. Ты не забыл? — Гарм не отступил и говорил спокойно, но как-то весь подобрался, как кот перед прыжком.

— Я ничего не забываю, Гарм. Ничего. Шаммахитская мстительность… — и аш-Шудах, явно передразнивая гостя, будто извиняясь, развел руками.

— Что ж… пожалуй, мне пора. Отвык я от холода, да и матушке надоедать не стоит… — и Гарм поежился от порыва ветра. Он почтительно поклонился Ниме, и удалился так же бесшумно, как и возник.

— Если с ней хоть что-то случится… — аш-Шудах пристально смотрел в сторону ушедшего.

— Ты знаешь, где меня искать. — Ответил мрак откуда-то из-за колонн; затем послышался звук легкого прыжка, прошелестели почти неслышные шаги… и затихли.

— Что ему нужно от нее? — спрашивавший подходил к аш-Шудаху так же легко, как убегал только что ушедший, но отнюдь не так неслышно. Каждое его движение сопровождал легкий, мелодичный звон колокольчиков, которыми были перевиты его волосы.

— Так-так… Все братья в сборе… были. — Аш-Шудах

усмехнулся, поворачиваясь навстречу Лимпэнг-Тангу. — Давно ты тут?

— С самого начала.

— И ты его не заметил?

— Нет. Впрочем, он и в детстве всегда меня обыгрывал в прятки. Так что ему нужно?

— Ты слышал весь наш разговор. И, как всегда, предпочел в нем не участвовать.

— Не надо меня упрекать. — Лимпэнг-Танг отвернулся. — Это мой выбор, и я верен ему. И да не наступит тот день, когда я буду вынужден изменить себе.

— Что, тогда нам всем не поздоровится? — усмехнулся аш-Шудах.

— Именно так. Как ты думаешь, брат, каков будет мир без радости? Что станется с ним, если никто не будет посылать ему хоть немного веселья?

— Не знаю, но жить в таком мире я бы не хотел. Ты-то зачем тут?

— Как зачем? Я так разумею, Амариллис скоро покинет мою труппу. Вот, хотел приглядеть новую танцовщицу.

— И как? Приглядел?

Лимпэнг-Танг вздохнул и, качая головой, рассыпал в морозном воздухе пригоршню серебристого звона.

— Увы мне… Я думал, Муна согласится вернуться, она уже проводила сезон вместе с моими детьми. Но я боюсь, она навлечет несчастья на труппу, уж очень злая у нее судьба. А остальные девушки слишком привязаны к своим родным местам.

— Может, Гинивара?

— Не имею привычки отнимать жриц у других богов. А ну как обидится? Да и вряд ли у нее получится, ее зрители привыкли молиться, мои — наслаждаться.

— Она очень талантлива. И я не думаю, что она вернется домой, в храм Калима. Устала молиться и тоскует по радости… возьми ее. Не пожалеешь.

Лимпэнг-Танг внимательно посмотрел на мага.

— Только при одном условии. Костюмы ей буду подбирать я сам! — и засмеялся.

После ритуала танцовщицы прошли в свою комнату и — все как одна обессиленные, переполненные и опустошенные одновременно — почти что упали в постели с одной лишь мыслью — спать… Проснулись они поздно, чуть ли не за полдень. Разбудила их Эниджа.

— Будет вам спать… вставайте. Марш в купальню, а потом милости прошу ко мне. Мой повар начал заготавливать сладости

для вас неделю назад, и успел столько их наделать, что даже Лалик хватит.

Покои госпожи Эниджи отличались от подобных им комнат в богатых домах разве только нетипичной для Шаммаха цветовой скромностью: все в них, начиная от стен и заканчивая подушечками, было либо сливочно-белым, либо тепло-терракотовым. Пришедших ожидал низкий стол, с немыслимой щедростью накрытый всевозможными сладостями; несколько десятков блюд, вазочки, кувшины и подносы теснились будто армия, готовая нанести решительный и беспощадный урон талиям танцовщиц.

— Ох ты, Нима Соблазнительница!.. — вытаращила глаза Лалик. — И как тут устоять?! Завяжите мне глаза, заткните нос и свяжите руки — да покрепче!

— Не переживай так, Лалик… — Эниджа пригласила учениц усаживаться. — Сегодня все можно. Я разрешаю… — и засмеялась. — Знаете, я нахожу особое удовольствие в таком вот попирании запретов и нарушении правил — эдакая сладкая вольница…

Девушки расселись вокруг стола, устраиваясь поудобнее на маленьких подушках, и в нерешительности уставились на расстилавшуюся перед ними губительную благодать.

— С чего бы начать? — и Гинивара пошевелила пальцами над столом. — Кто первый?

— Начни с хлеба богачей… — посоветовала Лалик, придвигая к себе тарелочку с чем-то воздушно-розовым и указывая подруге на блюдо, на котором золотились даже на вид хрустящие кусочки, покрытые плотным сливочным пудингом. — Слопаешь пару ложек, ничего другого уже не захочешь… потому как объешься!

— Ммм… госпожа Эниджа, а что добавляет ваш повар в абрикосовые шарики? — Амариллис держала маленькое оранжевое пирожное, сделанное из сушеных абрикосов самых сладких сортов, миндаля, хрустящего риса и кокосовой муки.

— Розовый сироп, а не яичный белок, как это делают в харутских кондитерских. Нравится?

— Очень… — И Амариллис потянулась за следующим шариком.

Ксилла, разливая в маленькие чашечки горячий чай, выглядела донельзя довольной. Ведь это она привезла его сюда, в Ирем, здесь такого даже за большие деньги не купишь. Чайные листочки, свернутые жгутами, из которых умелые пальцы суртонок сплели настоящие хризантемы. Одного такого чайного цветка с избытком хватало на целое чаепитие; цветок надлежало

сначала хорошенько пропарить в плотно закрытом чайнике и лишь затем залить — осторожно, не торопясь и не помышляя о дурном и суетном — водой, вскипевшей и две с половиной минуты назад снятой с огня. Аромат такого чая, если вдыхать его, склонившись над фарфоровой чашечкой, прогоняет печали и успокаивает сердце. Для Ксиллы, суртонки до кончиков пальцев, чаепитие было подлинным священнодействием, поэтому, когда она увидела, как Муна разбавляет горячий напиток сливками, то не преминула высказать ей все, что думает о варварстве северян.

— Мешать жирные сливки, поглощающие все вкусы, с чаем столь изысканным, что даже поэты не могут доселе найти слов для его описания… — суртонка возмущенно щелкнула пальчиками. — Ты бы еще налила в него этот ужасный забродивший отвар хмеля, который вы называете пивом!

— Дружочек, — Муна ничуть не обиделась, ей была даже забавна горячность всегда сдержанной и чопорной Ксиллы, — Горячо же… А что до вкусов, то не скрою, что мне милее наш варварский мелиссовый чай с толикой зверобоя и цветов клевера. А, Амариллис?

— Ну… суртонские чаи хороши, не скрою… но мелиссу я тоже люблю! — примиряющее улыбнулась Амариллис.

Танцовщицы отбросили все сомнения и презрели все запреты; они были похожи на детей, которым во владение отдали кондитерскую лавку: едва облизав пальцы после очередного лакомства, они тянули руки за новым. Муна не постеснялась облизать тарелку из-под лимонных долек в клубничном сиропе, Ксилла пальчиком расковыривала круглые шаммахитские пирожные, выедая начинку из меда с орехами, Амариллис на пару с Гиниварой доедали хлеб богачей, а Лалик, как на удачу надевшая просторную нарядную джеллабу, попросту придвинула к себе блюдо всевозможных слоек, пропитанных медом и пряностями, и, полузакрыв глаза, поглощала их одну за другой. К слову сказать, госпожа Эниджа не отставала от своих учениц. Вечер удавался на славу.

— Если ваш повар вдруг чем-то прогневит вас… — Лалик, с трудом разлепив пальцы, склеенные ароматным медом, взяла трубочку, начиненную взбитыми сливками, и откусив кусочек, утратила способность разговаривать.

— И не надейся. Но если хочешь, могу принять твоего повара к моему в обучение. Хотя… для тебя это может оказаться опасным, растолстеешь за месяц как бегемотиха, танцевать как будешь?

— Ну… ммм… не вечно же я танцевать буду. Кстати, девочки, а вы куда собираетесь? По домам?

— Я — да. — Ксилла подняла глаза от очередной раскопки-расковырки. — Его величество не любит ждать. Да и не стоит оставлять свое место надолго. Сами понимаете, опасно…

— А я — нет. — Гинивара со вздохом изнеможения отодвинула опустошенное блюдо. — Не хочется мне домой. Госпожа Эниджа, вы позволите мне побыть в храме? На первое время.

Эниджа коротко кивнула.

— А я, пожалуй, приму одно приглашение, — и Муна интригующе подмигнула подругам. — Меня на Мизоан зовут.

— Куда?! — изумились танцовщицы. — И зачем?

— Ну, не придворной дамой, это уж точно. Там и двора-то никакого нет. А праздники как у всех. Я сама пока мало что знаю, надо будет получше расспросить.

— Ты поосторожнее там, мне Рецина говорила, чужаков на Мизоане не любят. Ладно, твоя воля. А меня в труппе ждут, мы эту зиму в Маноре работаем. Так что я завтра удираю, пока еще доберусь… — Амариллис допила чай и поклонилась хозяйке дома. — Благодарствую, госпожа Эниджа. Теперь бы кто помог встать и дойти до кровати…

— Нет уж, идите-ка лучше в сад, прогуляйтесь. А то приклеитесь к подушкам! — засмеялась шаммахитка. И уже вдогонку уходящим ученицам добавила: — Амариллис, задержись на минуту, я хочу кое-то спросить о ваших порядках.

Когда дверь за танцовщицами, идущими нарочито медленно и неуклюже, закрылась, Эниджа присела рядом с Амариллис и тихо спросила:

— До конца зимы ты еще доработаешь. А потом куда?

Амариллис заглянула ей в глаза, усмехнулась.

— Интересно… вы одна догадались?

— Не беспокойся, я одна. Девчонки слишком заняты собой, каждой своих забот хватает. А мне о чем заботиться?.. Разве что о том, как бы найти себе преемницу. Ты никогда не думала остаться в храме Нимы? На правах Учителя.

— Я?! — искренне изумилась Амариллис. — Помилуйте, госпожа Эниджа. Какой из меня учитель? Я раздражительна, совершенно не выношу непонимания и неповоротливости — как в мыслях, так и в движениях. Да и от родных мест Ирем далековато…

— Этот город очень гостеприимен, если потрудиться понять его характер. Амариллис, я так понимаю, что замуж ты в ближайшее время не выходишь — и вряд ли выйдешь вообще. Так?

— Так. — девушка кивнула без малейшей тени обиды.

— А значит, тебе нужен свой собственный дом. Конечно, ты всегда можешь остаться у аш-Шудаха… но, боюсь, тебе будет там скучно, поскольку в доме мага ты не у дел.

— Чего не скажешь о школе танцев. — закончила за шаммахитку Амариллис.

— Именно. Если боги пошлют тебе дочь — лучше, чем храм Нимы, для ее воспитания места в Иреме не найти. Осчастливят сыном — думаю, Арколь будет счастлив принять его как ученика. Здесь есть, кому позаботиться о тебе и твоем ребенке.

— Амариллис сидела молча, держа на коленях подушку, разглаживая ее шелковистый ворс.

— Я… благодарю вас. Но если я и приеду в Ирем и останусь в храме Нимы, то вряд ли раньше, чем года через три. Как раз вы выпустите нынешних учениц, отдохнете и наберете новых. А тут и я подоспею… если вы согласитесь, для начала буду просто помогать вам. А там видно будет.

— Есть место, в котором ты уверена больше, чем в храме?

— Да. — твердо ответила девушка. — Больше, чем в себе самой. Оплот неизменности в зыбком мире, твердыня любви и преданности, убежище для слабых и беззащитных.

— О Нима Нежнорукая! — ахнула Эниджа. — Неужели ты собралась в монастырь к Дочерям Добродетели?! И я дожила до этого дня!.

— Да нет, что вы! — рассмеялась Амариллис, всплеснув руками.

— Скажете тоже… — и снова засмеялась. — Да меня и на пушечный выстрел к воротам не подпустят. Одно дело бедная сиротка, и совсем другое — нераскаявшаяся блудница.

— Амариллис! С каких это пор танцовщица Нимы прозывается блудницей?!

— У Дочерей Добродетели — испокон века. Так что мне в их доме делать нечего. Нет, госпожа Эниджа, я говорила о другом месте. О доме друга — и сокровника. К тому же он неподалеку от Одайна. Я люблю тамошние места, привольно, леса светлые, не то, что ближе к Краю Света. Отдохну, отвыкну от дороги и приключений, глядишь, и к вам ехать побоюсь…

— Это ты про кого? — усмехнулась Эниджа. — Знаешь, Амариллис, поскольку ты почти согласилась занять со временем мое место, я открою тебе один секрет. Помнишь ваши первые выступления в Маруте Скверном?

— Разве такое забудешь… — и танцовщица невольно выпрямила и без того прямую спину.

* * *

Старик Снорри, как всегда в особо напряженные моменты, поглаживал пальцами шрамы-близнецы, пересекающие его щеку от уголка глаза до подбородка. Если мастер-шаман прав, то сегодня ему удастся, наконец, выполнить волю друга и вернуть алмаз темной крови законному владельцу. Вернее, владелице. Как на горе, и сын, и внуки капитана Дирка погибли в наводнении, накрывшем Свияр, что на Кадже Бесноватой. Чудом, иначе не скажешь, выжила только внучка. Найти ее стоило трудов — не великих, но все же ощутимых для орков Обитаемого Мира. Найти, чтобы решить — достойна ли она владеть камнем рода, или же надлежит ему храниться у одного из старейшин. Снорри допил пиво из массивной глиняной кружки, поморщился — ну, пойло шаммахитское!.. из чего они только его варят?!.. впрочем, лучше этого не знать. Орк сплюнул прямо на пол (ни чище, ни грязнее от этого пол не стал), покряхтел, по-стариковски недоверчиво оглядывая зал. Вот ведь напасть… нет бы парня судьба сберегла, видел он их — один другого краше, высокие, плечистые, и не людские зубоньки, а почти настоящие орчатские клыки… Так нет ведь, выплыла эта девица! Ну какая из нее хранительница камня темной крови, скажите на милость?! Небось, в одних бирюльках толк знает, да еще вот плясать выучилась. Ох-хо-хо… Сидевшие рядом со Снорри орки от нетерпения слишком громко переговаривались, поминутно оглядывались, кто-то опрокинул кружку. И тут красная линялая тряпка, висевшая в качестве занавеса, отодвинулась, выпуская на небольшую сцену предмет их любопытства. Снорри глянул и обреченно застонал.

— …О боги!… За что такая немилость?! Да что же это такое? Белка облезлая… цыпленок ощипанный… И этой… пигалице я должен отдать камень?! Укк фургат!..

А пигалица с лицом, зажатым в испуганный кулачок, прошла на середину сцены и приготовилась что-то там танцевать. В тяжкую духоту залы пыталась проникнуть тихая, жалобная мелодия. Однако выступление, едва начавшись, было прервано: кто-то тоже оказался недоволен пигалицей, и выразил свое недовольство, швырнув в девушку помидором, за которым последовали откровенные оскорбления. Старый орк опустил глаза — он не любил жалких зрелищ.

…Всегда, вспоминая об этом дне, Амариллис гордо вскидывала подбородок, разворачивала плечи, а то и ногой притоптывала. Не посрамила. Не подвела. Доказала. Сама.

С трудом переводя дыхание, Снорри урниио глядел на сцену. За всю свою долгую жизнь он ничего подобного не видел. Напуганная и беспомощная пигалица внезапно обернулась

саламандрой, пляшущей в огне, на котором поджаривались зрители. А им, насаженным на вертел, хотелось только одного — еще огня, огня пожарче! И она раздувала, распаляла это пламя, одним взмахом руки заставляя его взлетать до небес, щедрыми горстями разбрасывая искры. Со свистом втянув в себя жаркий трепещущий воздух, Снорри захотел вытереть пот, выступивший на лбу, но почувствовал, что левая рука ему не повинуется и он даже не ощущает ее, будто нет ее вовсе. Орк изумленно посмотрел на онемевшую руку и тут же понял, кто этому виной. Алмаз темной крови, тихо-мирно сидевший в кольце, которое Снорри носил вот уже десять лет, проснулся. Теперь он был похож скорее на сгусток темного пламени, чем на осколок льда. Алмаз признал хозяйку. Он звал ее.

… Амариллис вспоминала, что, танцуя тогда в безвестном марутском притоне, она чувствовала себя горящей головней, выхваченной из костра. Порой ей казалось, что она видит сполохи пламени, пробегающие по ее рукам, и тяжелые огненные капли, срывающиеся с ее пальцев и разбивающиеся о пол в обжигающую пыль.

Не сказать больше и точнее — Снорри был счастлив. Этой пигалице (про себя он так и звал ее… поскольку была у старика на редкость неприятная привычка — называть вещи своими именами) он доверит камень с радостью. Выполнит волю друга, уплывшего за Край Света. Дирк сказал тогда: «Отдай камень истинному хозяину. Мой род хранил его не одно столетие. Не хочу оказаться последним. Не спеши. Сыну не отдавай… сам знаешь, почему. Присмотрись к внукам… ко всем троим. Все хороши. Решать тебе, кого ты сочтешь достойным.» Амариллис, последняя из рода, дочь Оттона из Одайна, внучка Дирка-капитана, правнучка Судри из Лесного клана… прямой потомок Эркина из Лесных Хоромин. Хозяйка алмаза темной крови. Законная и единственная.

Снорри встал, подошел к сцене и протянул танцовщице руку. Она глянула на него совершенно шалыми, дурными глазами, улыбнулась так, будто солнце из-за туч просияло, и спрыгнула к орку. Когда она прикоснулась к нему, легко опираясь на протянутую им руку, Снорри вздрогнул — ему показалось, камень отозвался ее прикосновению, заметной дрожью давая ему понять, что пришла пора расставаться. Усадив девчонку за стол, Снорри в который раз поразился удивительному свойству темной крови — обнаруживать себя даже в таких «разбавленных» метисах, как Амариллис. Ее окружали чистокровные орки, зелено-смуглые, клыкастые, огнеглазые, но среди них она — тоненькая, маленькая, белобрысая — не смотрелась чужачкой, не выглядела

слабой и жалкой. Было в ней что-то неуловимое… то ли блеск в глазах, то ли манера трогать кончиком языка чуть выдающиеся клыки, то ли порывистая грация движений, схожая с горением смолистой сосновой ветки. Темная кровь… ну не может она течь спокойно, вечно выкидывает какие-нибудь коленца… Старый орк, будто между делом выспросив у девчонки имя прадеда, так же мимодумно снял кольцо, с трудом стянув его с мизинца, и отдал танцовщице. Она приняла подарок, поблагодарила и, не думая, надела на средний палец правой руки. Снорри был уже слишком стар, чтобы предаваться всяческим фантазиям и выдумывать красивые сказки, но он готов был поклясться, что камень в кольце… улыбался. Он светился ровным, теплым светом, как окно родного дома в ночи. Алмаз темной крови вернулся к роду Эркина.

* * *

— Так вот, я видела ваш каждый танец. Приезжала заранее — ведь это я выбирала заведение — пряталась в уголке потемнее, но с отличным видом на сцену, и смотрела. Как зачем? Не могла же я оставить вас совсем без присмотра, мало ли что! А еще затем, чтобы поглядеть, чему вы успели научиться и на что вообще годны. Бывало и такое, что после этого испытания девушки уходили из школы. Так вот, то, что я видела в одном из самых скверных марутских притонов, спокойной жизни тебе не сулит. Я видела тебя на сцене и потом, но это… — и шаммахитка пожала плечами. — Уму непостижимо, откуда ты все это вытянула, что за бес в тебя вселился?..

— Я и сама не знаю. — девушка пожала плечами. — Хотела быть сильной… да нет, хотела просто быть. И заставить всех уважать мое присутствие.

Они проговорили до тех пор, пока не вернулись с половины прогулки остальные танцовщицы и не увели Амариллис с собой.

— Помните, когда-то мы уже расставались вот так… не зная, увидимся ли. Все подушки проплакали. — Сказала Гинивара, закончив укладывать сундук.

— Помню. Ничего, увиделись же… я, признаться, очень обрадовалась, когда мне Эниджа приглашение прислала. Думала, грешным делом, что за шесть лет она нас всех позабыла. — Муна все никак не могла налюбоваться подарком Лалик и вертелась перед зеркалом, накинув на обнаженное тело покрывало.

— Смешно… на самом деле мало что изменилось. — Лалик сидела в кровати, расчесывая волосы. — Только что Гинивара

здесь остается. А так — с чего начинали, туда и возвращаемся. Постарели, конечно… — и она притворно закряхтела.

— Да уж, старость — не радость… — засмеялась Амариллис. — Ты так вообще — глубокая древность… матушка Лалик.

Это расставание оказалось не в пример спокойнее прежнего. Совсем немного поплакав, танцовщицы попрощались друг с другом и с Эниджей.

Глава четвертая. Ледяная птица

Она ехала верхом, чуть покачиваясь в такт неторопливым шагам лошади, и напевала себе под нос какую-то странную, невесть откуда взявшуюся мелодию:

Люди и эльфы,
Крысы и кольца,
Темная кровь
В моих жилах смеется…
Темной-то крови
Все бы смеяться…
Гномы и цверги,
Маги и танцы…

Амариллис ехала в Манору в сопровождении Арколя. Шел уже январь и дети Лимпэнг-Танга заждались своей танцовщицы; что же касается Арколя, то он, с позволения аш-Шудаха, решил провести еще пару сезонов в качестве шута.

— Надо же… — улыбнулась Амариллис — Помнишь, мы уже как-то раз вот так ехали — навстречу им всем, в родную труппу. Лорку повстречали…

Брат с сестрой переглянулись и засмеялись, вспомнив обстоятельства, при которых к артистам попал рыжий вольтижер. Путь до Маноры был недолог и безопасен.

— Да, было дело… — все еще улыбаясь, сказал Арколь. — Амариллис, ты не устала? Уже четвертый час верхом…

— Ну и что с того? Я и больше могу… — недоумевая, возразила Амариллис. И, поймав на себе заботливый, беспокоящийся взгляд брата, все поняла. — Ну вот… А я думала, только Эниджа и аш-Шудах проведали.

— Надеялась меня провести? — Арколь только головой покачал. — Куда тебе… Ты как себя чувствуешь? — судя по тону, он держал этот вопрос во рту уже не первый час, не решаясь задать — но и не умея проглотить.

— О боги… — пробурчала Амариллис. — Опять… Я чувствую себя прекрасно, как цветочек поутру! И не о чем тебе так беспокоиться… Обо мне уже побеспокоились однажды — только пылинки не сдували. Нет, в этот раз я уж как-нибудь сама справлюсь.

— Хэлдар… знает? — осторожно спросил Арколь.

— Нет. — покачала головой танцовщица. — Я не видела его

уже больше месяца. Он опять в Шибальбу поехал… уж не знаю, зачем. — И она вздохнула.

— А если бы знал, то вряд ли бы одобрил твое решение доработать сезон… — рискнул предположить Арколь.

— А вот уж это не его дело. — Отрезала его сестра. — И запомни, Арколь, это касается меня — и только меня. И решать все буду я — где мне быть, что делать, у кого спрятаться. Дорабатывать-то всего ничего — пара месяцев, а деньги мне не помешают. Не хочу нахлебницей к Сычу ехать… и просить ни у кого ничего не буду.

— Я понимаю твое ожесточение… — Арколь подъехал поближе, положил руку на плечо сестры. — Но зачем ты обращаешь его на Хэлдара? И… — тут Арколь внимательно всмотрелся в лицо Амариллис — уж не задумала ли ты скрыть от него ребенка?

— Тебе одному признаюсь — да. Собиралась. И не хмурь свои великолепные брови. Арколь, кто я для него? О!.. только не надо говорить мне о любви и самопожертвовании. Уж не думаешь ли ты, что его светлость женится на мне, введет меня в свой родовой замок как законную супругу? То-то его матушка обрадуется… А его светлейший король подарит мне на свадьбу бессмертие и острые уши в придачу… Смешно, правда? — но сама она даже не улыбалась.

Собеседники замолчали.

— Да нет, я конечно обо всем ему расскажу… — Амариллис кивнула. — Просто я уже однажды была замужем — и возлагала на брак куда как большие надежды. И прошло-то с тех пор всего-навсего два года…

— Хэлдар сделает все, чтобы ты была счастлива.

— Знаю. Но что такое счастье Кратко Живущих для эльфа? Один день… один изумленный вдох и один короткий выдох… отражение, унесенное быстрой рекой. Арколь, я прошу тебя, оставим этот разговор.

Они прибыли в Манору как и рассчитывали — к началу января. Остальные дети Лимпэнг-Танга, заждавшиеся старых друзей, с нетерпением ждали их и встреча получилась задушевной и радостной. В составе труппы не произошло никаких изменений — молодой шут, приглашенный Арколем, предпочел остаться в Арзахеле, так что приезд мага-подмастерья оказался очень кстати. Впрочем, одно изменение было налицо — в комнате Лиусса и Веноны стояла колыбель, в которой мирно почивала их годовалая дочь.

Выступления шли своим чередом, зима, в Маноре мягкая и незлая, проходила чересчур быстро для зимы. Артисты, будто

сговорившись (или будучи предупреждены…), ни о чем не спрашивали Амариллис, только Венона иногда позволяла себе прервать репетицию танцовщицы и отправить ее пораньше отдыхать. Вестей от Хэлдара девушка не получала — оно и понятно, Шибальба место неблизкое, да и не особо населенное.

На исходе февраля, когда дети Лимпэнг-Танга заканчивали зимний сезон в Маноре, за Арколем приехали. Один из слуг аш-Шудаха привез магу письмо, в котором учитель призывал его вернуться в Ирем как можно скорее. Арколю очень не хотелось уезжать, оставив Амариллис без своего попечения; он настойчиво звал ее с собой.

— Ну послушай же меня, вот ведь несговорчивая какая… Ну чем тебе Ирем не глянулся? Да какая жара?! Это в нашем-то доме?! Да я тебе хоть метель устрою, хоть град с потолка! Амариллис… поедем со мной. Где тебе будет лучше и спокойнее, ты мне скажи? В доме аш-Шудаха к тебе ни одна напасть не подступится, будешь жить как королева — только без скучных королевских обязанностей.

— Арколь… — Амариллис сокрушенно покачала головой и ткнулась лбом брату в плечо, — ну что ты… Не поеду я в Ирем. — И она как-то зябко вздрогнула.

— Почему? — чуть ли не в сотый раз задал этот вопрос Арколь.

— Не знаю. Не хочу. Вот не хочу, и все. Я к Сычу поеду.

— Давно решила… и крепко. — Арколь отстранил сестру, заглянул ей в глаза. — Вижу… не переспорить тебя. Твоя воля, сестрица. — Он крепко обнял ее.

— Арколь… — тихо попросила девушка, — Ты не пропадай, ладно? Как тогда, в Эригоне…

— Постараюсь. Но и ты тоже — будь поосторожнее… плясунья. — Арколь помолчал с полминуты и спросил — Ты как себя чувствуешь?

Амариллис обреченно застонала.

Спустя две недели после отъезда Арколя приехали и за нею. Хэлдар, вернувшись из Шибальбы, поспешил в Манору, презрев все свои действительные и мнимые обязанности. Узнать, где проживают дети Лимпэнг-Танга было легче легкого — они снимали небольшой дом рядом со зданием театра, со старым, обширным садом, обнесенным высокой каменной стеной. Здесь они могли отдыхать, прячась от суеты и шума. Слуга, открывший эльфу ворота, не без удивления сказал, что господа артисты сейчас у себя… сезон закончили, неужто к себе пригласить хотите? Потом принял повод коня и степенно удалился.

Хэлдар вошел в дом — старые, сложенные из желтоватого

песчаника стены, красновато-коричневые плитки пола, уютные закоулки и просторные комнаты, темная деревянная мебель, смешные манорские светильники, выполненные в виде зверей, держащих свечи то в лапах, то на спинах, а то и в пасти, — похоже, дом строили с намерением жить спокойно, без особых затей и вывертов. Он прислушался: где-то рядом, во втором этаже, кто-то смеялся, да так радостно, что эльф поневоле улыбнулся. Хэлдар поднялся по пологим ступеням, заглянул в комнату, дверь которой была приоткрыта. В высокие, узкие окна заглядывало все еще по-зимнему скуповатое солнце, освещая лица людей розоватым золотом; в камине полыхал щедрый огонь. А на ковре вокруг еще нетвердо стоящего на пухлых ножках малыша прыгал рыжий кот — ребенок пытался поймать кота, хлопал в ладоши, топал, даже делал по нескольку шажков в его сторону, но рыжий в руки младенцу не давался. Рядом на этом же ковре сидели две женщины, они-то и смеялись, наблюдая, как кот дразнит малыша. Сидевшая лицом к двери Венона первой заметила стоящего в дверях эльфа. Она встала, подхватила дочку на руки.

— Амариллис… к тебе гость, — и, ответив на поклон Хэлдара улыбкой, поспешила покинуть комнату.

Амариллис не стала вставать с ковра; кот, лишенный такой забавной игрушки, подошел к ней и улегся на подол ее платья. Эльф присел рядом, обнял девушку; она тихо положила голову на его плечо. Они долго сидели так, не произнося ни слова.

— Амариллис… Поедем со мной.

Она только молча покачала головой.

— Не расстраивайся, — чуть усмехнувшись, ответила она, — Арколю я тоже отказала. Он хотел увезти меня в Ирем. Но знаешь, еще меньше, чем туда, меня тянет в ваши леса. А уж тем более в Лис-Арден. Не хочется мне туда сейчас… да и зачем?

Хэлдар вздохнул. Похоже, и на этот раз ему не удастся переубедить танцовщицу. Слишком серьезно она говорила.

— Зачем? Я бы повторил свои слова, Амариллис, если бы не знал, что опять нарвусь на отказ.

— А ты попробуй.

— Амариллис… — Хэлдар повернул к себе ее лицо, взяв за подбородок, — я прошу тебя стать моей женой.

— Нет. — Она смотрела ему в глаза; на посмуглевшем от пустынного солнца лице они казались осколками синего льда… — Нет, Хэлдар. Не быть мне твоей женой. И это не я тебе отказываю… так уж судьба распорядилась. От меня через пятьдесят лет только холмик на кладбище останется да сундук со старыми нарядами. А для тебя полсотни лет — что один летний

день. Так о чем тут говорить, радость моя… — и она обвила его шею руками, крепко прижалась к нему, спрятав лицо где-то в светло-пепельных волосах.

— Фириэль… — Хэлдар смотрел сквозь незамысловатую пляску огня в камине, — Никто не знает своей судьбы. Мой отец погиб намного раньше отведенного ему природой срока. А ты выжила там, где сгинул целый город. Бессмертие эльфа — не более, чем сказка; мы и смертны, и уязвимы. Амариллис, — и он сильнее сжал ее плечи, — Ты напрасно отталкиваешь меня. Это бесполезно. Я все равно буду рядом.

— Знаю… — беззвучно прошептала девушка. И уже погромче прибавила — Ты отвезешь меня к Сычу?

— Ах вот кому меня предпочли! — притворно возмутился эльф. — И меня, и мой замок с полчищами слуг, тронным залом, и страшными придворными дамами! Ну, если тебе так хочется… Отвезу. И, признаться, буду спокоен куда больше. У Совы не распрыгаешься… тем более сейчас.

— Хэлдар… — обреченно застонала Амариллис, — И ты… Какие же вы все занудные… — И засмеялась.

— А потом?.. — осторожно поинтересовался эльф — Долго ты там не выдержишь, соскучишься.

— Потом? Знаешь, меня Эниджа пригласила в храм Нимы — на свое место. Вот не думала, что она такого высокого обо мне мнения.

— В Ирем? — Эльф недовольно пожал плечами. — Не твое это место. Северные цветы на юге быстро устают.

— Зато там я буду при деле.

— Ты могла бы остаться в труппе детей Лимпэнг-Танга, ведь Венона не покинула вас — разве не так?

— Так. — Не без ехидства подтвердила Амариллис. — Так с нею супруг вместе… Да и не в этом дело. Танцовщица Нимы — это… ну как тебе сказать… не может она матерью быть. Не может, Хэлдар. Моя подруга, Лалик — жена советника ан-Нумана — она своей дочки в глаза не видела. Ну, может потом и показали ей Зули — так, через полгода. А толку-то… она ее даже не узнала.

— С тобой никто не посмеет так поступить.

— Если я решу остаться танцовщицей Нимы — той, что выступает для сотен жаждущих глаз, я сама должна буду так поступить. Но что мне эти глаза… Я давно уже решила — это мой последний сезон. Уйду тихо, без громких прощаний. Была Амариллис… танцевала как могла… и все. Хватит.

Девушка, осторожно подвинув нагло развалившегося рыжего кота, легко встала — по ней нельзя было сказать, что меньше чем через полгода ей предстоит вновь стать матерью. Она положила

руку на забрызганный грязью рукав эльфьего камзола и сказала, глядя в сторону:

— Хэлдар. Не очень мне хочется говорить об этом, но придется сказать. Я не раз слышала, что эльфки, родившие от смертных, отдают этих детей на попечение Дочерям Добродетели. А если какая и сопротивляется, так есть кому проследить за чистотой вашего рода…

Хэлдар поморщился, но промолчал.

— Так вот. Мне говорили, что эльфы, которых угораздило осчастливить своим отпрыском женщин из Кратко Живущих, делают это сами — отнимая ребенка чуть не первого часа от роду. Я сначала смысла в этом не видела, пока сама в монастыре не побыла. Хэлдар, оттуда дорога одна — по кругу, в те же монастырские ворота. Служить Добродетелям… Арколь чудом удрал, а меня отпустили, потому как не очень удобна была, в вольности воспитывалась… таких ломать долго. Хэлдар… — Амариллис вдохнула воздух, будто в воду прыгать собиралась, — Если кто-то попытается отнять моего ребенка…

— Амариллис… — эльф взглянул ей в лицо и опустил глаза.

— Я думаю, мы с тобой справимся. — Она прижалась на минуту к эльфу, затем отстранилась и сказала:

— Ты устал, верно? Пойдем, тебе надо отдохнуть.

Спустя неделю эльф и танцовщица покинули Манору. Амариллис распрощалась с друзьями сердечно, стараясь не огорчаться предстоящей бессрочной разлукой. Но от слез удержаться не удалось никому, даже Рецина, и та отвернулась, стирая с лица предательские капли. Слишком многое связывало их, слишком хорошо работалось и жилось вместе.

— Ами… может, ты все же вернешься? Как же мы без тебя… — все повторял Лиусс.

— Нет, Лиусс. Ты лучше позови кого-нибудь из моих подруг, вам без танцовщицы нельзя. Если успеете, так в храме Нимы оставалась Гинивара — что-то у нее там в Нильгау разладилось. Пригласи ее, думаю, она не откажет.

— Амариллис… — Лорка подозрительно шмыгнул носом, — Ты уж как-нибудь дай о себе знать. Не исчезай. А то как нагрянем…

— Да уж ты нагрянешь… — Венона отвесила вольтижеру легкий подзатыльник, — тебе бы только людей пугать. Амариллис, он все же прав, — мы твои друзья… и если вдруг тебе понадобится наша помощь…

— Или наше общество… — ввернул Лорка.

— Просто позови. — Закончила Венона и сказала: — Ну, будет. Не надо лишних слез. Тебе вредно волноваться.

Амариллис уехала тихо, незаметно. Еще никто из танцовщиц Нимы не покидал сцену так… шепотом, на цыпочках. Никто, кроме детей Лимпэнг-Танга и Хэлдара не знал, куда и почему она отправилась.

* * *

Дому Аш-Шудаха не впервой было принимать важных гостей, но в таком количестве, да еще со всех концов Обитаемого Мира, — пожалуй, впервые. Гости, сопровождаемые свитой и охраной, занимали все новые и новые покои; все они были равно роскошны и удобны, так что пожаловаться не могли ни короли эльфов, ни корабельные крысы. Встреча действительных властителей мира была назначена на последний день июля.

Они собрались в небольшом зале, окна которого, оплетенные густым темно-зеленым плющом, дававшим отличную тень, выходили в сад. Посреди зала стоял круглый стол белого мрамора, вокруг выстроились стулья с высокими спинками. Приглашенные магом входили, церемонно раскланивались и рассаживались, кто куда.

Аш-Шудах, полуприкрыв светло-зеленые глаза тяжелыми, будто усталыми веками, внимательно вглядывался в лица своих гостей.

Эльфы — ее величество Воды, высокая, тонкая, словно хлыст, со светлыми, почти прозрачными волосами, и его величество Воздуха — уголки губ приподняты, но печальные серые глаза смотрят на что-то, ведомое и видимое только им. Богато одетый, грузный, важный Карло Квиати, глава магистрата Маноры. Рядом с ним — Сириан и Риго Миравали, разительно непохожие отец и сын, представители и негласные короли Эригона Баснословного; Сириан все тот же, разве линия рта стала более жесткой, и поредели волосы. За ними — Гвидо Арзахельский, младший брат нынешнего герцога, куда более опытный в делах дипломатии и тонком искусстве политики, чем сам герцог. Рядом с аш-Шудахом сидит шаммахит, с глазами черными и горячими, как угли, у него шрам на правой щеке, а одет он как всегда вопреки дворцовому этикету — не как советник, а как воин; это ан-Нуман, правая рука властителя Шаммаха. По правую руку от него — пожалуй, самый высокий человек среди собравшихся, с плечищами что твое коромысло, и по-детски любопытными глазами, светящимися на привычно невозмутимом лице — король Краглы, Огма. Далее — орки; один старый, ссутуленный шаман, оглядывающий собрание не менее пристально, чем маг, второй — крысолов Сыч. Рядом с

орками сидят Черный Лис Гэлвин, присланный от имени короля Одайна (сам король уже слишком стар, чтобы так далеко путешествовать). Несколько поодаль от остальных сидели двое — сморщенный, высохший как изюм старичок и его спутник, помоложе, сверлящий гостей глазами-буравчиками. К старичку представители торговых городов обращались весьма уважительно, именуя его «господин Брик». Это был первый раз за всю историю мира, чтобы корабельные крысы выбрались со своих островов, обсудить заботы и беды Западных Земель.

Не прислали своих представителей только Нильгау, Суртон и живущие под горами Безымянного Хребта гномы и цверги; все они посчитали, что предмет обсуждения их не касается.

Аш-Шудах, оставив глазам цвет морской воды (он позволял ему лучше улавливать смену настроений собеседников), жестом пригласил гостей выслушать его. Не вставая, он сказал:

— Титулы и доблести почтивших мой дом слишком многочисленны и великолепны, чтобы я перечислял их; все вы равно достойны уважения — поэтому и говорить я буду как равный среди равных. Дабы не возникло досадных недоразумений и непонимания, я предлагаю всем сказать о том, что привело их в мой дом, что именно хотят они постигнуть и избыть.

Первым откликнулся Карло Квиати.

— Я скажу вам, государи мои. Хоть Манору и не считают торговым центром Западных земель, — тут он несколько шутливо поклонился Миравалям, — однако и мой город немало теряет из-за всех тех бед, что приносит тихий ветер. Я не буду утомлять собравшихся перечислением всех понесенных нашими горожанами убытках, скажу только одно — даже не они тревожат нас. Каждый раз мы ждем, что крылья этой заразы развернутся и над нашим городом.

Его слова подхватил Гвидо Арзахельский.

— Совершенно с вами согласен. Арзахель эта напасть тоже пока миновала — но что случится в следующий раз? Кто знает?.. Ветра имеют привычку менять направление — сегодня он западный, а завтра — восточный…

— Никто не знает гибельности тихого ветра лучше нас, увы… — это был Сириан Мираваль. — Эригону второй раз пришлось противостоять ему, и не только ради себя самого, но и для всех земель запада… да и для остальных тоже. — Сириан говорил так, будто его городу пришлось выдержать длительную осаду.

— Вы неплохо справились… — невозмутимо сказал ан-Нуман, — Говорят, что в Эригоне найдено лекарство от тихого ветра.

— Даже если и так. — Риго Мираваль поднял ладонь правой руки, призывая собравшихся к молчанию. — Это средство слишком опасно, чтобы заявлять о нем во всеуслышание.

— Согласен. — Кивнул ан-Нуман. — Сказать полубезумному, что его исцелит кровь… нет уж. Но вы правы, Мираваль. Не будет Эригона — вся торговля полетит в Арр-Мурра.

— Милостивые государи. — Огма говорил неторопливо, будто сам с собой о чем-то рассуждая. — Я понимаю, что говорить мы все можем долго и о многом, но заботит всех только одно — тихий ветер. Что-то он зачастил последнее время. И пробирается все дальше в Западные земли. Сначала побережье, потом Муспельские острова, потом и Эригон прихватил — кто ж на очереди, милсдари? — и Огма недвусмысленно глянул в сторону эльфьих королей.

Его величество Воздуха слегка наклонил голову в ответ на этот взгляд.

— Не буду спорить с вами, Огма, поскольку вы совершенно правы. Не скажу, что мы ничего не предпринимали для защиты наших земель… но — увы… — успех наши попытки не увенчал. Мы напрасно надеялись. Перед тихим ветром мы бессильны. — При этих словах ее величество Воды болезненно поморщилась.

Аш-Шудах выслушивал гостей молча, изредка встречая их пытливые или настороженные взгляды. Он дал им выговориться, перечислить все свои заслуги или потери. И лишь потом, дождавшись достаточно долгой паузы в разговоре, позволил себе сказать:

— Так значит, досточтимые гости считают, что причина всех их бед и тревог — тихий ветер?

Почти все собравшиеся закивали головами; лишь эльфы и орки невольно переглянулись, будто знали нечто такое, что другим было неведомо.

— Я вижу, что не одинок в своих сомнениях по поводу первопричинности тихого ветра. Как странно, что все вы говорили о последствиях — будь то нарушенная торговля, убытки и прочая дребедень, или страх, что куда более неприятен и вреден. Никто из вас не спросил — что вызывает тихий ветер?

— Или кто… — глянув магу в глаза, произнес шаман-орк.

— Или кто. — Усмехнулся аш-Шудах.

— Помилуйте, аш-Шудах… — Огма пожал плечами, — Кто ж на такое способен?.. разве что вы…

— Нет, ваше величество, моих сил на такое не хватит. — И маг сокрушенно развел руками.

— Ну, тогда не томите нас и не говорите загадками… ох уж мне этот шаммахитский обычай! — Огма пристукнул кулаком по

столу, отчего молчавший все время старичок (успевший к этому времени задремать) вздрогнул и проснулся.

— Тихий ветер — лишь одно из последствий того, что происходит в проклятых землях. — Аш-Шудах оглядел своих гостей. — Арр-Мурра не так мертв, как вы полагали, государи мои.

— Мы вовсе не полагали Сердце Зла мертвым… — старый орк с достоинством поклонился магу. — О том, кто избрал это место, мы знаем немного — даже имени его мы не знаем.

— Гарм. — Аш-Шудах сообщил это просто, будто напомнил.

— Вам виднее. — Нисколько не удивился орк. — Значит, Гарм. Мы знаем, что он — сын того, за кем некогда пошли наши предки. Бог, запертый в клетке нашего мира, ищущий выхода, сотрясающий прутья.

— Бог, проклятый матерью. Несущий страдание. Разрушающий. — Королева Воздуха говорила тихо, слова ее падали с нежных, тонко очерченных губ как льдинки.

— Именно так. Хотя я помню его и другим. Но именно он, о ком вы говорите, и есть причина тихого ветра.

Аш-Шудах, не вдаваясь в излишние подробности, рассказал собравшимся о выборе, сделанном богами в незапамятные времена; о братьях-близнецах, и их столь различных дорогах. Еще более скупо он поведал о том, как Гарм обосновался в Арр-Мурра…

— …он не искал там убежища. Гарм ищет выхода — и только. В это трудно поверить, но он не злодей и не чудовище, каким представляют его легенды. Он лишь хочет покинуть Обитаемый Мир — но сделает это любой ценой, не задумываясь о последствиях для тех, кто останется в его пределах. Тихий ветер — это лишь эхо его попыток открыть Восточные Врата.

— Что ж такое получается, — заметно волнуясь, проговорил Квиати, — мы, стало быть, тут как на пороховой бочке сидим? А то, что ветер раз от разу все сильнее становится — так значит, и силы проклятого возрастают?

— Нет. Растут не силы, скорее умение и искусство. — Ответил ему Аш-Шудах. — Все свои силы Гарм вложил в Арр-Мурра. Оставшись там, он связал себя с этой землей, вне ее он утрачивает многие из своих способностей.

— И все же… Что ж, нам так и сидеть без дела, просто наблюдая, как растет смертоносное искусство бога? А что станется, если он добьется своего? Что будет, если он откроет эти ваши ворота? — спросил ан-Нуман.

— Я думаю, этого не знает даже сам Гарм. Но я вас успокою — его собственных сил и всех артефактов Арр-Мурра

недостаточно для этого. Гарму — с теми силами, что у него есть сейчас — никогда не открыть Восточных Врат.

— И что, он так и смирится с этим? — Насмешливо переспросил ан-Нуман.

— Нет, к чему, а к смирению Гарм никогда не был склонен. — И аш-Шудах чуть не засмеялся — видно, представив себе смиренного старшего брата. — Подобные обстоятельства только растравят его, сделают еще более отчаянным и безрассудным. Нет, ан-Нуман, Гарм не смирился. Более того, он почти заполучил то, что может помочь ему, даровав силу, намного превосходящую его собственную.

Собравшиеся запереглядывались, тревожно и неуверенно.

— И что же это? — задал общий вопрос ан-Нуман.

— Это алмаз темной крови. Первый скол, отмеченный руной Феху. Камень дома Эркина.

— Вы неплохо осведомлены о наших преданиях… — с уважением сказал шаман. — Да, последний представитель рода Эркина утратил камень. Но почему вы думаете, что он попал к Гарму? Если бы это было так, неужели он до сих пор не воспользовался бы им?

— Присутствующие здесь могли бы куда полнее и достовернее моего рассказать вам о судьбе камня темной крови. — Аш-Шудах выразительно посмотрел в сторону Миравалей. Сириан и Риго переглянулись.

— Боюсь, мы мало чем сможем помочь вам… да к тому же выставим себя на посмешище, однако обстоятельства таковы, что даже я пренебрегу фамильным достоинством и не скрою истинных обстоятельств. — Сириан кашлянул и продолжил: — Я купил алмаз темной крови у господина Брика… это был тайный, но честный торг. Камень, показанный мне перед продажей, был подлинным. Камень, который я положил в шкатулку, оказался подделкой. Проще говоря, меня, Сириана Мираваля, обманули.

Присутствующие с изумлением воззрились на ратмана Эригона — с таким же успехом он мог сказать, что реки отныне текут вспять, а солнце восходит на западе. Насмотревшись на обведенного вокруг пальца Мираваля (зрелище небывалое с начала времен), гости перевели взгляды на старичка Брика. Тот спокойно принял их и как-то смущенно сказал:

— Государи мои… не приписывайте мне столь сверхъестественной изворотливости. Милсдарь Мираваль, в этой истории я, как и вы, лицо пострадавшее. Но если ваша утрата измеряется звонким золотом, то моя… — тут старичок закашлял, — пострадала моя репутация. Кто же захочет вести крупные дела с торговцем, который столь бесстыдно обманывает

своих партнеров? Камень, предложенный вам, был подлинным. Однако в конечном итоге вы, по совершенно независящим от меня причинам, получили фальшивку. Милсдари, чего уж греха таить… меня обманули.

Если собравшиеся за столом не попадали на пол, так это только потому, что были достаточно выдержаны; но изумление, ясно читавшееся на их лицах, говорило само за себя.

— Вас?! Вас обманули? — Гвидо Арзахельский хлопал глазами так, будто мух ресницами отгонял. — Да за кого вы нас принимаете, Брик, вы же у лиса ухо отрежете, да ему и скормите.

— Поддерживаю. В то, что можно обмануть вас, слабо верится… — Гэлвин настороженно смотрел на старичка.

— Напрасно. И господин Мираваль, и господин Брик действительно были обмануты. — Маг смотрел на них без тени усмешки. — И алмаз темной крови действительно был украден.

— Кем, позвольте полюбопытствовать? И где этого кого-то искать? — спросил ан-Нуман.

— Зовут этого прохвоста Фолькет… — покряхтев, ответил Брик. — Бывший наш магик, цверг по крови. Он удрал с острова на одном из кораблей, что ходят в Пойолу. Куда он оттуда делся — я не знаю.

— В Шибальбу. — Ответил Брику аш-Шудах. — Там он дождался каравана, идущего в глубь материка. Те, кто был в том караване, в один голос утверждают, что одноглазый урод цверг исчез, когда караван достиг края пустыни. Думали, его песчаные волки утащили.

— Значит… камень уже в Арр-Мурра. — иного вывода Риго Мираваль, да и все остальные, сделать не мог.

В зале воцарилась тишина. Огма сосредоточенно рассматривал свой кулак; короли-эльфы, говорившие меньше всех, казались похожими на две статуи.

— Это приговор. — Высказал общую мысль Гэлвин. — Причем смертный и обжалованию не подлежащий.

— Ну почему же… — Огма оторвался от созерцания своих кулаков и коротко, остро глянул на мага. — Я так разумею, камень попал к Гарму не вчера… а много раньше. Так чего же он ждет, скажите на милость? Если его нетерпение так велико, почему он медлит?

— Потому, что камень не подчинился ему. — Ответил королю шаман-орк. — Алмаз темной крови не станет служить никому, кроме принадлежащих роду Эркина. Это не обычный артефакт, признающий любого хозяина, способного раскрыть и подчинить себе его силы. У этого камня и рода Эркина договор — из тех, что не нарушаются никогда. Гарм бессилен перед камнем.

— Уже лучше… — переведя дух, высказал Гэлвин. — Но Гарм наверняка знает об этом договоре, и вряд ли он оставит того, кому подчиняется камень, в покое. Он будет искать его… или ее.

— Ее. Хозяйка алмаза темной крови — Амариллис, танцовщица Лимпэнг-Танга, последняя из рода Эркина. — Аш-Шудах коротко вздохнул, словно сожалея о высказанных словах.

Не одно сердце сжалось при упоминании этого имени. Но никто из собравшихся не был привычен выставлять свои чувства напоказ; со стороны казалось, будто обладательница этого имени и вовсе незнакома им.

— Танцовщица — и целый мир… — качая головой, протянул Гвидо Арзахельский.

— Неслыханно… — Карло Квиати даже красными пятнами пошел от возбуждения, — Она танцевала в Маноре, весь зимний сезон! Если бы знать тогда…

— Да? И что бы вы сделали? — насмешливо поинтересовался ан-Нуман.

Квиати как-то странно посмотрел на шаммахита, но промолчал.

— А где она сейчас? — спросил у Квиати Гвидо.

В ответ тот пожал плечами.

— Не знаю. Дети Лимпэнг-Танга покинули мой город весной, сейчас они в Иреме. Но Амариллис среди них нет, танцовщица у них новая, это точно.

— Что ж… — Гэлвин пожал плечами. — Найти ее, я думаю, мы в силах. А что потом, милсдари?

— Странный вопрос вы задали, барон. — Голос ее величества Воды был прозрачен, ясен и холоден. — Соотношение слишком несоизмеримо — одна жизнь — и участь всего мира. Вы переглядываетесь, пряча свои мысли, но они читаются так же ясно, как если бы вы кричали о них во весь голос. Ее не должно быть.

— Это жестоко, ваше величество… но, пожалуй, вы правы. — Сириан Мираваль поклонился, и добавил — Слишком опасно оставлять ее…

— Если Гарм заполучит ее… — Гвидо потер пальцами виски. — Согласен с вами, Мираваль.

— Экие вы скорые, милсдари… — в голосе Огмы сквозило неприкрытое презрение. — Ровно крысы на девушку набросились. Ох… прошу прощения, милсдарь Брик…

Старичок замахал на короля руками:

— Да ничего, ничего, ваше величество… Я привык.

— Вы там как пожелаете, а я готов дать ей убежище. В моих землях есть такие глухие места, где ее никто не сыщет.

— Глупое великодушие. — В голосе короля Воздуха презрения было не меньше. — Неуместное и опасное.

— Неужели? Конечно, мы лишим светлых эльфов возможности совершить великолепный, достойнейший подвиг — убить ни в чем не повинную девушку. Я так разумею, вы уж и армию снарядили… — Огма откровенно насмехался.

— Если Амариллис… — аш-Шудах помедлил, — исчезнет, то нам придется распрощаться с надеждой заполучить земли Арр-Мурра. Если вернуть ей камень, она сможет освободить его силу — с ее помощью проклятые земли могут стать благословением для всего мира.

— Вернуть камень? — удивился Квиати. — Возможно ли это?

— Возможно. Гарм силен только в Арр-Мурра, но и там его сила не беспредельна.

На несколько минут разговор прервался; все обдумывали услышанное, пытаясь решить, на чью же сторону встать.

— Все это так. — Первым заговорил шаман, спокойно и размеренно звучал его голос. — И вы вольны принять любое решение, произнести любой приговор. Но запомните все — если Амариллис погибнет и мы будем знать, что виной тому ваши страх и немощь, — не ждите от нас прощения.

— И от меня тоже. — Аш-Шудах недвусмысленно посмотрел на эльфов.

— И от меня. — Огма скрестил руки на груди, весьма довольный таким разворотом разговора.

— Ну что вы, милсдари… как можно! — Брик сокрушенно покачал головой, всплеснув руками. — Ссоритесь, ровно дети! И когда?! Когда нам понимание да единение как воздух потребны!.. Яснее ясного, что нельзя девицу эту убивать, никак нельзя. А ну как и впрямь милсдарь маг камень вернет? Тогда всем нам прямая выгода… Спрятать ее надобно, да получше. И чтоб охрана была.

— Мой дом вас устроит? Не самое потайное место, это верно. Однако лучшей защиты, чем здесь, Амариллис не найдет нигде. — Аш-Шудах посмотрел на орков. Шаман согласно кивнул ему. — Что ж… тогда дело за малым — отыскать ее и привезти в Ирем. И как можно быстрее.

— Это наша забота. — Не допускающим возражений тоном сказал орк-крысолов. — Мы привезем Амариллис в Ирем… или вы знаете кого-то, более достойного доверия?!

— Мой ученик — если вы, конечно, не возражаете, — поедет с вами, — Аш-Шудах мог и не задавать этого вопроса, против общества Арколя Сыч возражать уж точно бы не стал.

— Если вы позволите, — неожиданно вмешался король

Воздуха, — один из моих приближенных также будет вас сопровождать. Он из Вольных Лесных Стражей, так что вы не заподозрите его в излишнем рвении соблюсти нашу волю. Меж тем, он опытный путешественник и сможет быть вам полезен. Ваш ученик, кажется, знаком с ним…

— Вот так все эти важные особы и решили, что именно мы — и никто другой — привезем Амариллис к аш-Шудаху. — Арколь рассказывал Хэлдару о состоявшихся переговорах, не особо церемонясь в своих описаниях и комментариях. Больше всего от него досталось эльфам. Их хладнокровие и невозмутимость, с какой они решили судьбу его сестры, выводили мага-подмастерье из себя и он не стеснялся в выражениях.

Друзья сидели в комнате Арколя — Сыч расположился в низком деревянном кресле, уложив длинные ноги на столик, Хэлдар сидел на широком подоконнике, глядя в сад. Он ни разу не возразил Арколю, и вообще с самого начала почти не открывал рта. Кроме них, в комнате были Шонно, Венона, Лиусс и Рецина; Криолла осталась нянчиться с малышкой, Лорка куда-то запропал. Дети Лимпэнг-Танга были приглашены самим магом, который хотел избавить их от ненужных расспросов и, паче того, допросов… попросту спрятал. В самом дальнем и темном углу, в глубоком кресле дремал старик шаман.

— Вот и славно. — Сыч ловко кинул в окно крупную персиковую косточку. — Быстро, бесшумно, точно в цель… как батюшка учил. Когда едем-то, Арколь?

— Как только светлейшие гости отбыть восвояси изволят.

— Нет, Арколь. — Дверь распахнулась и в комнату вошел сам аш-Шудах. Выглядел он обеспокоенным и огорченным; черные глаза мага тлели красноватым огнем, как потревоженные угли.

— Вы должны ехать немедленно и как можно быстрее. И я ничем не могу вам помочь — ты знаешь, Арколь, все мои силы могут понадобиться вдруг и сразу, я не вправе растрачивать их.

— Что случилось, учитель? — Арколь и сам встревожился.

… капли воды парят в воздухе, вздрагивают, трепещут… воздушные потоки окружают их, придавая форму, приручая… Из прозрачно-голубых ка пель складывается птица — небольшая, но с мощными крыльями, хищным клювом и ничего не выражающими хрустальными глазами. Потоки воздуха становятся плотнее и постепенно холодеют… все больше и больше… Очертания птицы становятся четче, затвердевают, стекленеют… Наконец, она с резким звоном расправляет ледяные крылья и пронзительный клекот вырывается из ее клюва.

Несколько строк, написанных кружевной вязью эльфийского письма, помещаются на груди птицы. Несколько слов,

произнесенных мелодичным, переливчатым голосом, определяют ее путь. Она взлетает, делает круг над головами королей — и вылетает в распахнутое окно, и растворяется в небе.

— Я не могу судить светлых королей. — Маг отказался сесть и расхаживал по комнате. — Их жестокость понятна… они должны защитить свой народ. Для них соотношение и впрямь несоразмерное — одна жизнь, которая и без того недолговечна, и тысячи бессмертных…

— Так вы только подозреваете или? — Хэлдар задал вопрос, не поворачивая головы, по-прежнему вглядываясь в сад.

— Хэлдар, мой дом не более часа назад покинула ледяная птица. Как ни быстро летают сотворенные посланцы, покинуть мой дом без моего ведома не может ни одно существо… тем более, созданное магией. Единственные, кто мог сотворить ее — ваши короли, спевшие одновременно песни Воды и Воздуха. Путь ее лежит на северо-запад… а послание, которое она несет в Лис-Арден, предугадать не сложно.

— Найдите и убейте. — За мага эти слова произнес Сыч.

Глава пятая. Дорога тысячи путей

— Если так… — Арколь заметался по комнате как беспокойный дух, — если так, мы не успеем! Три недели пути — и это если повезет и никто не захочет нам помешать.

— Птице лететь четыре дня… — Хэлдар все так же всматривался в глубь сада, только пальцы его вцепились в край подоконника, — Поиски займут… если знать, где искать, не более двух недель.

— Учитель! — Арколь умоляюще глядел на мага. — Зала Большого Пантакля почти готова. Позвольте мне…

— Ты забыл, куда настроен выход? — Аш-Шудах безнадежно покачал головой. — Прямиком в Арр-Мурра… а перенастройка займет не один десяток дней.

Артисты, внимательно слушавшие разговор, но не позволявшие себе вмешиваться в него, переглянулись и опустили глаза. Сказать — как и сделать — было нечего. Если хоть кто-то из эльфов догадывался о дружбе Хэлдара и Сыча — он также легко мог догадаться и о том, что дом орка станет лучшим убежищем для возлюбленной эльфа.

— Господин эльф… — голос Шонно был тих и несколько неуверен; суртонцы вообще ораторскими способностями не отличались, а акробат и вовсе производил впечатление немого, так редко и мало он говорил. — Если вы ищете быстрого пути и не боитесь пройти его… может, я и смогу вам помочь.

— О чем вы, Шонно? — Хэлдар повернулся в сторону говорившего.

— О дороге тысячи путей. — Суртонец вздохнул, будто решался на нечто немыслимое, и продолжил:

— Мы, я и сестра, так давно с вами… такие же незнакомые и нелюдимые, как в первые дни нашей труппы. Но я всегда знал, что придет день, когда вы узнаете обо всем, что связано с появлением акробатов-суртонцев. Мы хранили свою тайну ради самих себя, чтобы выжить и спокойно жить. Мы расстанемся с ней, чтобы помочь той, которую мы полюбили.

Шонно встал, прошел к окну, оглядел внимательные лица друзей.

— Мое полное имя — Шонно Шой Де. Мы с сестрой единственные, кто уцелел из клана Шой Де после мятежа, во главе которого стоял наш отец. В те дни мы были еще детьми…

* * *

— Криолла! Шонно! Подойдите немедленно!

В мамином голосе прозвенела никогда до этого не появлявшаяся нотка просительного отчаяния. Шонно удивленно оглянулся и тут же получил хороший удар деревянным мечом от соперника. Не вскрикнув, только скривившись, мальчишка отсалютовал своим мечом в знак прекращения поединка и подошел к своей сестре, разбиравшей неподалеку многочисленные наряды любимой куклы — от этого занятия ее не отвлек бы и звук дворцового гонга, не то что мамин голос. Шонно взял сестренку за руку и они вдвоем направились к маме, стоявшей на галерее, огибавшей внутренний дворик домашней половины дворца клана Шой Де.

— Тысячелетнего процветания тебе, госпожа! — дети склонились в почтительном поклоне, и более непосредственная Криолла, пренебрегая ритуальными формулами, спросила:

— Что случилось, мама?

Их мать, третья жена Шакки Шой Де, ничего не ответив на этот вопрос, сказала каким-то бесцветным голосом:

Дети, сейчас же идите на конюшню, мы отправляемся на прогулку.

— Мам, на какую прогулку?! И потом, я не посчитала, сколько у моей Бими пар чулочков…

Шонно дернул сестру за руку и, почтительно склонив голову в знак повиновения, молча потащил ее за собою. Они миновали дворик, прошли через многочисленные дворцовые покои, и вышли за пределы дворца. Только тут брат позволил себе высказаться:

— Ты что себе позволяешь? Разве так разговаривают с матерью? И потом… неужели не чувствуешь — что-то случилось…

— С чего это ты взял, зануда?

— Ты еще глупее, чем я думал. — Шонно понизил голос. — Мама чем-то напугана, у нее руки дрожали и голос обесцветился. Может, у отца не все благополучно?

Почти бегом они подошли к приземистому зданию конюшни, где их уже поджидал нильгаец Мазруван, один из приближенных слуг отца и их воспитатель. К величайшей досаде детей, нильгаец не стал тратить время на объяснения, а увел их в одно из пустовавших стойл и попросил как можно быстрее переодеться в принесенную им в двух узлах одежду. Повернувшись друг к другу спинами, брат с сестрой торопливо одевали теплое белье, штаны и куртки для верховой езды, прочные и легкие сапоги, плащи, подбитые мехом выдры. На этот раз первым не выдержал Шонно:

— Мазруван, да продлит небо твои годы, к чему этот

маскарад? Не подобает детям господина Шой Де рядиться подобно пыльным гонцам; и потом, зачем эти плащи, ведь тепло же!

— В пути они заменят вам одеяла, маленький господин, а в горах укроют от непогоды, — ответил нильгаец.

— В каких горах?! — разом воскликнули дети.

— Тише!.. — в голосе неслышно подошедшей матери звенела тревога; госпожа Инанна уже была одета под стать своим спутникам. Она несла небольшой сверток, за плечами ее висел дорожный мешок.

— У нас нет времени на разговоры, — Инанна опустила руки на головы детей, — мы должны спешить. Вы сами еще слишком малы, чтобы править конями, поэтому ты, Шонно, сядешь с Мазруваном, а ты, Криолла, со мной. Все слова мы произнесем позже, если будет на то воля неба.

Инанна протянула слуге сверток, тот с поклоном принял его и спрятал на дне своего мешка. Затем подвел двух оседланных коней, помог сесть госпоже с дочерью, сел сам, примостив спереди маленького господина, и они отправились в путь.

Присмиревшие дети сидели молча, изредка поглядывая друг на друга. Неспешным шагом кони проходили мимо дворцовых служб; из Дома Вечно Пылающего очага тянуло вкусными запахами готовящейся еды… кажется, на ужин запекали уток в рисовом тесте и жарили розовые блинчики (Криолла с шумом втянула носиком воздух и весьма похоже изобразила урчание в желудке… брат только погрозил ей кулаком).

Все так же неспешно путники миновали Малые Ворота, возле которых — как всегда в отсутствии господин Шакка — не было стражи; затем копыта гулко простучали по узкому подъемному мосту над глубоким рвом, наполненном темной водой, и впереди показалась изукрашенная резьбой и позолотой арка Больших Ворот. Стража, разморенная не по-осеннему жарким солнцем, дремала и не обратила никакого внимания на выезжавших, приняв их, наверное, за бедных родственников кого-то из сытой дворцовой челяди. Точно следуя старой поговорке, путники медленно, но верно удалялись от дворца; сначала он походил на грозовую тучу на горизонте, потом — на сарай для сена, потом — на рисовый пирог… и вот тогда Инанна, третья жена Шакка Шой Де, привстала на стременах и сказала:

— Дети, держитесь крепче…

В тот же миг Марзуван свистнул и этот звук подействовал на коней как удар плетью; он прянули с места и сухая степная земля зазвенела под их копытами. Очень скоро Криоллу укачало, она побледнела и до крови закусила нижнюю губу, но мама крепко

придерживала ее обмякшее тельце и, ни на секунду не придержав коня, продолжала путь. Шонно держался немногим дольше; понравившаяся сперва бешеная скачка вскоре превратилась в настоящую пытку; мальчик крепился, кусая изнутри щеки и читая про себя Каноны Истинной Доблести. Прошло немало времени, прежде чем кони замедлили бег и, повинуясь поводьям, остановились. Брат с сестрой, не издав ни звука, повалились в рыжую степную траву как два мешочка с крупой.

— Попейте, мой маленький господин… — Мазруван прижимал к бескровным губам мальчика флягу с водой. Тот сделал несколько глотков, закашлялся и его стошнило; смутно он слышал похожие звуки у себя за спиной — это его сестра расставалась с обедом.

— Хорошо, что они не успели поужинать, госпожа… — невесело усмехнулся нильгаец. — Теперь мы можем продолжить путь.

— Подожди, Мазруван, пусть хотя бы отдышатся… — попросила Инанна.

— Пусть они отдышатся у подножия гор, госпожа, — возразил слуга, — воздух у ног Шуа Ду вряд ли покажется им сладким.

И снова они взобрались на коней и заклубилась душистая степная пыль, отмечая путь всадников.

…Они остановились на ночлег уже поздней ночью и то только потому, что знаменитые своей выносливостью суртонские кони нуждались в отдыхе. Мазруван расседлала их, вычистил и, в знак особой благодарности, расчесал гривы деревянным гребнем. Тем временем Инанна вскипятила воду в котелке, бросила туда пучок терпко пахнущих трав и принялась отпаивать этим настоем совершенно измотанных детей. Вскоре им полегчало и они уселись у костерка, молча наблюдая за матерью и слугой. Горсточка сушеных плодов да чашечка травяного чая — таков был весь их ужин.

— А дома сегодня были розовые блинчики… — вздохнула Криолла.

— Сегодня дома?… — у Инанны задрожал подбородок.

— Госпожа, я думаю, дети должны знать правду. Это придаст им силы. — Подал голос слуга.

— Ты прав. Шонно, Криолла… у вас нет больше дома. У вас нет никого и ничего, кроме вас самих. Ваш отец… кто я такая, чтобы судить его?… никогда не мог довольствоваться тем, чем так щедро награждала его судьба, он жаждал заполучить все. И погубил себя… и свой род. Дети, вы помните господина Эддо? Ну конечно помните, ведь он всегда привозил вам подарки. Он когда-то любил меня, но воля родителей соединила меня с

господином Шакка. Впрочем, это неважно. Ваш отец возглавил мятеж против императора, надеясь вернуть Суртон к княжеской вольнице. Его поддержали многие, в том числе и клан Шуа Ду… чтобы в последний миг предать и погубить. А теперь, сынок, вспомни уроки учителя канонов и скажи, что ожидает мятежника, посягнувшего на священную особу императора?

— Ч-ч-черный свиток? — заикаясь, еле выговорил Шонно.

— Да. Эддо успел прислать мне известие с почтовым голубем, презрев все традиции ради нас…

— Мама, а что такое черный свиток? — дрожащим голоском спросила Криолла.

— В дом мятежника приезжает гонец и привозит черный свиток, на котором нет ни единого слова… а потом… воины господина убивают его родных, жен, детей, советников… и сами тоже… — не выдержав, мальчик заплакал, уткнувшись лицом в колени. Вслед за ним заплакала и сестра, не от горя или страха, к которым она была непривычна, но скорее от тяжкого предчувствия будущих бед.

Взрослые дали детям выплакаться и продолжили невеселый разговор.

— Получив известие о предстоящей гибели дома Шой Де, я решила, что жизни моих детей дороже всех канонов и ритуалов, вместе взятых, и взяла на себя право увезти вас. — Инанна крепко обняла детей. — В Суртоне для нас теперь нет жизни, надо уехать отсюда… как можно дальше. Утром мы будем у подножия гор, пройдем водопады, и Мазруван проведет вас… нас вдоль Края Света в Шаммах. Там у него найдутся друзья. Я взяла все свои драгоценности, так что нужда нам не грозит.

— Мама, ты говоришь о водопадах? О Бороде Небесного Старца? — переспросил ее сын. — Но их никто еще не проходил…

— Просто никто по-настоящему не нуждался в этом, — улыбнулась ему мать. — А теперь спите. Путь будет нелегким.

Когда дети уснули, Инанна еле слышно попросила старого слугу:

— Обещай мне. Если дорога тысячи путей не примет меня… — голос ее задрожал и пресекся.

— Обещаю. — Мазруван не отвел глаз. — Я сделаю это.

Они разбудили детей через несколько часов и продолжили путь в темноте.

…..Эти водопады не зря называли Бородой Небесного Старца. На севере земли Суртона ограничивал Край Света — непроходимый горный массив; в его туманных глубинах брала начало полноводная Шакти — река, по которой проходила граница с империей Шаммаха и с буйными лесами Нильгау. И,

возможно, те же источники, что питали Шакти, изливали здесь свои воды с уступов высоких серых скал. Небольших водопадов было около десятка, маленьких — более двадцати, и все вместе они представляли собой довольно точное подобие белоснежной, ухоженной бороды; и вся эта падающая с немалой высоты вода не производила ни малейшего шума, а лишь слегка шелестела, подобно шелковому свитку. За водопадами были неоглядные горы и бесконечный туман, но древние легенды говорили, что если найти нужные слова, то Небесный Старец снизойдет до просящего и разведет водные струи, и укажет проход в сером камне, ведущий дорогой тысячи путей. Эта дорога ведет куда угодно и всегда приводит к цели — причем значительно быстрее, чем обычные дороги Обитаемого Мира.

Было раннее-раннее утро, солнечные лучи еще только скользили по земле, не согревая ее. Шонно и Криолла, проведя почти весь прошлый день в седле, пошатывались от усталости. Они безучастно глянули на молочно-белое, бесшумное великолепие Бороды и уселись наземь, прижимаясь друг к другу. Их мать стояла рядом, слуга — поодаль, вытянув руки.

— Погоня уже близко, госпожа. Или мы увидим солнце по ту сторону гор, или нам воссияет солнце мертвых.

— Хорошо. Будь рядом с детьми, отвлеки, если понадобится.

Инанна взяла из своего дорожного мешка сверток и, не оглядываясь, пошла к самому подножию водопада. Там она остановилась, достала четыре маленьких курильницы, заранее заправленные душистыми маслами и зажгла их, выстроив в полукруг по левую руку. В колючий утренний воздух потянулись четыре серых дымных столбика; Инанна опустилась на колени. Ее безмолвная молитва длилась долго… дети не могли бы сказать, сколько часов их мать пытается найти нужные слова. Вдруг Инанна потянулась к свертку, достала маленький нож, по форме похожий на ивовый лист, и провела им по левой ладони две линии крест-накрест, перечеркивая запечатленные на розовой коже жизнь и судьбу. Вытянув левую руку в сторону курильниц ладонью вниз, она принялась смешивать четыре струи дыма в одно облачко, немедленно окрасившееся в пронзительно-красный цвет….

Среди тихого шелеста воды зародился новый звук; он напоминал хрипловатый голос тростниковой флейты. А затем прозрачно-белые водяные струи разошлись, и за ними открылся узкий поход вглубь горы. Инанна, не оборачиваясь, махнула рукой, и Мазруван, увлекая за собой детей, пошел к горе.

— Сынок… Криолла… — Инанна прижала к себе детей так крепко, что у них перехватило дыхание. — Шонно, береги сестру.

Дочка, позаботься о брате. И будьте счастливы. Ну, ступайте… вы первые, я после, пока промою руку… ну же!

Мазруван крепко взял детей за руки и они пошли. Однако, не пройдя и двух десятков шагов, Шонно будто проснулся и оглянулся.

— Мама, не отставай! Мама!..

От его истошного крика вздрогнули серые каменные стены. Мальчик вырвал руку из смуглой ладони слуги и бросился назад, а вслед за ним — и сестра, спотыкаясь и всхлипывая. Там, где должна была стоять Инанна, застыл блестящий водный кокон, в котором смутно угадывались ее очертания. С разбегу дети ударились о холодную, твердую поверхность, которая даже не дрогнула. Девочка опустилась на колени, обхватила кокон руками и заплакала; брат стоял рядом, смаргивая переполнявшие глаза слезы.

— Не мучьте госпожу своим горем. Она дарит вам жизнь во второй раз — будьте же достойны этого дара.

— Мама, как же мы теперь? Что нам делать? — вырвалось у Шонно.

— Она сказала вам. Тебе — беречь сестру; ей — заботиться о том, чтобы ты не чувствовал себя одиноким в мире. Идемте. Дорога не будет ждать.

Мальчик осторожно прикоснулся к блестящей поверхности.

— Мама… спасибо тебе.

— Спасибо, мама… — прерывающимся эхом отозвалась Криолла.

Брат обнял ее за плечи, подал руку нильгайцу и они вместе двинулись вглубь горы, не оглядываясь и не разговаривая. Вокруг были серый камень, ватная тишина, полусвет-полумгла. Когда много позже они вспоминали об этой дороге, Криолла признавалась брату, что ей казалось, будто их проглотил каменный исполин и они сами идут по каменному горлу в его ненасытную утробу. Шонно же сказал, что до тошноты боялся встретить за следующим поворотом глухую стену. И все трое отчетливо слышали судорожное дыхание остановленного времени.

….На самом же деле прошло не более полусуток, прежде чем им ослепительно улыбнулось солнце Шаммаха. Последние шаги они почти бежали, затем стремглав вылетели на волю и пронеслись еще несколько десятков метров по инерции. Дорога тысячи путей вывела их куда-то на окраину Ирема, в цветущие предместья Харута.

— …В Иреме нас принял старый знакомый Мазрувана, бывший циркач. Так мы и решили спрятаться под пестрым

покровом жизни артистов. Вы понимаете, что раскрыть наши полные подлинные имена мы не могли, равно как и поделиться нашей историей — слишком опасно… да и зачем обременять спутников своими семейными тайнами?

Шонно оглядел слушавших его и продолжил:

— После того злосчастного мятежа император прожил недолго — видно, измена одного из приближенных приблизила его кончину. Наследника он не оставил. С тех пор и поныне власть в Суртоне принадлежит клану Шуа Ду — уж не знаю как, но эти песьи дети умудрились доказать свои права на престол…

— А вы считаете, что… — не закончил Арколь.

— Да. — Скромно ответил Шонно. — Клан Шой Де состоит в близком родстве с императорской семьей и по праву мог бы претендовать на власть. Только официально считается, что все, носившие имя Шой Де, были казнены.

— Учитель! — Арколь обратился к внимательно слушавшему аш-Шудаху. — Вы никогда не говорили мне об этом — о дороге тысячи путей, правильно?

— Не говорил. Потому что, признаться, считал все касающиеся ее легенды пустыми россказнями. А проверить было как-то недосуг. А зря… Я слишком много наслушался разговоров старших братьев — о глухоте и тесноте этого мира, и даже не считал возможным существование подобной дороги. Однако мы упустили из виду немаловажную деталь. Шонно, ваша мать заплатила жизнью за ваше право пройти дорогой тысячи путей… ведь так?

— Да. — И суртонец опустил глаза.

— Странно, — Арколь не мог остановиться и все расхаживал вдоль стен, — странно… Я так понял, собственно хозяина у дороги нет. Она отстранена и безразлична к вопрошающим. Эта формула — «найти нужные слова» — слишком всеобъемлюща и пуста одновременно. Не понимаю. Нет хозяина — некому принять жертву. А значит, она нужна только как знак освобождения силы.

— Неплохо, Арколь. — Аш-Шудах кивнул в знак одобрения. — Чтобы открыть этот путь, нужна сила — и немалая. Среди всех моих артефактов вряд ли найдется способный соперничать с отчаявшимся сердцем…

— Я думаю, мы можем помочь. — Это сказал орочий шаман, казалось, проспавший все время. — Рискованно, конечно, но…

Он вздохнул и достал из-за ворота полотняной рубахи цепочку, на которой висела металлическая пластина, служившая обрамлением прозрачному темному кристаллу.

— Всего таких камней двадцать четыре. — Шаман внимательно оглядел собравшихся. — Конечно, средоточие силы

изначального камня — это камень дома Эркина. Но и оставшиеся наделены силой… мы использовали ее только один раз. Должно быть, эльфы не забыли Год Зимы? — шаман неприметно усмехнулся. Это случилось давным-давно, когда потомки альвов еще выясняли, кто же из них более достойно выполнил волю богов. Однажды на исходе весны на земли эльфов обрушились нескончаемые снегопады, реки сковал лед, воздух промерз и превратился в жидкое стекло. Невиданная зима продолжалась ровно год. За это время эльфийские леса, вплотную подступавшие к Краю Света, сплошь повымерзли; тем, что были южнее, тоже досталось. На освободившихся землях и расселились орки, прежде вынужденные отвоевывать каждый клочок.

— Иса? — спросил аш-Шудах шамана.

— Иса. — Подтвердил тот. — Мой дальний предшественник использовал силу, заключенную в руне льда. А потом он же, чтобы прекратить это, потратил еще и силы Совуло, иначе мы сами так и остались бы в этой бесплодной мерзлоте. Так или иначе, было решено, что использовать силу камней чересчур опасно и накладно, и нужны весомые причины, чтобы пустить ее в дело. Сейчас они есть. Сыч, возьми камень.

Шаман снял цепочку с шеи и протянул крысолову. Тот принял ее и внимательно всмотрелся в камень, лежавший у него на ладони.

— Это судьба, милсдари. Этот отмечен Райдо, руной обретения пути. Арколь, ты сумеешь его открыть?

— Сумею. — Уверенно сказал маг-подмастерье.

— Хэлдар, ты сможешь в случае чего хоть как-то его сдержать?

— Смогу. — Эльф встал с окна и подошел к орку.

— Тогда чего же мы ждем?!

Спустя пять дней Хэлдар, Сыч и Арколь стояли перед тем же бесшумным великолепием. Это место было из тех, что не меняются столетиями, храня свой первозданный облик, не изменяя своему предназначению. Все те же серые скалы, та же вода, шепотом спускающаяся по выглаженным уступам, полупрозрачный туман и еле уловимые отзвуки тростниковой флейты в воздухе. Спутники стояли, оглядываясь, присматриваясь к месту; их кони пощипывали траву неподалеку.

— И впрямь на бороду похоже… — Арколь задрал голову вверх, пытаясь разглядеть истоки водопада. — Ничего борода, ухоженная. Сыч, мы тут ночевать собираемся, или?

— Или. — Орк снял с шеи цепочку с камнем, оправленным в металлическую пластину. — Кто тут магик? Работа имеется…

— Работа, говорите? — подхватил Арколь. Он подошел к

Сычу, прикрыл ладонью лежащий на орочьей руке камень, прикрыл глаза… очень скоро камень начал теплеть и тяжелеть. Через минуту Сыч почувствовал, как кожу его будто покалывают горячие, незлые иголочки, будто он держит выхваченную их золы печеную картошку, шершавую, черную, тяжелую… И тут же, будто по волшебству, орк забыл о том, где он, зачем пришел сюда… он помнил и ощущал только одно — свой дом. Родной, теплый запах — тот, которым не надышаться вовек, запах, обнимающий его с порога ароматами хлеба, чистой воды и сушеных трав. Знакомые звуки — чуть скрипящая дверь, шепот листьев за окном, легкие шаги Совы… Пальцы Сыча ощутили прохладу деревянного стола, меховое тепло кошачьей спинки, гладкую кожицу спелого яблока… и ему показалось, что вот сделай он шаг — и перед ним окажется крыльцо с широкими ступенями, и распахнется перед ним дверь — дверь его дома. Тут Арколь распахнул глаза, всмотрелся в лицо орка — так, будто видел его впервые, — и улыбнулся.

— Как все просто-то. Как дверь ключом открыть. Давай, Сыч.

— Чего? — недоуменно переспросил орк. От недавнего взгляда Арколя у него слегка кружилась голова и пересохло во рту.

— Открывай, говорю. Руку протяни и поворачивай… камень в пальцах зажми, ладонь вперед. Алмаз я разбудил, остальное ты сам должен сделать.

Сыч послушался. И в ответ на этот жест сквозь водяной шепот зазвучал голос тростниковой флейты.

— Куда направляешь ты свой путь, ищущий дорогу? Куда спешишь?

— Домой. — Выдохнул Сыч.

— Домой… — повторил хрипловатый переливчатый голос. — Домой…

Молочно-белые пряди воды бесшумно разошлись, обнажая мокрый серый камень.

— Дорога тысячи путей перед тобой… Хочешь обогнать судьбу — попытайся…

От века незыблемая, монолитная каменная стена начала таять; в ней явственно проявились очертания высокой арки, ведущей вглубь горы. Проход был достаточно широк и светел, будто сами стены источали неяркий свет.

Сыч, не оглядываясь, двинулся вперед; он опустил руку, сжав алмаз в кулаке. За ним шли Арколь и Хэлдар, ведя в поводу коней. Несколько шагов — и вместо степной рыжей травы под их ногами оказался гладкий каменный пол.

— Не оглядывайтесь, — на ходу посоветовал Арколь, крепче

ухватывая поводья. — И не торопитесь…

Второе его предостережение оказалось излишним. Каменный коридор, по которому шли друзья, был заполнен полупрозрачным, вязким на взгляд туманом, на расстоянии вытянутой руки уже ничего нельзя было разобрать… при этом никаких препятствий на их пути не было. Но из-за тумана очертания стен, пола и потолка казались нечеткими, невнятными, каждый шаг приходилось делать будто наугад, осторожно и пытливо — как на молодом льду. Хотелось разогнать эту клейкую дымку, стереть липнущую к глазам пелену — но приходилось терпеть, шаг за шагом продвигаясь вглубь горы.

Хроники дома Эркина

Дирк-капитан тащил полное ведро воды, перехватывая мокрую, грубую веревку, чуть ли не пояс перевесившись за борт корабля. Вытащил и с размаху выхлестнул соленую, холодную влагу на палубу, схватил швабру и принялся привычно-усердно надраивать доски. Для своих пятнадцати лет Дирк-капитан был довольно рослым, но ничем таким особенным не отличался — поджарое, угловатое тело подросшего щенка, зеленоватая кожа, покрытая синяками и ссадинами, хвост темных волос, посекшихся от морской воды; от остальных матросов команды «Бродяги» его отличали разве что серебряные глаза, доставшиеся в наследство от батюшки-Крысолова, и амулет на шее — черный, оправленный в металл камень. Да еще прозвище: как ни крути, но юнг все-таки чаще величают Недотепами, Олухами или Балбесами, а тут — Капитан… Причем дано это прозвище было не кем иным, как самим капитаном, Фраггом-Освободителем, охотником за рабскими галерами; а данное таким человеком прозвание сомнению не подвергалось и прилипало покрепче имени, данного отцом-матерью.

Дирк, старший сын Крысолова Судри из южных лесов, впервые вышел в море в неполные двенадцать лет. Мальчишка бредил кораблями, парусами, волнами и прочей морской дребеденью лет с десяти, когда его отцу угораздило взять сына с собой в Манору. Попав в порт, Дирк поначалу остолбенел, а потом ноги сами понесли его к первому попавшемуся кораблю, пришвартованному к причалу — грузчики закатывали по деревянному трапу бочки, заполняя брюхо трюма, кто-то записывал принятый на борт груз… Мальчишку, сунувшегося прямо под ноги грузчиками, чуть не затоптали; но вовремя успели дать затрещину, выругать и прогнать к отцу, где его

ожидали те же гостинцы. Однако такой приветливый прием Дирка ничуть не смутил и он на следующий же день опять отправился в порт — уже без отца. С утра до вечера он бродил по причалам, зачарованно разглядывая торговые манорские коги — похожие на детские лодочки, с квадратными парусами на единственной мачте, с массивным воротом брашпиля на кормовом замке. Он видел матросов, смуглых и ловких, и, кажется, один раз даже разглядел капитана — человека, одетого богаче и строже всех, разговаривавшего с главой складской охраны (родным дядей Дирка). Одним словом, ни покоя, ни толку от вернувшегося домой Дирка ждать не приходилось; парень словно помешался. И родные сочли за благо не ломать его волю, а отпустить восвояси куда глаза глядят и куда душа тянет — в море. Отец, провожая сына, неожиданно сам для себя снял с шеи семейную реликвию — камень, похожий на осколок черного льда, оправленный в металлическую пластину, — и отдал сыну. «Не знаю, что делаю… — как-то недоуменно сказал отец, — но тебе, похоже, он нужнее. Всю жизнь я его слушался, и сейчас спорить не стану.»

Стараниями дяди Дирка взяли на один из торговых когов юнгой. Поначалу все было как и полагается — работа, схожая с пыткой, насмешки и тычки, тоска и растерянность. Дирк обдирал в кровь ладони мокрыми, тяжеленными канатами, его сбивало с ног звеньями якорной цепи, а однажды во время шторма чуть не смыло за борт. Небольшая команда кога никогда не упускала случая повеселиться на счет новенького, причем ни добротой, ни утонченностью шутки эти не отличались. Дирк сносил все оскорбления молча, стиснув зубы, понимая, что пока он не станет здесь своим, права ответить у него нет. Первое плавание из Маноры в Арзахель и обратно, длившееся чуть более месяца, показалось Дирку бесконечным… Но, несмотря на оханья дядиной жены и уговоры самого дяди бросить эту блажь и вернуться домой в привычные оркам леса, Дирк вернулся не домой, а на борт коги. Второе плавание оказалось немногим менее мучительно, третье запомнилось тем, что когу попытались сцапать пираты и шкиперу пришлось проявить все свое умение, чтобы увести корабль от более быстрой и маневренной муспельской каравеллы. А дальше все пошло само собой; Дирк привык к работе, корабельному распорядку и команде. Спустя два года кога и вместе с ней Дирк попались муспельским пиратам.

Произошедшее тогда Дирк вспоминать не любил. Как заехали по голове рукоятью палаша, как пришел в себя в вонючем трюме, среди десятков таких же бедолаг, обреченных на рабство, как вытянули вскорости на палубу, чтобы посадить к веслам… И как

на меньше чем через месяц на палубу пиратского корабля поднялись другие крысы, у которых, судя по почтению, которое им оказывали, была и труба повыше и дым погуще. Вместе с крысами был еще кто-то, явно не их крови — намного выше, одетый во все черное, держащийся особняком. До слуха Дирка донеслось имя главного из удостоивших гостей — господин Брик. Но особо прислушиваться ему было некогда, успевай только весло ворочать.

— Эй, ты!.. Кто таков будешь? — Дирк поднял голову. Напротив него стояли господин Брик и тот тип в черном, на вид совсем молодой, ртутноглазый и невозмутимый.

— Что молчишь? Онемел, никак?

— Дирк… Крысолов из Южных лесов. — Мальчишка счел нужным слегка склонить голову в поклоне.

— Ах ты, вот ведь как судьба повернула… И чего только не наглядишься — крысолова в море понесло. А это у тебя что такое, а? — и Брик ткнул пальцем в висевший на шее простенький амулет с черным камнем.

— Отцово благословение, милсдарь… — Дирк провел ладонью по лбу, стирая крупные капли пота.

— Не особо оно тебе помогло… — подал голос парень в черном. — А что скажешь, Дирк, — может, обменяешь свое благословение на свободу? Прямо сейчас, пока тебя на шаммахитские рудники не продали?

— Ты подумай, парень, только не долго… — Брик усмехнулся, глядя сверху вниз на одуревшего от тяжкой работы Дирка.

— И думать тут нечего, — Дирк неожиданно для себя выпрямился. — Не обменяю.

Брик и безымянный переглянулись. «Да забрать…» — «Не могу…» — «Как не могу?! Ты?!» — «Только сам. Должен отдать сам.» — «Не можешь забрать — выиграй.» Высказав это предположение, Брик снова обратился к Дирку.

— Воля твоя, крысолов. А как насчет честной игры? Ты свой амулет поставишь, да и мы, чтобы тебе не скучно было, ставку сделаем…

И действительно, ставку они сделали очень быстро. В отверстие для стока воды в фальшборте просунули доску, наспех закрепив ее бочками, а в качестве первой ставки капитан пиратского корабля («чтобы почтить уважаемых гостей и дабы никто не заподозрил его в скупости») выставил самого ценного из своих «постояльцев» — шкипера одного их сторожевых арзахельских кораблей, несмотря на молодость, изрядно успевшего насолить крысам. Дирк за то немногое время, что

провел на пиратском бриге, успел наслушаться о Фрагге — и как он ловко пиратские корабли гонял, и как в бою хорош был. А теперь он стоял на доске, выдвинутой в море, со связанными за спиной руками.

— Ну вот, парень, твой амулет против этой жизни. Прошу… — и Брик с поклоном подал ртутноглазому стаканчик, в котором погромыхивали кости.

— Тавлеи… — усмехнувшись, произнес тот. И не глядя стукнул стаканом об услужливо подставленную перевернутую бочку. — Мне везет — шесть и шесть. Твой черед.

Дирк взял дрожащей от усталости рукой стакан, встряхнул и так же стукнул о бочку.

— Ишь ты… ему тоже везет. Шесть и шесть. — Без тени удивления произнес Брик. — Видно, ставка маловата. Эй, хозяин, а девицы у тебя не припасены? — и небрежно махнул рукой, чтобы прежнюю ставку убрали.

Увидев, как падает в воду шкипер Фрагг, Дирк со вполне понятным воплем вскочил со скамьи, громыхая цепью, пытаясь ударить хоть кого-то. Тут не выдержал и его противник; он схватил мальчишку за шкирку и протянул руку к амулету. Уцепился за цепочку, рванул…

А дальше произошло нечто невообразимое. Немногие из уцелевших сочиняли истории про морское чудовище, поднявшееся со дна, чтобы покарать мерзких крыс, а заодно и подкрепиться. Во всяком случае, корабль, на котором пытались разыграть в кости алмаз темной крови, разлетелся в щепки, будто весь трюм был забит бочками с порохом и все они разом рванули. Стоявшему рядом кораблю гостей тоже досталось, но его куски оказались несколько покрупнее. Во всяком случае Дирку повезло — вынырнув, он наткнулся на подобие плота из палубного настила. Море помогло ему взобраться на него. Отдышавшись, Дирк огляделся — куда ни глянь, волны, тлеющие обломки кораблей… только тут он понял, что с его рук исчезли кандалы. А еще через секунду увидел, как поднимается из воды изрядный кусок мачты, а на нем — бессильное, бесчувственное тело молодого мужчины со связанными за спиною руками.

Так вот и получилось, что Фрагг, которого Дирк из последних сил перетащил на свой утлый плот, и Крысолов дальше путешествовали вместе. Их странствие продлилось немногим более десяти дней. Недолго, но запомнилось навсегда. Дирк собирал воду (на их счастье ночи оказались дождливыми) в свернутые жгутами полотняные моряцкие штаны, однажды на их плот плюхнулась стайка жирных летучих рыб. Но всего этого было удручающе мало, чтобы поддержать две жизни. Да еще

Фрагг не приходил в себя… Дирк не раз отчаивался, видя его безжизненное, застывшее лицо. Но продолжал выжимать воду в полуоткрытый, пересохший рот шкипера, пытался согреть его, обняв и уложив себе на колени. На их счастье, Фрагг был оглушен, но не ранен, да и Дирк остался целехонек; так или иначе, кровь не сопровождала их путь и не привлекала к ним хищных рыб.

Последние два дня пути Дирк провел в каком-то забытьи. Что-то делал, на что-то уже не хватало сил и он терял сознание чуть ли не наполовину свесившись с плота. И надо же такому случиться, что ветра и течение пригнали их в арзахельские воды, и подобрал их сторожевой корабль…

Глава шестая. Лесные тропы

Амариллис проснулась от негромкого птичьего посвиста — какая-то птаха уселась на подоконник распахнутого окна и выводила свою немудреную песню. Девушка подняла голову, прищурилась… спросонья контуры предметов были невнятны, поначалу она даже не поняла, что это — раннее утро или поздний вечер? Птица, потревоженная проснувшейся, улетела, оставив по себе ощущение некоторой неловкости, будто ее согнали с законного места. Амариллис потянулась, села на кровати, потянула к себе разложенную на прикроватном сундуке одежду, до сих пор непривычно просторную. Подумав, накинула теплый плащ, — все-таки августовские утра прохладны, — и направилась в сад. Сова, по-видимому, все еще спала; вчера она допоздна не ложилась, ожидая приезда старшего сына. Скирнир должен был приехать на исходе августа, да не один, а с женой. Сова все сокрушалась, что Сыча нет дома и он, возможно, так и не успеет повидаться с сыном.

Девушка вышла на крыльцо, постояла с минуту, присела на верхнюю ступеньку. «Доброго утра», — послышалось снизу. Пробегавший мимо брауни выслушал ответное приветствие Амариллис, приветливо покивал ей и побежал дальше — хлопотать по хозяйству. Подумав еще немного, танцовщица вернулась в дом, и отыскала на кухне жену брауни, ту самую, что год назад помогала ее выхаживать.

— Доброго утра и теплого дня. Я собираюсь прогуляться — в лес, к Медвежьей Домушке. Сыч мне разрешил туда ходить, места там безопасные. Прошу, собери мне поесть… а то сейчас чего-то не хочется.

Брауни заулыбалась, кивнула и через минуту для Амариллис был готов маленький заплечный мешок, в котором лежали фляга с топленым молоком, белый хлеб и ломоть сыра. Как раз столько, чтобы подкрепиться, но не пропустить обеда.

К Медвежьей Домушке Амариллис ходила нередко. Впервые она набрела на это место, гуляя с Сычом по окрестным лесам. Орк почти потерял надежду научить девушку хоть как-то ориентироваться в лесу. «Городское отродье…» — ворчал он, — «Ты еще на муравейник сядь… Елку от сосны отличить не можешь, даром, что к Лесному клану принадлежишь.» Во время прогулок он пытался передать Амариллис хоть какие-то знания.

— И куда это ты повернула, а?

— Домой… — пожимала плечами танцовщица.

— Ну-ну… Пошли… Глядишь, к зиме до Краглы и доберемся.

Ами! Мы из дому вышли в северную сторону. Значит, возвращаться надо в южную.

— Тебе виднее.

— Благодарствую за доверие. Ну, куда идти-то?

— Эээээ… Ммммм… К югу…значит, так. Ты говорил, что с южной стороны стволы деревьев порастают мхом… — но, бросив на орка взгляд, девушка поспешила поправиться, — То есть с южной они как раз лысые…

— А еще? — ехидно поинтересовался Сыч.

— Нуууу… У муравейников южный склон пологий, и ветки у деревьев длиннее. Так, что ли?

— Что ли так. Пошли уж…муравейник искать да ветки мерять. Вот же тропа, мы ею раз десятый проходим! Недотепа городская…

Однажды лес вывел их на небольшую поляну; поначалу девушку привлекли три причудливо сросшиеся сосны, она походила, оглядываясь, а потом, неожиданно для себя, направилась куда-то в сторону, по едва приметной тропке. Сыч быстро нагнал ее, ядовито интересуясь, не намеревается ли она поиграть в прятки или поискать съедобных грибов, и тут же предложил ей разжиться семейкой облепивших пень поганок. Но Амариллис даже не услышала его, она спешила выйти туда, куда ее властно и ласково позвали.

Этим местом оказалась обширная поляна, отмеченная немалой ямой, заросшей мхом. По краям топорщилось несколько кустов малины, пестрели разноцветы. Ничего особенного.

— Ты что, Амариллис? Нездоровится никак? — спросил Сыч, встревоженный молчанием девушки, застывшей на краю ямы.

— Ты как думаешь, Сыч, — не заметив его вопроса, сказала она, — что здесь было? Может, жил кто?

— Может, и жил. Только давно очень. Я, во всяком случае, ничего об этом не знаю. Тут окрест хуторов немного…

— Ага… — протянула Амариллис. Она опять едва ли слушала орка. — Можно, мы тут побудем?

И, не дожидаясь ответа, пошла по поляне, оглядываясь и прислушиваясь. Сыч не стал ей возражать и уселся рядом с кустом малины, обрывая мелкие сладкие ягоды. Походив немного, девушка вернулась и присела рядом с орком.

— Знаешь, Сыч, мне здесь хорошо. — Недоуменно сказала она. — Непонятно. Ты сам знаешь, я в лесу беспомощна, не особо мне уютно, даже страшновато бывает… а тут… Хоть ночевать оставайся!

Сыч глянул на Амариллис с насмешкой — прежде одна мысль отправиться на ночь глядя в лес заставляла ее боязливо ежиться,

а тут вдруг расхрабрилась.

— Прям-таки и ночевать?

— Да. Знаю, ты мне не веришь, но я бы осталась.

— Ну, может, как-нибудь. Но не сегодня. Пошли-ка домой, смотри, солнце уже за верхушки клонится.

С тех пор Амариллис часто приходила на эту поляну; в последнее время реже, потому как идти до нее было неблизко, а Сова сердилась, если Амариллис уходила одна далеко от дома. «Мало ли что!..» — хмурилась она. Но сюда девушка предпочитала приходить одна.

Неторопливо (по-другому теперь не получалось) Амариллис спустилась с крыльца, поплотнее запахнула плащ и направилась давно знакомой тропой — через сад, через выгон, мимо редколесья, немного вдоль опушки — и в лес. На этот раз идти пришлось почти час (скоро мне полдня понадобится, чтобы сюда доползти, с неудовольствием подумала Амариллис). Растаял утренний холодок, плащ пришлось распахнуть, а потом снять и нести в руках. Выйдя на поляну, девушка сначала чуть зажмурилась от яркого света, а потом раскинула руки, уронив плащ в траву, потянулась, выгибая спину, и пошла, чуть — чуть пританцовывая, греясь, улыбаясь…

Потом подошла к яме, спустилась вниз, расстелила прихваченный плащ, устроилась поудобнее, полусидя-полулежа и закрыла глаза. Спать ей не хотелось, но, как и прежде, ласковая дремота провела легким рукавом по ее лицу, смежила веки, выровняла дыхание. Со стороны могло показаться, что девушка уснула, таким спокойным, безмятежным было ее лицо. Ей и самой поначалу так казалось. Когда Амариллис впервые спустилась в яму и задержалась там ненадолго, то пережитые ощущения и обрывки видений она приняла за мимолетный сон, привидевшийся за несколько минут. Но вскоре ей пришлось признать, что с обычными ее снами это состояние не имеет ничего общего. Оставаясь на дне моховой ямы, она грезила наяву, видя рядом с собой семью орков, причем чаще всего попадался ей на глаза мальчишка лет тринадцати-четырнадцати, упрямый и своенравный. Амариллис видела и других орков — то смутно знакомого мужчину в моряцкой одежде, то паренька, исполосованного сетью порезов, привязанного к дереву, а однажды увидела своего прадеда, схватившегося с довольно неприятным на вид созданием, похожим на мохнатого скорпиона. Иногда мимо нее проходили вереницей эльфы, пробегали стайкой дети, размахивая пустыми лукошками… под ее пальцами оказывались то прохладный, влажный после долгого осеннего дождя мох, то свежий снег… Амариллис понимала, что здесь

время не властно, что прошлое, уже свершившееся проходит перед ее глазами, навсегда сохраненное этим местом, и те, кого она видела, кто притягивал ее внимание, — все они как-то связаны с нею… «может, это мой дом…»

Что же касается ощущений, то они сводились к покою, умиротворению и тому, что девушка называла про себя «кушай и расти большая». Волшебное место щедро делилось с нею присущей ему силой; Амариллис принимала ее с благодарностью, «про запас».

Она никому не рассказала о том, куда в действительности ходит. Что-то удерживало ее от этого, и поскольку она всегда возвращалась из лесу вовремя и выглядела довольной, никто особо и не расспрашивал ее.

Сегодня она также привычно доверилась магии лесного «дома»; однако вопреки ожиданиям тени минувшего не посетили ее, только и было, что теплый мох, мягкая шерсть плаща под локтем и тишина. Под конец Амариллис действительно задремала, уложив голову на согнутую руку и прикрыв глаза от солнца. Сколько она проспала, сказать было трудно, поэтому проснувшись, она не стала задерживаться, а поднялась наверх, как смогла поклонилась «дому», и направилась обратно, к дому Сыча. Пока она отмеряла положенные обратной дороге шаги, ничто не тревожило ее, не пугало и не беспокоило. Тот же лес, та же тропа, кусточки можжевельника, веретенообразные глянцевые листья ландышей, теплые, прогретые августовским солнцем стволы сосен… ветер, доносящий звонко-монотонный голос кукушки… ветер, несущий запахи хвои, смолы… Вскоре она уже вышла к выгону, прошла садом, отводя руками ветки яблонь, вновь, как и два года назад, клонящихся к земле под тяжестью плодов. Запыхавшись, остановилась отдохнуть и увидела, что во время ее отсутствия в дом Сыча пожаловали гости.

На крыльце сидели Сова и незнакомый Амариллис орк — высокий, молодой и красивый, с такими же, как у Совы, желтыми глазами. Он окликнул кого-то и из сада — со стороны, противоположной Амариллис, — вышла юная женщина, светловолосая, невысокая, одетая в просторное легкое платье, не скрывающее ее беременности. «Так это же Скирнир с женой!» — подумала танцовщица. — «Придется Сове двое родов принимать… Странно, а мне она не сказала, что ее сын человеческую дочь взял в жены. Наверно, Скирнир ее саму удивить хотел. Надо же… прямо как мои прадед с прабабкой…» Она еще хотела подумать о том, как хорошо и правильно, когда в такое время рядом с тобой тот, кто не испугается твоей боли, но не успела.

Внезапно неспешно идущая женщина как-то резко вздрогнула, будто ее кто толкнул, остановилась — и Амариллис поняла, что из горла у нее торчит стрела, серебристо-серая, эльфья. Женщина не издала ни звука, медленно, подогнув колени, опустилась на землю и замерла. Еле-еле, на пороге слуха Амариллис различила шелестящий свист, повернула голову в сторону дома — Скирнир, не успевший отбежать от крыльца больше трех шагов, лежал, уткнувшись головой в выброшенные вперед руки, и его спина была украшена тремя такими же стрелами. Они же опрокинули Сову на ступени крыльца, расцветив ее льняное платье багровыми пятнами по нагрудной вышивке. Еще два коротких вскрика со стороны конюшни. И тут Амариллис начала различать вокруг себя фигуры эльфов. Она видела их совсем рядом, и поодаль, и даже слышала их дыхание, отдающее ландышевой горечью. И снова видела стрелы, летящие к дому Сыча, горящие стрелы, впивающиеся в крышу, стены, влетающие в распахнутые окна. Эльфов немного, не более полутора десятков, но Амариллис они показались целой армией. Она прижалась к стволу яблони, скользя по нему, разрывая рукав платья и в кровь царапая плечо, в тщетной надежде укрыться от их цепких, всевидящих взоров, обхватила ладонями живот… У Амариллис не получилось испугаться; она оглядывалась, как затравленный зверь, не видя спасения — и не понимая, не постигая, как такое возможно, что же такое случилось с миром, что те, кого считали воплощенным достоинством и честью, убивают подло и хладнокровно. Она готова была распластаться потрошеной рыбой, слиться с землей, прорасти травой, лишь бы ускользнуть от этих безжалостных охотничьих глаз и серебристо-серых стрел. Запах гари, едкий, отчаянный, горестный запах гари обжигал ее лицо, заставляя стонать и — в конце концов — раскашляться…

…Амариллис проснулась от кашля. Она уняла его, хлебнув молока, и попыталась перевести дыхание, успокоить бешено стучащее сердце. Только сон, говорила себе она. Только сон. Но сама же возражала — здесь не бывает просто и только снов. И гарью в лесу обычно не пахнет. Да и откуда бы взяться на ее рукаве прорехе, будто острым сучком оставленной — ведь когда она засыпала, рукав целехонек был. И рваной царапины на плече тоже не было… Острые, холодные зубы страха вонзились в затылок Амариллис. Надо прятаться, бежать — но куда? И с какими силами? Девушка на минуту замирает, прижав пальцы к вискам, сжавшись комочком на дне моховой ямы… потом открывает глаза, встает, аккуратно одевает плащ, поправляет завязки мягких кожаных туфель и быстро выбирается наверх. В ее

лице нет более страха и неуверенности; она знает, что ей делать и куда идти. Амариллис кланяется и спешит к лесу. Помедлив на опушке не более полминуты, она сворачивает в сторону Медвежьей Домушки. Идет она быстро, словно знает дорогу — или идет за кем-то, кто ведет ее, уверенно и спокойно.

— Господин!.. прошу Вас, идемте со мной!

Ответа на этот истошный крик, раскатившийся кувыркающимся эхом по огромной зале, не последовало. Кричавший замер, закусив губы, мучительно раздумывая, стоит ли вновь взывать к тому, кто не возжелал явиться. Но вспомнив, что привело его в столь неподходящий час, гостем незваным и — он знал об этом — желанным не более, чем чума, он яростно блеснул единственным глазом и возопил еще громче:

— Господин!… Где Вы?!..

Тихий вздох прошелестел под неразличимыми во тьме сводами залы… едва уловимое раздражение и обидная снисходительность были в этом вдохе. Кричавший замер, сжавшись, на пороге, тщетно вглядываясь темноту. Через секунду после этого он снова закричал — на этот раз от боли. От непереносимой боли в единственном глазу, потому что вспыхнувший в зале свет ударил по нему ослепительно-белоснежным хлыстом, прожигая до самого дна. Сквозь слезы пришедший различил того, кого так самонадеянно потревожил. Под самым потолком зависло тело, напряженное, натянутое как струна — выгнутая грудь, запрокинутая голова и руки, опущенные вниз, с ладонями согнутыми подобием чаш. Названный Господином неспешно открыл глаза, с сожалением вздохнул и встряхнул небрежно кистями — его кровь, стекавшая из витых порезов на запястьях в чаши ладоней, выплеснулась в воздух и застыла в нем темно-карминными сгустками. Затем он так же неспешно спустился и направился к пришедшему.

— Фолькет… — он говорил тихо и чуть ли не грустно. — Поверь, мне было бы жаль лишиться такого слуги как ты. Но поверь также, что создать голема такой же толковости мне не сложней, чем тебе — почесать затылок в минуту раздумья. Или по-твоему этот ритуал настолько ничтожен, что ты позволил себе прервать его за минуту до завершения своими воплями?.. Или по-твоему моя кровь создана для того, чтобы творить из нее всякие пустяки, вроде вот этого?..

Через мгновение один из сгустков распался на сотни мелких капелек, каждая из которых обратилась осой, вооруженной тонким стальным жалом. Звонко жужжащий рой окружил несчастного цверга… вскоре на его лице, руках, шее появился странный, причудливый рисунок. Впрочем, приглядевшись внимательнее,

можно было различить буквы шаммахитского алфавита, кудрявые и затейливые, они складывались в слова, а слова — в назидание, повторяющееся несколько раз — «Не тревожь Господина понапрасну». Фолькет даже не делал попыток отмахнуться от ос, с ужасом глядя на оставшийся кровавый сгусток.

Гарм махнул рукой и осы отлетели в сторону.

— Так что привело тебя, Фолькет? Что показалось тебе настолько важным?

— Кккамень… — цверг выпустил это слово из дрожащего от боли рта. — Ожил…

— Камень ожил? Так что ж ты молчал?!… — Гарм улыбнулся и раскрыл руки, будто собираясь обнять слугу. Но вместо этого он собрал парящую в воздухе кровь, придав ей форму червя, и одним взмахом отослал ее прочь, во внешние пределы бывшего Дома Богов, в земли Арр-Мурра.

— Ну что застыл? Идем! Показывай, как твой питомец возвращается.

Они спустились по крутой, осыпающейся камнями лестнице, прошли анфиладой то ослепительно освещенных, то непроглядно мрачных комнат и вошли в покой, ничем не украшенный, совершенно пустой. На одной из стен было видно что-то похожее на дверь — вросшую в стену, почти стертую, но все же заметную. Посреди покоя стоял алтарь, на каменной поверхности которого лежал алмаз темной крови — тот самый, что когда-то носила Амариллис на правой руке. По прежнему закрепленный в кольце, ничем не сдерживаемый. Увидев его, Гарм на миг замер — камень горел ясным, теплым огнем.

— Оооо… — и бог со свистом втянул воздух сквозь зубы. Он не спеша подошел к алтарю, провел рукой над камнем. Ничего. Гарм взял кольцо в руки, положил на ладонь — алмаз лежал спокойно, все так же светясь.

— Хвала всему сущему… Она жива… нашлась… — Гарм улыбался, купая взгляд в прозрачной глубине камня. — Ну конечно…ты не мог оставить ее на погибель. Дотянулся. Будь по-твоему…Веди ее. А я тебе помогу.

Осторожно положив камень на алтарь, Гарм, не поворачивая головы, сказал:

— С этого момента ты сюда больше не входишь. Только если я укажу. Не будем торопиться…

И Фолькет почтительно поклонился и вышел из покоя.

Амариллис шла не торопясь, но и не задерживаясь ни на секунду. Через полчаса она, однако, остановилась — лишь для того, чтобы подобрать палку подходящего размера, на которую было бы удобно опираться, и продолжила свой путь. В правой

руке — посох, левая поддерживает тяжелый живот, лицо спокойно и даже как будто безмятежно. Можно было подумать, что она возвращается в родной дом, где ее ожидают тепло и защита, и если ей что и угрожает — так это укус припозднившегося комара или выговор от старой няньки за слишком долгую прогулку.

Еще через полчаса девушка увидела, как в просвете меж соснами блеснуло зеленым зеркалом озеро. Она спустилась пологим берегом, подошла к сосне, чьи огромные, вывороченные корни казались похожими на арку и остановилась перед ними.

— Пусти меня — переждать опасность… Укрой меня — от несущих смерть. Последний листок на древе, последнее зерно в колосе, последняя капля в иссохшем источнике. Не оставь меня, защити…

Выговаривая эти слова, Амариллис водила перед собой рукой — пальцы словно рисовали в воздухе витой, плавный узор. Закончив, она повела руками, отодвигая невидимую завесу и вошла, пригнувшись, в убежище, давным-давно сотворенное Эркиным.

В пещерке было сухо, почти тепло, пахло песком и сухим мхом. Амариллис положила к стене посох, собрала в небольшую подстилку раскиданный по пещерке мох, осторожно присела, вздохнула, переводя дыхание, откинулась на спину, достала из мешка флягу, глотнула молока…

Стрелы. Серебристо-серые стрелы. Полные колчаны смерти. Глаза. Промерзший до дна в Год Зимы родник. Светлые, ясные глаза смерти. Вышивка. Красными сполохами по льну. Красными брызгами по коже.

Там, в саду, она держалась, сколько могла. Но когда один из эльфов повернул голову на зов другого — застонала и без сил опустилась на колени, разрывая рукав, в кровь царапая плечо. Это был Хадор — почтительно-любопытный, всегда такой дружелюбный… А тот, кто звал его, кивком головы указав в сторону конюшни, откуда выглянул брауни, — это Геран.

Молоко в кожаной фляге… топленое, пахнущее теплом и медом. Амариллис осторожно закрыла горлышко, поставила флягу на песок. А потом прижала ладонь ко рту и закричала — беззвучно, отчаянно. Слезы, редкие, тяжелые, прочертили пару мокрых дорожек от уголков глаз к вискам. Она еще не успела унять дрожь в плечах, как со стороны противоположного берега послышался топот копыт. Всадник… и не один.

… Как будет угодно Вашему Величеству. Воля Королей священна для эльфа. Ибо чувство долга в нем сильнее всех прочих чувств — ежели они вообще имеются.

Ледяная птица прилетела в Лис-Арден в первый день августа. Послание, запечатленное морозной вязью на ледяной груди, читает Ее Величество Земли, потом передает притихшую птицу в ладони самому молодому королю — Его Величеству Огня. Им хватает одного взгляда, глаза в глаза. Слова Воды и Воздуха должны быть исполнены — и кому их исполнять, как не подданным сказавших эти слова.

…Воля Королей будет исполнена. Что еще может сказать первый советник Ее Величества Воды, Геран из клана Тайных Истоков? И кого он возьмет в путь, как не свой отряд, в который не так давно принял племянника своего лучшего друга… Хадор прекрасно стреляет из лука. И что с того, что услышанное имя переворачивает его сердце, подбрасывает его к горлу, заставляя трепетать и вздрагивать. Последнее, что видит Геран, выходя из тронного зала, — это лужа холодной воды, растекающаяся по подоконнику. Все, что осталось от Ледяной птицы.

Эта любовь была для Герана наказанием. Он не мог простить себе, что позволил своим чувствам осилить его, взять верх. А какой смехотворной казалась ему эта схватка поначалу… Девчонка ничтожных человеческих кровей, да еще с примесью проклятой темной крови, забавная игрушка, но — не более. Увлечение таким предметом простительно для заскучавшего лорда, увлечение на неделю-две, но — не более. Он поначалу так и думал, что всего лишь взглянет в ее сторону, и вот — застыл, не в силах отвести глаза, едва переводя дыхание… очень надолго. Он ненавидел себя за это, проклинал свою слабость, не умея даже промолчать о ней. Но даже если бы это легконогое создание и одарило бы его своей нежностью, то Геран отверг бы ее с насмешкой. Принять любовь заведомо презираемого, враждебного по своей сути существа?!.. Тянуть руки — и отдергивать их, едва уловив прикосновение. Улыбаться при встрече — и отворачиваться, чуть ли не брезгливо кривя губы. Первым утренним вдохом втягивать в сердце ее имя — и выдыхать этот воздух, будто отраву.

Воля Королей, прозвучавшая вначале как смертный приговор, оказалась для Герана помилованием. Боги сыграли с ним нечестно — так почему бы не поймать их на этом, не вывести из игры Амариллис — их крапленый козырь.

Найти дом орка оказалось не так легко, но две недели поисков привели их к цели. Эльфы окружили дом, скользя меж стволами яблонь, хмелея от аромата спелых плодов, изредка проводя пальцами по их шелковистым, румяным щекам. Геран следил, как стрелы клюют их одного за другим — двух орков, сидящих рядом, и человеческую девушку, ждущую ребенка. Все

так, как должно. Но его не оставляло странное, неприятное ощущение совершаемой ошибки. Именно оно заставило его спешиться, подойти к уже горящему дому, к перенесенной на крыльцо девушке, и перевернуть ее, чтобы увидеть лицо убитой. Оглянувшись на стоящих поодаль собратьев, он коротко приказал:

— В седло. Обыскать все окрестные леса.

Через десяток-другой минут кони выносят Герана и нескольких его спутников к лесному озеру.

Амариллис замерла в пещерке, как ящерка, почувствовавшая взгляд на своей спине. Она видела только бело-рыжий песок, стебли осоки и кусочек воды. Что же, так вот сидеть и ждать, пока ее не найдут и не вытащат отсюда, как ядовитую змею? Сиди, сиди, сказал внутренний голос, дрожащий и прерывающийся. Нечего геройствовать. Не тот случай. Может, и не заметят тебя. Как же, не заметят, возразила она сама себе. Я ж по песку шла. Она закрыла глаза, постаралась успокоить дыхание…

Красивые места, отметил Геран про себя. Надо будет при случае вернуться сюда, побродить по здешним лесам. Он спрыгнул наземь и пошел вдоль берега озера, ведя коня в поводу. То, что девушка совсем недавно проходила где-то здесь, не вызывало у него ни малейших сомнений. Эльф чувствовал ее присутствие. Знаком показав своим спутникам осмотреть высокий берег, Геран стал спускаться к воде. Бело-рыжий песок, сухо шелестящая осока, зеленоватая вода… сосны, растущие на берегу, корнями впивающиеся в песок. У одной корни просто огромные, настоящие ворота…

— Только не визжи… — Гарм лежит, опираясь на локоть, на листе лотоса, плавающего по черно-зеркальной воде. В стенных нишах этого покоя (немногого из восстановленных им почти полностью) сидят каменные лягушки, у каждой в раскрытом рту — фосфоресцирующая радужная жемчужина величиной с голову человека; свет этих жемчужин отражается в воде рассыпанным ожерельем. Гарм смотрит прямо перед собой — не на свое отражение, а на сидящую на песке девушку, закрывшую глаза, прижимающую ладони к животу.

— Главное, ничего не бойся. — Несколько назидательно произносит бог. — Он тебя не увидит… не почует… тихо… тихо…

Геран подошел к корням, наклонился, заглядывая внутрь. Пещерка — полутемная, пыльная, пустая. Ничего. Эльф выпрямился, постоял с минуту, глядя по сторонам, потом зачем-то еще раз заглянул под сухие сосновые корни.

— Уходи… — Гарм прикасается пальцем к отражению эльфа,

заставляя его расплываться, терять четкость очертаний. — Поищи еще где-нибудь, остроухий. Не здесь. Слышишь?

Гарм опускает руку в воду, разбивая всю картинку, разбрызгивая ее. Потом откидывается на спину, закладывает мокрые руки за голову и закрывает глаза.

…..Девушка так и не поняла, что произошло на самом деле. Она отчетливо видела, как эльф остановился напротив ее убежища. Видела его лицо, глаза, пристально оглядывающие стены, пол. Вот только по ней самой эти глаза скользнули, не отметив и не признав. Будто и нет ее вовсе. Геран дважды заглядывал в пещерку, но так ничего и не увидел. Вскоре он ушел. Амариллис разлепила стиснутые губы, позволила себе дышать чуть глубже, протерла глаза. А потом, повинуясь наитию, зашептала, сама не зная кому:

— Спасибо… спасибо, спасибо… — шептала она, запинаясь, глотая слезы и так и отпуская рук с живота.

— Не за что, Амариллис… — не открывая глаз, улыбнулся Гарм.

Амариллис просидела в пещерке еще чуть более часа; заставила себя немного поесть, допила молоко. Наконец, набравшись решимости, вышла на берег озера. День только-только перевалил за половину, было тепло и безветренно. Амариллис умылась озерной водой, сполоснула флягу, наполнила ее; постояла немного, прислушиваясь к себе. Потом поклонилась сохранившему ее убежищу и направилась в лес. Тропа, выбранная ею, вела на юг.

На счастье Амариллис, здешние леса были легкими и нестрашными; сосны, иногда березовые перелески, под ногой — мох или невысокая трава. Но и спрятаться в таких кружевах было негде. Она шла не торопясь, но и не задерживаясь, разрешив себе первый отдых не ранее, чем через час после того, как лесное озеро скрылось из виду. Присела на сухом пригорке, вытянула ноги, попыталась успокоить невесть откуда взявшиеся мысли, скачущие в панике беспорядочно и бестолково. Пока она шла, думать было некогда, но стоило только остановиться, присесть и вздохнуть свободно, а не в такт шагам… Куда? Как? К кому? Рой вопросов и страхов окружил ее голову. Единственное, что она могла сделать — зажмуриться и заговорить с ними. Куда? Да уж куда-нибудь да выйду. Как? Ногами, как же еще… К кому? К людям добрым…

Отдохнув, девушка поднялась и отправилась дальше. Старалась, чтобы солнце было справа, чтобы встреченные муравейники обращали к ней крутые склоны, старалась не кружить и не сходить с тропинки, еле заметной, почти что

придуманной. Несколько раз останавливалась, чтобы поесть черники. Первым серьезным препятствием стала для нее обширная просека; Амариллис было страшно выходить на открытое пространство, где не увидеть ее мог бы только слепой. А перебежать от одной опушки к другой, через бесчисленные пеньки, кусты болиголова, оставленные срубленные деревца было невозможно. Она переходила вырубку долго, запинаясь, спотыкаясь, больно ударилась лодыжкой о сучок.

Шагая по траве, приостанавливаясь, чтобы передохнуть, обрывая с кустиков ягоды брусники, похожие на крупные розовые бусины, Амариллис старалась не думать о том, что дни в августе уже не такие долгие и хочет она того, или нет — а придется ей провести ночь в лесу. И, скорее всего, не одну. Сначала она подумала, что для того, чтобы не было так страшно, лучше ей не останавливаться, а идти — сколько хватит сил. Но потом, поразмыслив, девушка решила, что если и есть лучший способ безнадежно заблудиться, так это идти вовсе с завязанными глазами. Ближе к вечеру шаги ее заметно отяжелели, замедлились; все чаще она выгибала назад ноющую спину. Наконец, выйдя на невысокое всхолмье, поросшее можжевельником, она отважилась остановиться с тем, чтобы здесь и переночевать.

Амариллис постояла, несколько растерянно оглядываясь. На ее счастье, не было ни ветра, ни, паче того, дождя. Но у нее с собой ничего не было — ни ножа, ни кремня — только котомка с остатками хлеба. Хорошо, хоть плащ теплый накинула, благо утро было прохладным. Поскольку выбирать особо не приходилось, она села меж двух кустов можжевельника, росших рядом, прислонившись спиной к одному из них. Попила воды, доела хлеб. И вскоре поняла, как же она устала. Ныла спина, жаловались ноги — словом, тело, готовящееся к не самому легкому из испытаний, явно выражало свое недовольство. В лесу темнело, подавали голоса ночные птицы; Амариллис было пожалела о том, что не может развести огонь, который и согрел бы, и защитил, но тут же подумала, что не стоит лишний раз обозначать свое присутствие — мало ли чьи ясные глаза могут увидеть его.

Амариллис легла, постаравшись укутаться плащом, положив под голову котомку, свернутую валиком. И почти мгновенно заснула. Первый усталый сон взял ее легко, без усилий и предупреждений, но, к сожалению, оказался недолог. Девушка проснулась от холода — выпрямившись во сне, она выпростала из-под плаща ноги, вытянула руки… Открыв глаза, она увидела темноту, едва разбавленную контурами травинок и

можжевеловых веточек; привстала, растерянно огляделась, протирая глаза. Напугавшая поначалу тишина успокоила ее, будто по голове погладила. Амариллис села, укрыла плащом колени, накинула на голову капюшон и попыталась унять дрожь. Поначалу она хотела встать и походить немного, чтобы согреться (ну хоть вокруг можжевельника хороводом), но как-то скоро отказалась от этой идеи. Ей подумалось, что вставая и расхаживая она только растеряет тепло. Поэтому она постаралась получше подоткнуть плащ, расслабить плечи и спину и не думать о теплых одеялах, каминах и прочих излишествах. Амариллис глядела прямо перед собой, прислушивалась — вот зашуршало что-то в траве где-то слева, вот подала голос ночная птица, ветер провел пальцами по уснувшим головам деревьев… Ничего страшного. Но Амариллис знала, что дрожит не только от холода, не такого уж сильного. Она вспоминала все рассказы Сыча о том, что только городские дурочки боятся ночного леса, что его мама вешала люльку на ветку на всю ночь, и ничего, никто им, Сычонком, не поужинал, что в лесной тишине и темноте спать не в пример спокойнее, чем в городской суете. Она уговаривала себя, успокаивала, даже гладила ладонями по плечам и щекам. Примерно через час таких уговоров девушка снова уснула, свернувшись под плащом. Проснулась она уже утром — пригорок оказался солнечным, так что она вполне согрелась. Полежала совсем немного, готовясь к долгому пути, настраивая себя на работу и терпение, встала, сняла плащ — было уже тепло — и пошла. Стараясь, чтобы солнце было слева, муравейники отворачивались крутыми склонами, и едва заметная, почти придуманная тропка не терялась. Она сошла с нее, только заслышав шелест ручья — напиться, умыться и наполнить флягу водой.

Амариллис измеряла сосновые леса Одайна своими шагами, останавливаясь, чтобы отдохнуть немного или поесть. В августе в лесу только слепой умрет с голоду. Девушке попадались полянки, поросшие кустиками черники, от которой чернели кончики пальцев и на языке набивалась оскомина, заросли шиповника, чьи твердые, невкусные ягоды она насобирала про запас. Однажды тропка вывела ее к заброшенному хутору, от которого остались только холмик на месте дома и одичавший сад, заросший кустарником. Там Амариллис нашла облепиху — маслянистые, желтые ягоды оказались на удивление сытными, а вот яблоки совсем выродились, в горькие, румяные дички. На третий день пути, основательно проголодавшись к полудню, девушка отважилась отведать сырых грибов, благо что нашлась полянка, давшая приют семейству крепконогих боровиков. И хотя ей почти

всегда хотелось есть, а от ягод порой тошнило, силы у нее были — и для себя, и для того, кто согревал ее, ободрял, радовал, отзываясь нетерпеливыми движениями на ее слова и ласковые поглаживания.

На пятый день пути Амариллис попала в ловушку. Она обходила поваленное дерево и успела расслышать тонкий свист… и тут же на ее ногу обрушилось бревно. Коротко вскрикнув, девушка упала. На ее хоть какую-то удачу ловушка оказалась рассчитанной на некрупного зверя и бревно, хоть и пребольно ударило, все же не переломило ногу. Плача от боли и испуга, Амариллис вытащила ногу из-под бревна, отползла подальше и осмотрела лодыжку.

— Опухнет скоро… идти не сможешь. — Голос, низкий, похожий на ворчание, доносился откуда-то снизу. Амариллис вздрогнула, оглянулась… Поодаль, опираясь на копье, стоял человечек — ростом с кошку, вставшую на задние лапы, с волосами, стоящими дыбом, будто иглы, с личиком, похожим на шишку — темным и рябым, но вполне дружелюбным. Глаза смотрели сочувственно и серьезно.

— Придется… — Растерянно ответила Амариллис. — Я должна… А вы кто?

— Я-то? — Человечек улыбнулся. — Я Моховик буду. А ты?

— Я Амариллис. — Девушка стерла с лица слезы, попыталась приподняться и с коротким стоном опустилась наземь.

— Я ж говорю — не сможешь.

— Ничего, как-нибудь. Вот посох возьму, полегче будет.

С посохом Амариллис, действительно, смогла встать и даже сделать несколько шагов. Но каждый из них давался ей с трудом и болью.

— Далеко ты так не уйдешь. Говорил я Ежовичу, не ставь ты тут ловушку… Куда ты так торопишься, цветочек?

— Я? Не знаю… — У Амариллис опустились руки. — Не знаю.

— Из дому, что ль, сбежала?

— Выгнали… — С трудом улыбнувшись, ответила Амариллис. — Теперь вот ищу, куда спрятаться.

— От кого? — назвавшийся Моховиком недоумевал все сильнее. Он, в отличии от Амариллис, знал, что люди поблизости не живут, что у них, у людей, как-то не принято, чтобы беременные женщины расхаживали по лесу без сопровождения, да еще так далеко… Откуда взялась эта девушка? Кто может преследовать ее, и без того беззащитную и беспомощную?

— От эльфов. — Вырвалось у Амариллис. Она вновь опустилась на траву. Она так устала от одиночества,

неизвестности, страха, что не смогла удержаться и открылась первому же встреченному в лесу живому существу.

— С каких пор остроухие охотятся на кратко живущих? — Моховик даже рот разинул. — Может, ты, цветочек, путаешь чего? И не их это леса вовсе…

Амариллис не выдержала и расплакалась. И дело было даже не в том, что нога болела все сильнее, и давал знать о себе голод; просто наконец-то перед ней был кто-то нестрашный, понятный… и можно было высказать свои страхи, разжать кулаки, расслабиться…

— Ну что ты… — Моховик подошел поближе, погладил девушку по плечу. — Пойдем…

Узнать, куда позвал ее Моховик, Амариллис не успела. Через поваленное бревно перепрыгнул человечек, очень похожий на Моховика.

— Отец! Вот вы где! А там, у нас-то, что делается! Эльфы — это в наших-то лесах! С десяток остроухих, все верхом, да не Вольные, а… — тут он заметил сидящую за Моховиком девушку, осекся и замолчал, вытаращив на нее глаза.

— Эльфы, говоришь… — Моховик бросил на Амариллис быстрый взгляд. — А зачем припожаловали?

— Так это… — сын Моховика растерянно переводил взгляд с отца на девушку, — Это… Сказывают, девица одна, из человечьих детей, кого-то из лордов обворовала, фамильную рельки… рекли… релихвию украла… Так они ее ищут, мол, вещица та уж очень опасна. А девица, мол, далеко уйти не могла, ибо на сносях…

Тут сын Моховика замолчал, более чем красноречиво разглядывая живот Амариллис. Она инстинктивно прикрылась ладонями, мысленно прикидывая, что будет, если она треснет одного лесовичка палкой, другого оттолкнет, и попытается удрать… ну хоть попытается…

— На сносях, сказывали… Цветочек. От кого твое дитя? Уж не от эльфа ли? — Моховик строго глянул в глаза Амариллис.

— Да. — Девушка не отвела взгляда. — Да, от остроухого, светлоглазого, благородного эльфьего лорда.

— М-да… Что ж, получается, ты их действительно обворовала. Ну, наши-то обычаи с ихними не сходятся… ишь, чего удумали — дите у матери отнимать… изверги патлатые! — Моховик сердито топнул ногой. — Вот что, парень. Давай-ка топай домой да предупреди наших, чтоб поостереглись с остроухими болтать. Скажешь, что ничего похожего на девицу на сносях не видели, разве только вот охотник пять лун назад проходил, да и тот в болоте увяз. Матери скажешь, что я к

старому дому пошел, что у грибных полей. Боле — никому ни слова. Ясно, что ли? Тогда дуй!

Повторять Моховику не пришлось. Его сын кивнул и опрометью бросился бежать обратно. Сам лесовичок повернулся к Амариллис:

— Так-то. Вставай, цветочек. Если не ошибаюсь, тебе не впервой от судьбы удирать. Отведу тебя к нашему старому дому, на ваш-то глаз он не больше, чем холмик, мхом поросший…там и спрячешься. Как остроухие уедут — помогу из лесу выйти, там, глядишь, и до своих доберешься. Ну… пошли, что ли?

И он зашагал, оглядываясь, успевает ли за ним хромающая девушка. Она старалась изо всех сил не отставать и не шуметь. Они успели пройти не больше двух сотен шагов, как вдруг Моховик остановился, прислушался… и Амариллис не успела опомниться, как он шагнул вперед, будто загораживая ее собой, рывком распустил завязки маленького мешочка, висевшего у пояса, выхватил пригоршню какого-то порошка и швырнул его в воздух. Через мгновение из-за деревьев неслышно вышли эльфы.

Моховик приложил пальцы к губам, взглядом умоляя Амариллис молчать. Она съежилась, как под ледяным дождем, но проглотила тонкий, рвущийся из горла крик.

— Странные здесь места… — Эльф, опустившись на колено, пристально разглядывал землю. — Не пойму… Геран, если это и следы, то не те, что мы ищем. Мы уже проходили здесь… или нет?

— Лесовички чудят… — Геран усмехнулся. — Конечно, проходили. За дичком — тут он указал прямо на замершую Амариллис, — спуск в овраг, за ним молодой лесок. Не поиски, хоровод какой-то. Вернемся к болоту.

Когда эльфы так же неслышно скрылись, Моховик, знаком приказав Амариллис стоять, побежал вслед за ними. Вернувшись минут через десять, махнул рукой — пошли, мол. Девушка не стала его расспрашивать, понимая, что сейчас не время для расспросов и разговоров. Она поспешила вслед за лесовичком. Он шагал быстро, то обходя поваленные стволы, поросшие мхом и поганками, то ныряя под лапы вековых елей, то перепрыгивая ниточки ручеков; несколько раз он позволял девушке отдышаться, попить воды, — и снова вел за собой. К вечеру они вышли на небольшую поляну, на которой возвышался моховой холм — высотой не более самой Амариллис, зеленый, украшенный бусинами брусники. Подойдя поближе, Моховик притопнул ногой, как-то затейливо подпрыгнул, стукнув в воздухе пяткой о пятку, — и в ответ в глубине холма что-то зашумело, глухо стукнуло, и прямо перед ними в земле открылся ход.

— Спускайся. Понимаю, нелегко тебе под землю лезть. Но по-другому никак. Давай, я первый полезу.

Амариллис пришлось присесть на корточки, потом и вовсе встать на четвереньки и ползти вслед за лесовичком вглубь холма. К счастью, лаз оказался недлинным и вскоре она смогла выпрямиться — хотя и стоя на коленях. При свете собранных в корзиночки светляков она увидела залу, из которой вели несколько коридоров; как Амариллис поняла, это было что-то вроде передней. Из крайнего левого коридора вышел лесовичок, волосы его, не в пример Моховику, завивались тугими кудрями, а основным цветом одежды был бурый.

— Доброго здоровья, Вьюн, — приветствовал хозяина Моховик.

— Благодарствую, братец… Приключилось что? — и Вьюн удивленно глянул на Амариллис, старающуюся усесться поудобнее, не повредив при этом обстановки.

— А то как же. Вот что, Вьюн. Мне сейчас недосуг все как есть рассказывать, домой заглянуть надо. Ты девицу приюти, накорми, напои, да устрой ей постель здесь потеплее. Притомилась она совсем. Да, и ногу она ударила. Я утром вернусь. Тогда и решим, что к чему.

Вьюн согласно кивнул головой. Амариллис умоляюще посмотрела на Моховика, но он ободряюще потрепал ее по плечу (как раз дотянулся) и исчез в лазе.

Ну, что ж… — кашлянув, сказал Вьюн. — Сначала еда. Посмотрим, что я найду в кладовке…

Через несколько минут Амариллис за обе щеки уплетала принесенный хозяином старого дома ужин: ореховые лепешки, мед, копченое мясо, нашпигованное ягодами можжевельника, горячий травяной чай. Не беда, что и чашечки, и тарелки лесовичков были малы для девушки, — хозяин не ленился и не жадничал, знай подкладывал и подливал. Единственное, от чего Амариллис отказалась, сморщив нос, — так это от плошки с черникой… Пока наевшаяся девушка отдыхала, Вьюн натаскал из комнат перинок, одеял, плетеных камышовых циновок и устроил для нее вполне сносную, хотя и маленькую постель. Поблагодарив, девушка улеглась, накинула на плечи плащ и даже не успела пожелать Вьюну доброй ночи — сон подкрался на мягких кошачьих лапах, дунул ей в затылок и она уснула, крепко и спокойно. Она даже не почувствовала, как Вьюн растирает ее опухшую ногу мазью, пахнущей болотными травами, и туго перебинтовывает полосками простыни.

На следующее утро Амариллис разбудил хозяин холма, и, прежде чем накормить завтраком, помог выбраться наружу,

указал тропку к ручью и подал чистое полотенце и мыльный корень. Девушка, мысленно представив себе свое лицо — после ползания под землей, слез, долгой дороги, — охнула и поспешила умываться. Пока она отмывалась, Вьюн перенес завтрак из холма на его вершину, и вскоре они уже пили чай, наслаждаясь теплым утром. Тут их и застал вернувшийся Моховик.

— Доброго утра. Не боитесь так открыто рассиживаться? Ладно, ладно, не пугайся… если Вьюн из холма вылез, значит поблизости никого нету. Налейте чаю, что ли… — и Моховик сел рядом с Амариллис. — Как твоя нога?

— Спасибо, намного лучше… — девушка улыбнулась Вьюну. — А как у вас дома? Все ли благополучно?..

— Боишься? Как бы нам твое спасение не аукнулось? — Моховик отхлебнул чай, поставил чашку на колено. — Ничего, цветочек, не тревожься. Ночью остроухие уехали, назад к северу повернули… и я так понял, они тебя живой уже не ищут.

— Если бы не вы… — голос Амариллис дрогнул.

— Ну-ну… погоди благодарить-то. Вот доберешься до своих, там видно будет.

— Я хотела спросить… — Природное любопытство девушки взяло верх. — А что это было вчера? Я Герана как вот эту сосенку видела, а он меня за дичок принял.

— Это пишог. — Гордо ответил Моховик. — Он же заклятая дерновина. Есть еще названия, но они не для женских ушей. Удобная штука, цветочек. Ты своего недруга видишь, а он ну совсем не соображает, где находится. А что видит — все не то. Остроухие еще добрый час плутали, пока их отпустило.

И он довольно ухмыльнулся.

— Почему вы мне помогаете? — Амариллис вытянула ногу, помогая Вьюну снимать повязку. — А что это за мазь такая? Никогда прежде не видела такой…

— Помогаем почему? Да потому что только изверг или живодер какой такую, как ты, травить будет. Нам эльфы с их спесью не указ, и князь тоже. Мы от века сами по себе. — Вьюн одобрительно покачал головой — опухоль на лодыжке почти спала, и Амариллис могла пошевелить ногой, почти не морщась. — А мазь такую еще моя прабабка делала, от нее и научился. На болотных травах делаю, за основу гусиный жир беру. Однако поразительно быстро ты поправляешься…

— Мои ноги тоже сами по себе… — Усмехнулась Амариллис. — Я танцовщица. Благодарствую за все, только я ж ведь вас объем… обычно-то я ем немного, но сейчас… — И она виновато развела руками.

— Ничего, как-нибудь справимся. Тебе раньше, чем через три

дня, идти нельзя. Не пущу. Срок-то когда?

— Меньше месяца осталось. А может, и скорее.

— Так это не первый? — Удивился Вьюн.

— Не первый. — И Амариллис закрыла глаза.

Лесовички не стали расспрашивать ее дальше; Вьюн растер ногу девушки мазью, снова туго перевязал и велел оставаться у холма. По правде сказать, она и сама не помышляла о прогулках — и без того устала; вскоре после перевязки Амариллис спала на пригретом солнцем холме.

Три дня, назначенные Вьюном, пролетели как одна минута; этого ему показалось мало, и он потребовал еще и четвертого. Утром пятого дня к моховому холму пришли Моховик с сыном.

— Вдвоем сподручнее. — Пояснил лесовичок. — Это вот Багульник, мой старший. Вьюн, моя хозяйка тебе велела к ней поспешать, мы твои запасы все подчистую заберем.

— Ага… Сам сбегаешь, а меня к ней снова под начало… — И Вьюн пояснил — Его жена мне сестрой старшей приходится. Ладно уж, к вечеру соберусь. Ну что, пошли, что ли, мои кладовые опустошать.

Вскоре трое путников покинули полянку с моховым холмом; Амариллис сердечно распрощалась с Вьюном, с которым успела подружиться и для которого припомнила не один рецепт из тех, что сама узнала от Веноны. Они двигались на юг — так что Амариллис не изменила той, почти придуманной тропке; шли, не торопясь и не медля. Ночевали в легких шалашиках, в корнях деревьев, вставали засветло, останавливались затемно. Разводили маленькие, почти бездымные костерки, чтобы заварить в котелке пучки собранных по дороге трав, запечь на углях тушку подстреленного Багульником рябчика или съедобные корни. Через пять ночей, в самом начале шестого дня Амариллис заметила, что почти придуманная тропка исчезла — и лес закончился. Это была не вырубка, не просека — опушка, за которой в утренней дымке проглядывались редкие перелески, разделявшие поля, плавные линии холмов.

— Ну вот… дальше ты сама. — Моховик переступил с ноги на ногу. Было заметно, что лесовички чувствуют себя неуютно. — Большие леса закончились. Там — редколесье, а значит, — люди. Поспешай, тебе нельзя одной оставаться. Удачи тебе, цветочек…

— Не знаю, как и отблагодарить вас. — Амариллис развела руками. Ничего ценного у нее не было, разве что только подвеска черного золота, изображающая танцовщицу Нимы, но это украшение слишком много значило для нее и отдать его она не могла.

— Как отблагодарить-то? — Моховик усмехнулся, отступая

вглубь леса. — Выживи. Просто и только — выживи, цветочек.

И лесовички бесшумно исчезли. Амариллис еще с минуту постояла у опушки, вглядываясь в тень деревьев; казалось, что все произошедшее только почудилось ей, — уж очень неправдоподобно добрыми и бескорыстными были ее проводники… как в старой сказке. Но лежавшие в котомке маленькие лепешки, баночка с мазью и мешочек с порошком («Мало ли что… вдруг и пишог сгодится») подтверждали реальность случившегося. Помедлив еще немного, девушка поклонилась и повернула в сторону холмов.

По открытым местам идти оказалось труднее; Амариллис старалась прятаться от солнца в тени перелесков, но иногда ей приходилось переходить заросшие высокой травой луга. Ноги вязли в траве, голова кружилась от жары и запаха цветов, живот ощутимо потяжелел и как-то опустился. Дышать после этого стало легче, но Амариллис поневоле заспешила — ребенок давал ей знать, что вскоре запросится на свет. Поэтому она не прекратила идти даже после захода солнца. Вскоре после того, как стемнело, она прошла негустой сосновый борок, вышла на дорогу. Места казались ей смутно знакомыми, будто виденными не то в далеком детстве, не то во сне. Теряя последние силы, она дошла до каких-то зарослей и опустилась наземь. И тут поясницу ее опоясала резкая боль, будто сомкнулись стальные челюсти капкана. Амариллис охнула — она не ожидала, что роды начнутся вот так сразу, без предупреждений в виде нудных, тянущих судорог. Девушка расстелила плащ, оторвала от платья изрядный кусок, укоротив его до колен, — чтобы было во что завернуть младенца. Она подняла голову — небо, прежде такое ясное, усыпанное крупной солью августовских звезд, померкло, его заволокло тучами… на лицо Амариллис упала первая капля теплого дождя. Луна, не спрятавшаяся за пологом туч, выглядывала половинкой бледно-золотого лица. Ну, а поскольку Амариллис не успела привыкнуть к страданию и смириться с его неизбежностью, следующая же волна боли заставила ее закричать.

— Господин!.. Господин!.. — слуга, заглянувший в комнату, был встревожен, почти напуган.

— Ну что там такое стряслось? — ответил ему резкий, недовольный голос.

— Господин, простите, но оборотень-то снова объявился! Да где, чуть ли не у ворот! Где-то в саду воет да кричит, сторож перепугался, за подмогой прибежал. Что делать-то будем, господин, а?

— Ох ты… — выругался старик, сидевший в кресле у

камина. — Оборотень… Воет… Олухи вы все, как я погляжу. Какой оборотень на убывающей луне, голова твоя садовая?! Небось из Озерков кто забрел да с перепою песни голосит. Ну пошли, пошли… зови слуг, глянем, что там за страшилище.

Как сквозь сон Амариллис видела рыжий, рваный свет, плавающие в тумане пятна. «Факелы…», догадалась она, «откуда?..» Кто-то осторожно приподнял ее голову, поворачивая лицо к свету.

— Неужели?!.. цветочек мой… — голос, дрогнувший, пресекшийся, не был незнакомым. Амариллис отвела с глаз пряди мокрых волос, прищурилась, всматриваясь в говорившего.

…Ничуть не изменился. Разве только больше стало соли, чем перца, в волосах. А так — все тот же клевачий петух, ядовитый стручок. В чью честь Амариллис назвала своего первого сына — Арчеш Мираваль. Но не успела ничего сказать, задохнувшись от боли. Она едва осознавала, что ее поднимают, несут куда-то, потом почему-то прекратился дождь и стало теплее. Все это было неважно, Амариллис поняла, что наконец-то может не думать о том, что будет делать потом, когда все это закончится. У нее и без того было чем заняться в последний день лета…

Глава седьмая. Должник Арчеша Мираваля

… Как это хорошо и правильно — выспаться, как следует выспаться после трудов, утомивших и отнявших все силы. Как сладко вытянуться на чистых, прохладных простынях, опустить голову на пахнущую мелиссой подушку, смежить веки и улыбнуться первому сну. Как же это приятно — засыпать в безопасности, с осознанием выполненного долга, зная, что рядом тот, кто защитит и не выдаст.

Амариллис проспала, казалось, целую вечность. А когда проснулась — было позднее утро, заглядывавшее в окно теплым ветром и ароматами поздних цветов. Она открыла глаза, осмотрелась — светлая, просторная комната, стены, обшитые деревянными резными панелями, простая мебель… Рядом с кроватью девушка увидела колыбель, возле которой сидел ее давний знакомый. Заметив ее пробуждение, старик радостно заулыбался, приподнялся, подавшись поближе к своей любимице.

— Проснулась? Вот и славно… Хвала богам, Амариллис, что дорога привела тебя к моему дому… Кто знает, что случилось бы… — тут он оборвал себя. — Это судьба, цветочек. Второго сына рожаешь в Серебряных Ключах. Благословенны будь они до скончания веков!.. — с этими словами он наклонился над колыбелью, взял спеленутого младенца и подал его приподнявшейся Амариллис. Он смотрел, как она берет на руки маленькое, теплое тельце, смотрит на него — изумленно, распахнув глаза, словно не веря им, как осторожно прижимает к груди своего сына, едва осмеливаясь прикоснуться губами к его умилительному и сердитому личику… Смотрел, незаметно смахивая слезы. Когда Арчеш нашел Амариллис ночью, под дождем у живой изгороди своего сада, поначалу он своим глазам не поверил. То, что девушка была жива, он знал — уж очень догадлив был. Но что она вот так, из ниоткуда появится в его поместье… Арчеш думал, что она где-то под надежной защитой своего эльфийского лорда и вряд ли когда захочет вспомнить, паче того, посетить эти места. Слишком ей солоно здесь пришлось.

Но в который раз эта темнокровка доказала ему, что в мире всегда есть, чему удивиться. Придя в себя от изумления, старик приказал отнести девушку в дом, поднял с постели Клеми, сначала напугав ее, а потом несказанно обрадовав. К радости Арчеша, помогать экономке вызвалась Морелла. Жена Риго жила в Серебряных Ключах безвыездно, не отходя от своего сына; впрочем, своим она считала его лишь по праву воспитания.

— Чей это ребенок? Кто его мать? — это были первые вопросы, которые Морелла задала Арчешу, когда их оставили в покое растить малыша вдали от Эригона. Арчеш, подумав и заглянув в глаза женщине, рассказал ей… почти все. Как он и думал, меньше любить мальчика Морелла не стала; она приняла ребенка как драгоценный подарок, данный на время. Арчеш-младший рос очень похожим на отца, Риго Ворона: черные огромные глазищи, крупный нос, и уже к концу второго года — длинные черные волосы. От матери ему достались, главным образом, порывистая грация движений — малыш рано начал ходить, а бегал чуть ли не танцуя, — и характер… легкий, озорной, ласковый.

…Амариллис смотрела на своего сына. А он, немедленно после того, как его вынули из колыбели, проснувшийся, смотрел на нее. Две пары глаз — серые и светло-синие — рассматривали друг друга. Острые маленькие ушки. Смешной носик. И — Амариллис поневоле ахнула и засмеялась — пара уже прорезавшихся острых клычков, значительно более выдающихся, чем у нее самой. Пух светло-пепельных волос под ее ладонью. А он видел плещущееся в серых глазах счастье, ощущал тепло ласковых, осторожных рук, и запах молока — дразнящий, щекочущий ноздри, сладкий… Вдохнув его несколько раз, младенец подумал и заревел.

— Уже и проголодался… — Амариллис повернула голову и увидела входящую в ее комнату Клеми. Экономка подошла к кровати, улыбаясь довольно кивая головой. — Господин Арчеш, извольте нас покинуть.

Арчеш засуетился, встал и удалился, прикрыв за собой двери. Подумав, он направился в сад — там, под присмотром Мореллы, играл его правнук.

— Она проснулась? — Морелла повернулась к подходящему старику.

— Да. С ними все хорошо. Как ты думаешь, стоит ли ей говорить?..

— О том, что ее первый сын жив и здоров? И что он бегает бок о бок с ней? Разве можно умолчать о таком…

— Не боишься? — Арчеш покачал головой.

— Чего мне бояться? — Морелла улыбнулась. — Господин мой, наш линьяж в таком долгу перед этой женщиной, что добавить к нему еще хоть малость невозможно. Я могу сама сказать ей… и поблагодарить.

— Ну-ну… ты ее не знаешь. Да и я, признаться, не знаю, что она сделает в ответ. Может, захочет забрать Арчеша.

Их разговор прервался — в сад спешила экономка,

изумленная и испуганная.

— Да что ж это делается… — Причитала она на ходу, — Где ж такое видано!.. Господин Арчеш, хоть вы-то ее уймите!

— Что случилось? — Арчеш невольно схватился за сердце.

— Она встала — это через пять-то часов после родов! — сама еле ходит, приказала собрать вещи, хоть какие, и еду в дорогу. Какая дорога?!.. — экономка умолкла, с трудом переводя дыхание.

— Пойдемте, господин мой. — Морелла кивнула экономке. — Присмотри за мальчиком.

Когда они вошли в комнату Амариллис, девушка действительно уже оделась.

— Амариллис. — Арчеш испуганно глядел на девушку. — Ты что это? Куда собралась? Ты в себе ли?

— Господин Арчеш… — Амариллис подошла к кровати, схватилась за спинку — стоять ей было еще трудно, подкашивались колени. — Я должна покинуть ваш дом. Немедленно.

— Да куда ты пойдешь такая?

— Неважно. Лишь бы подальше от вас. Слишком опасно держать меня в доме… — девушка скривилась, как от боли.

— Амариллис, вам нельзя уходить вот так сразу. Надо отдохнуть, набраться сил. Не ради себя… — Морелла подошла к девушке и помогла ей лечь на кровать, присела рядом.

— Кто вы? — Амариллис бросила вопросительный взгляд на Арчеша.

— Я Морелла Мираваль. Жена Риго.

— Ах вот что… И вас сюда сослали.

— Амариллис, объясни, что такое случилось, что ты мечешься как птица в сетке? Если тебе нужна защита, так сразу и скажи — от кого, какая… я ведь не последний нищий! — Арчеш даже ногой топнул.

— Знаю. Только я уже видела смерть приютивших меня, давших защиту… Больше не хочу. Чем быстрее вы от меня избавитесь, тем лучше. Я хуже чумы… — и Амариллис беззвучно, кусая губы, заплакала.

— Рассказывай. — Приказал Арчеш таким тоном, что возразить ему не представлялось возможным. — Он придвинул к кровати деревянное кресло с низкой спинкой, основательно, глубоко уселся и уставился на девушку с вызовом. Амариллис, понимая, что без объяснений ее не выпустят не то что из дома, но даже и из комнаты, постаралась успокоиться и рассказать обо всем. Стоило ей начать рассказ, ребенок, уже несколько раз беспокойно ворочавшийся в колыбели, проснулся и заплакал,

словно понял, каково его матери вспоминать и заново переживать случившееся. Морелла осторожно вынула его, подала Амариллис… та прижала легкий теплый сверток к груди, принялась укачивать, продолжая тихо говорить.

Ее выслушали в полном молчании. Закончив, Амариллис без сил опустилась на подушки, все так же крепко прижимая к себе новорожденного сына.

— Тебе нельзя волноваться. — Как-то машинально сказал Арчеш. Он сцепил пальцы замком, опустил на них подбородок и задумался. Морелла встала, принесла девушке воды, дала платок — вытереть слезы.

— Ты права. Здесь тебе оставаться нельзя, слишком близко к эльфам. Могут найти.

— Ей необходим отдых… — Попыталась возразить Морелла.

— Да погоди!.. — Отмахнулся от нее старик. — Так. А как же ребенок?

— Что?! — Переспросила Амариллис. — Что значит как? Со мной. Уж вам ли не знать…

— Понимаю. Получается, ты без сил, кровишь и еле ходишь. Да еще младенец. Славно. Куда ни кинь — всюду клин. — Старик встал, прошелся по комнате. — Ну вот что. Я тебе помогу. Как — это моя забота. А ты отдыхай пока, цветочек.

Оставив Амариллис на попечение Мореллы, Арчеш прошел в свою комнату, достал из стенной ниши небольшую шкатулку, сел на прикроватный сундук, положил ее себе на колени. Поразмыслив немного, достал из-за ворота ключ на цепочке, открыл шкатулку и достал из нее серьгу странной треугольной формы, ртутно-серебряную, и очень холодную на вид. Старик взял серьгу двумя пальцами, поднес ее поближе к глазам. Эта вещица ждала своей очереди почти шестьдесят лет — именно столько пролежала она в шкатулке, надежно спрятанная, но не забытая. Она попала в руки Арчеша Мираваля в те уже давние времена, когда он только начинал привыкать к мантии городского судьи. Его предшественник, он же и тесть по стечению обстоятельств, как мог, ввел Арчеша в его новую должность. Но он был уже слишком стар, чтобы вникать во все дела, и во многом полагался на своих помощников, далеко не всегда добросовестных; старый судья умер спустя год после того, как Арчеш занял его место. Для молодого Мираваля начались нелегкие времена: собственного авторитета у него пока что не было, судейские крючкотворы вовсю пользовались его неопытностью и позволяли себе то давать оскорбительные советы, то говорить в таком снисходительном тоне, что городской судья с трудом удерживался от желания самому нарушить закон и как следует вздуть какого-нибудь

господина в парадной мантии.

Это дело поначалу не вызвало ни малейшего интереса у эригонского судьи — обычная кража, каковых в торговом городе случалось несколько десятков на дню. Однако когда он внимательнее прочитал поданные на рассмотрение бумаги, то решил, что этим делом займется лично.

Был ограблен склад семьи Тьеполо — один из складов Мизинца, тех, что малы, но охраняются так, что и мышь не проскочит. Семейство Тьеполо исстари занималось экспортом пряностей и дорогостоящих снадобий, вроде эликсиров молодости или противоядий. Последнее время в Эригоне поговаривали, что дела у Тьеполо идут нее так хорошо, как прежде… что из двух сыновей младший все время проводит в игорных притонах, а старшего так и вовсе обвиняли в пристрастии к шаммахитским курениям — тем, после которых человек поначалу испытывал неземные наслаждения, а потом готов был продать самого себя, лишь бы вновь вдохнуть острый, дурманящий дым. Денег на такие развлечения, понятно, надо было немало. Сам Тьеполо, уже порядком уставший и потерявший всякую надежду увидеть свое дело в надежных руках, бился из последних сил, пытаясь сохранить хоть что-то от прежнего благополучия и достатка.

Вором оказался совсем молодой еще человек, светловолосый и светлоглазый; на свое несчастье он не смог удержаться от соблазна испробовать кое-что из содержимого сундуков Тьеполо, не рассчитал своих сил и потерял сознание прямо на месте преступления. Где и был найден приказчиками. Те, не теряя времени, быстренько сбегали за стражей, кое-как привели молодчика в чувство, чтобы препроводить в тюрьму. И все бы ничего, но вор, прежде чем впасть в забытье, столь характерное для любителей шаммахитского зелья, поначалу впал в исступление и разгромил весь склад. Пристав, явившийся вместе со стражей, попросту остолбенел от такого зрелища — пол был усеян вдребезги разбитыми склянками, остатками порошков и сушеных трав. Все имущество торгового дома Тьеполо было уничтожено.

Арчеш Мираваль поначалу посочувствовал старику — будто мало ему было несчастий. Однако и личность вора, и какие-то смутные обстоятельства всего произошедшего смущали его. К этому времени Арчеш успел познакомиться со всеми ворами Эригона, знал их короля и их законы; он понимал, что для того, чтобы пробраться на склад Мизинца, одной дерзости недостаточно, слишком хорошо эти места охранялись. И вряд ли одному воришке, да еще не из местных, чужаку, такое было бы

под силу. А значит, у него либо были пособники (вероятнее всего, из приказчиков самого Тьеполо), либо он всего лишь разменная монета в новой воровской шайке, либо… И зачем было допускать этот бессмысленный погром? Ценности, хранившиеся на складе, с легкостью можно было и унести, и продать — какой прок разбрасывать их по полу?

Озадаченный этими несообразностями, Арчеш решил лично допросить вора. Парня притащили из общей камеры — все еще очумело хлопающего глазами, бледного, ничего не понимающего.

— Как тебя зовут?

В ответ судья получил лишь долгий ничего не выражающий взгляд.

— Откуда ты?

Ответ тот же.

— Кто тебе помогал?

К прежнему ответу добавилось бормотание, из которого можно было разобрать только несколько слов: «огонь», «сила» и какие-то невнятные ругательства. Одним словом, понятнее не стало.

Арчеш в сердцах стукнул кулаком по столу. Вот ведь олух несчастный. Ясно как день, что не он один виновен, а отдуваться придется в одиночку. И плети все ему достанутся, и на рудники без компании пойдет. Несправедливо как-то получается.

От своих людей судья узнал, что торговый дом Тьеполо все же избежит разорения и, пожалуй, даже выиграет на этом ограблении. Всего за неделю до этого все имущество было вновь застраховано на немалую сумму… узнав об этом, Арчеш призадумался. Вот уже год, как Тьеполо не мог себе позволить и выплачивать крупные страховые взносы, и содержать команду охранников. Но огульно обвинять в мошенничестве почтенное торговое семейство он не мог, а прямых доказательств у него не было. Проще было бы отправить пришлого неудачника искупать неизвестно чью вину, махнув рукой на справедливость и прочие нежности. Но Арчеш не спешил выносить обвинительный приговор. Вместо этого он не поленился лично посетить разгромленный склад — к этому времени там уже все убрали, несколько нарушив распорядок следствия, а остатки выбросили. Взяв в сопровождающие приказчика с соседнего склада, судья принялся копаться в куче сора. К великому недоумению приказчика, в остатках не оказалось и следа дорогих снадобий, коими славился дом Тьеполо, одна горчица, лавровый лист и немного сушеных цветочков мать-и-мачехи. Услышав это, Арчеш хмыкнул и отправился к себе в ратушу.

Однако оправдать неизвестного неудачника и подвести под

судебное расследование на предмет мошенничества почтенное купеческое семейство оказалось не так-то просто. Едва Арчеш подписал бумаги, к нему явилась целая делегация из высших судейских чинов и кое-кого из влиятельных торговцев. Молодого судью долго убеждали, что не стоит вот так огульно чернить репутацию дома Тьеполо, ибо это может отрицательно сказаться на репутации всего Эригона. И всем будет лучше, если это дело закрыть, тихо и незаметно; виновный, конечно же, нужен, а попавшийся незнакомец просто идеально подходит для этой роли. Арчеш выслушал все доводы, что прошелестели ему на уши, покивал головой и, неожиданно для себя самого, наорал на делегацию в полный голос. И выгнал.

В тот же день Арчешу сообщили, что незнакомец совсем не в себе, впал в забытье и вот уже сутки не встает. Судья снизошел до того, чтобы зайти в общую камеру, мельком глянул на лежавшего в углу на куче прелой соломы юношу и вышел, брезгливо прижимая к лицу надушенный носовой платок. Спустя час больного перенесли в дом Миравалей. Спешно приглашенный доктор только головой покачал, предсказал юноше скорую кончину и удалился, пряча в карман положенную плату.

Однако предсказание доктора не сбылось. Пометавшись в жестокой горячке с неделю, юноша пошел на поправку; правда, перед этим у него открылось такое сильное носовое кровотечение, что о выздоровлении его мог подумать только сумасшедший. Однако, промочив своей странно пахнущей кровью чуть ли не простыню, он пришел в себя, попросил воды — не пить, а умыться, — и заснул, спокойно и беспечально. Проспал он чуть ли не полдня, а проснувшись, сразу засобирался восвояси. Пришедшему навестить его Арчешу юноша почтительно поклонился и соизволил представиться:

— Меня зовут Гарм. — После чего, видимо, решив, что с формальностями и церемониями покончено, уселся на кровать и стал молча смотреть на судью, предоставив ему вести разговор.

— А меня Арчеш. — Мираваль, вместо того, чтобы возмутиться такой вопиющей наглостью, представился сам (даже голову наклонил), сел на стоящий у стены табурет и задал вопрос:

— Скажи, как ты попал в Эригон?

— Долгая история. Арчеш, почему ты защитил меня?

— Сам не знаю. — И судья пожал плечами. — Не скажу, что я такой уж праведник или правдолюбец. Но уж очень нагло эти купчики себя вести стали, им волю дай — так и новые законы пропишут. Откуда ты?

— Издалека. Знаешь, если бы не ты, так я, пожалуй, надолго

мог бы опуститься… мог и не подняться вовсе.

Арчеш глянул на собеседника — молод, невозмутим, хорош собой, довольно высокомерен… наверное, очередной искатель приключений из какой-нибудь разорившейся дворянской семьи. Арчеш успел повидать таких, как Гарм; сам не так давно был таким же. И все же было в нем нечто неуловимо чуждое, будто он не был, а только притворялся человеком. От этого Арчеша то и дело охватывал озноб и ему поневоле хотелось пригнуться, спрятаться от спокойного, немигающего взгляда серебристых глаз.

— Куда ты теперь?

— Домой. — Гарм потянулся, с удовольствием расправляя плечи. — Стыдно, конечно, после такого возвращаться, но, боюсь, в других местах меня не ждут.

— И как ты собираешься туда попасть? Я так разумею, дом твой далеко отсюда, иначе я бы с тобой уже не раз бражничал да за девками гонялся.

— Пожалуй, что так. — Гарм усмехнулся. — Я бы с тобой поладил, будь мы ровня.

— Или ты летать умеешь? — Арчеш пропустил мимо ушей последнее оскорбительное замечание, будто и не про него речь шла. Спросил и тут же подумал, что сморозил очевидную глупость… будто у солнца спросил, умеет ли оно греть.

— Здесь и сейчас не смогу. Провинился. — И Гарм развел руками. — Мне бы до южных земель добраться, а там как-нибудь сам.

Арчеш не знал, то ли возмутиться, то ли засмеяться — его собеседник ничего не просил, он просто говорил, что ему нужно — словно зная наперед, что отказа не будет.

— Место на корабле, идущем в Пойолу, тебя устроит?

— Буду признателен.

Так вот и получилось, что вечером того же дня Арчеш выпроводил нежданного гостя восвояси. Прощаясь, Гарм вынул из левого уха серьгу — странной изогнуто-треугольной формы, ртутно-серебряную — и протянул ее Арчешу.

— Возьми. Свою судьбу ты уже определил и моя помощь тебе вряд ли понадобится. Оно и к лучшему. Но может статься, ты захочешь помочь еще кому-то, вроде меня, а силы будут уже не те… или сам на рожон полезешь, мало ли что бывает. Если очень понадобится, позови меня.

Арчеш взял протянутую ему вещицу и ладонь его дрогнула — такой она оказалась нежданно тяжелой и холодной. Он встретил взгляд Гарма — и подумал, что попросит его о помощи только в самом крайнем случае. И то… может, предпочтет тихо-мирно

умереть.

…И вот, по прошествии стольких лет, этот крайний случай и приключился. Арчеш понимал, что сам он Амариллис помочь не сумеет; что он может? Снарядить ее в Эригон, дав охрану в виде деревенских увальней? Или спрятать где-нибудь на отдаленном хуторе, чтобы получить потом вести о его нежданном разорении и гибели всех обитателей? Девушке была нужна защита — мощная, непререкаемая, такая, чтобы заставила отступить даже эльфов. Защита и убежище. Арчеш крепко-накрепко сжал в кулаке серьгу и тихо, решительно попросил обещанной когда-то помощи.

Ждать почти не пришлось. Жарким южным ветром качнуло прикроватные занавеси, Арчешу почудился запах золотистого горячего песка, и невесть откуда в его комнату шагнул тот самый, некогда спасенный им юноша.

— Мир твоему дому, Арчеш.

Все тот же… и Арчеш этому совершенно не удивился. Есть даже в непрерывно меняющемся мире вещи и сущности неизменные, вечные — высокий, подтянутый, светлые волосы, забранные на затылке, серебристые глаза с остановившимися острыми точками зрачков, упрямый и нежный рот. Гарм.

— Ты совсем не изменился. Будто вчера виделись… Добро пожаловать, Гарм.

Арчеш поднялся и поклонился гостю. Тот вежливо ответил на поклон, прошел к окну, присел на резной деревянный диванчик, вытянув длинные ноги в черных высоких сапогах. Старик протянул ему серьгу.

— Вот, возвращаю. Столько лет держал, уж думал, не пригодится. Ан нет… И то — всякому овощу свой срок. Помнится, ты обещал свою помощь, Гарм.

— Обещал. Чем могу помочь? — Гарм пристально смотрел на старика, слегка улыбаясь.

— Я прошу тебя спрятать одного человека. Девушку. Она чем-то сильно не угодила эльфам, они ищут ее и, если найдут, убьют. Мне бы этого очень не хотелось, Гарм. Надо защитить ее и спрятать… до поры. Ты сможешь сделать это в память старого долга? Но предупреждаю — это опасно. Остроухие убили семью, давшую ей приют, гнали ее, беременную, через леса, как зверя на охоте. Я опасаюсь, что скоро они дознаются, куда она могла выйти, — места тут глухие, а моя усадьба ближе других к Лесу. Не побоишься против эльфов встать?

Гарм засмеялся — негромко, протяжно.

— Альвы… Никогда их не любил. А ты сам, Арчеш, как думаешь — побоюсь ли я их или нет?

Арчеш глянул на гостя и ответил:

— Ты вряд ли знаешь, что такое страх. И это они пусть тебя побоятся. Верно?

— Куда уж вернее. Я догадываюсь, к девице младенец прилагается?

— Да.

Гарм подошел к двери, взялся за ручку.

— Пойдем… не будем мешкать. Сборы не понадобятся — дорога не займет много времени. На твое счастье, я подкопил немного силы — расходовать, правда, собирался по своему… Идем. Время не ждет.

Амариллис полусидела-полулежала в постели, по-прежнему прижимая к себе ребенка. Она чувствовала себя бесконечно усталой, хотела есть и пить, а еще больше — спать, но в то же время ощущала удивительную уверенность в себе, знала, что если понадобится, то она сможет и выдержит… многое. Она вздохнула и открыла глаза — этот взгляд немного беспокоил ее; Морелла Мираваль смотрела на нее не отрываясь, испытующе и как-то тревожно.

— Вы так странно смотрите на меня. Почему?

— Амариллис. Я должна сказать вам… достаточно было потрясений, вы устали, измучались… — Морелла покачала головой, встала и зашагала по комнате.

— Раз должны, то говорите. Иначе у вас может не быть другого случая. Вряд ли я задержусь здесь надолго.

— Я скажу. Подождите немного. — И Морелла вышла.

Прошло несколько минут и она вернулась — но не одна. Она вела за руку мальчика, черноволосого и черноглазого, ступающего довольно уверенно для своих двух лет. Амариллис смотрела на него и не верила… не осмеливалась поверить. У нее пересохло во рту, похолодели руки, глаза сделались огромными и блестящими, — будто хлестнул по лицу наотмашь ледяной северный ветер, выбив крупные жгучие слезы. Морелла подвела мальчика поближе, взяла его на руки и присела на край кровати.

— Это ваш сын. Арчеш Мираваль. Я не осмеливаюсь просить у вас прощения, ибо, хоть сама и не причастна к тому, что сделал линьяж Миравалей, все же являюсь его частью. И хоть это и слабое утешение, поверьте, Амариллис, мы все здесь очень любим Арчеша. — Морелла запнулась, но продолжила. — Я очень люблю его.

— Я знаю. — Голос отказался слушаться Амариллис, она кашлянула. — Знаю.

— Возможно, вы захотите забрать его — это ваше право. Мы не будем препятствовать вам.

Амариллис заглянула в глаза Морелле — чего стоили ей эти

слова? Очевидно, немалого, поскольку и ее глаза обжег тот же ледяной, неласковый ветер. По тому, как Морелла держала мальчика, как легко поглаживала его волосы, прикасалась щекой к его затылку — по всему было видно, что она не лжет и не рисуется. Любовь, теплая и неизменная, озаряла лицо приемной матери Арчеша.

— Нет. У него уже отнимали мать — довольно и одного раза. Мне достаточно знать, что он действительно жив… и любим. Вы… вы позаботитесь о нем?

Морелла кивнула, еще крепче прижимая к себе мальчика. Тот, недовольный подобными притеснениями, с громко выражаемым негодованием высвободился, слез с колен Мореллы и подойдя поближе к изголовью, с любопытством уставился на Амариллис. Она протянула руку, прикоснулась к черноволосой голове…

— Арчеш… — И вместо того, чтобы отдернуть пальцы и зарыдать, Амариллис взъерошила теплые волосы и улыбнулась своему сыну. — Вот и свиделись, хвала богам… Надо же, как ты на отца похож.

В эту минуту в комнату вошли — Арчеш-старший и незнакомый юноша лет двадцати.

— Амариллис! — старик обратился к девушке и осекся, увидев, как взобравшийся на кровать правнук рассматривает лежащего на руках у Амариллис младенца, как новую, невиданную прежде игрушку.

— Твой брат. Его зовут Судри. Тебя вот назвали в честь прадеда по отцу, а его я назову в честь моего прадеда — Судри из Лесного клана. Ты запомни его хорошенько, кто знает, может, и встретитесь когда… — Амариллис подняла глаза на старика, увидела Гарма и все поняла. — Мне пора?

— Пора. — Гарм кивнул. — Соберите только самое необходимое. Дорога недолгая, а в моем доме не знают, что такое недостаток.

— Недолгая? — Амариллис недоуменно нахмурилась. — Где ж вы меня поблизости спрячете?

— Амариллис, поверь мне, если я говорю, что дорога недолгая, то это вовсе не означает, что она короткая. Собирайся.

Арчеш, заметив, что девушка сомневается и колеблется, подошел к ней.

— Не сомневайся. Гарм сможет и спрятать, и защитить тебя. Было бы время, я бы рассказал тебе о нашей с ним встрече, но как раз его у нас нет… как-нибудь в другой раз. А сейчас вставай, бери своего мальца и ступай за Гармом.

Амариллис внимательно оглядела своего нежданного

заступника: слишком молод, чтобы быть давним другом Арчеша, не похож ни на купца, ни на судейского, однако же одного взгляда достаточно, чтобы внушить уважение… но не симпатию. Девушка представила себе, что вот сейчас придется покинуть спокойный, надежный дом Арчеша вместе с этим незнакомцем, остаться одной на его милость — и невольно вздрогнула. Сказать по правде, уходить ей очень не хотелось. В Серебряных Ключах она была спокойна; таких мест в Обитаемом мире было для нее немного. Здесь не нужно было мучительно решать — верить собеседнику или, мило улыбаясь, приготовиться получить изрядную порцию вранья. Сама Амариллис лгать не умела — может, именно поэтому верила каждому сказанному ей слову. Но выбора у нее не было; надо было довериться тому, кого она видела первый раз в жизни, довериться самой и доверить жизнь сына. Она встала, уложила младенца в колыбель.

— Мне надо переодеться в дорогу. И запеленать Судри. Я скоро буду готова.

— Хорошо. Приходите в комнату господина судьи. Мне удобнее уходить по своему же следу. — Ободряюще кивнув Амариллис, Гарм вышел вслед за Арчешом.

Ничего не понимая, все сильнее беспокоясь, девушка принялась собираться. Почему в комнату ядовитого стручка, а не на крыльцо? По каким еще следам уходить? Неужели придется идти пешком? Да она и часа не продержится!.. Переодевшись с помощью Мореллы, взяв на руки сына, Амариллис последовала в покои Арчеша Мираваля-старшего; жена Риго шла за ней, ведя за руку мальчика. Когда они уже подходили к дверям, Морелла тихо спросила:

— Амариллис, если вас будут искать, кому мы можем сказать о вашей судьбе? Или вы прикажете хранить молчание и никто, кроме нас, не должен знать о том, что с вами приключилось?

— Пусть Арчеш решает. — Не раздумывая, ответила танцовщица. — Он знает моих друзей и не скажет лишнего даже им.

Гарм и Арчеш ждали их, сидя у окна; они о чем-то тихо беседовали.

— Я совсем забыла спросить, — Амариллис обратилась к Гарму, — Куда же вы все-таки собираетесь спрятать меня? Хотелось бы знать, где придется прожить уж наверное не меньше года…

— Я собираюсь спрятать вас в своем доме. Это достаточно далеко отсюда… так далеко могущество эльфов не простирается.

— Амариллис, — вмешался в разговор Арчеш, — я понимаю твое беспокойство. Но поверь мне — чем меньше даже мы будем

знать о том, куда и каким путем ты направилась, тем больше вероятность сохранить это в тайне. А сейчас важно именно это.

— Вы правы. — Кивнула танцовщица и повернулась к Морелле, державшей Арчеша-младшего за руку; присела, провела свободной рукой по загорелой свежей щечке. Она сказала что-то так тихо, что понял ее только мальчик — смотревший неожиданно серьезно, чуть нахмурив широкие черные брови. А потом она немного неловко сняла с шеи цепочку с легкой круглой подвеской черного золота и надела ее сыну… легко притянула его к себе, поцеловала в лоб… и встала.

— Пожалуй, я не стану прощаться… — голос ее дрогнул и она замолчала.

— Еще свидимся… — попыталась улыбнуться Морелла.

— На все воля богов. — Арчеш тяжело вздохнул, подошел к Амариллис, осторожно обнял ее. Она на миг прижалась лбом к его плечу; как же не хотелось ей уходить!.. Старик мягко и решительно отстранил ее, передавая Гарму.

— Она твоя гостья. Гарм, ты отвечаешь за нее, за ее жизнь и за жизнь ее сына.

— Она моя гостья. — Юноша положил руку на плечо Амариллис. — Право гостя свято в моем доме. Я твой должник, Арчеш Мираваль, и в уплату долга я беру ее под свою защиту.

Не снимая руки, он сделал несколько шагов к окну. Амариллис невольно последовала за ним, недоумевая еще сильнее.

— Главное, ничего не бойся… — голос, терпкий и тихий, прошелестел у ее уха. Танцовщица вздрогнула — она уже слышала его, и слова были те же самые. Она попыталась что-то сказать, но не успела — горячий, тяжелый ветер ворвался в окно; нестерпимый жар заставил ее отшатнуться и зажмуриться. А когда она открыла глаза, то увидела, что стоит не на ковре, а на песке, и вокруг — бесконечные, монотонные волны песка, уходящие в неоглядную даль, сливающиеся с белесым небом.

— Испугалась? — В голосе Гарма не было насмешки, скорее, участливый интерес.

Амариллис оглянулась. Юноша стоял чуть позади нее, спокойно оглядывая окрестности.

— Осталось совсем немного, скоро будем на месте. Идти далековато, и ничего интересного в этих землях нет…

Он замолчал, отступил назад. Едва заметно встряхнул кистями рук и вокруг него взвихрилась песочная завеса, скрыв его от глаз Амариллис шуршащей, вибрирующей завесой. Через несколько мгновений завеса замерла и опала. Гарм стоял, опустив голову и сжав скрещенные руки на груди. Вздохнув, он поднял

лицо и его тонкие черные губы ободряюще улыбнулись, а светло-ртутные глаза — пожалуй, единственное, что осталось от прежнего Гарма, — внимательно сузились.

— … а поэтому мы полетим. — Закончил он. Шагнул к девушке, едва переводящей дыхание, наклонился, легко взял ее на руки. За плечами Гарма развернулись, заходили огромные нетопырьи крылья, поднимая ощутимый ветер.

Амариллис давно уже казалось, что она пребывает в каком-то странном, беспокойном сне. Невозможная усталость тяжелым металлическим обручем давила на лоб, сжимала виски. Девушка давно уже перешагнула порог своих сил; за последние дни ей пришлось пережить так много — на несколько лет жизни хватило бы… Поэтому она не удивлялась и не боялась, безропотно принимая все происходящее. Она скосила глаза вбок, уловив краем глаза движение — так и есть, рисунок, покрывавший руки и грудь Гарма, двигался. Золотая и серебряная змеи ползли бок о бок, свиваясь в петли и кольца причудливого узора, их неторопливые, плавные движения надолго задержали взгляд девушки. Глядя на них, она постепенно теряла все свои мысли, одну за другой; веки ее тяжелели, дыхание замедлялось, и только руки продолжали по-прежнему крепко и надежно держать ребенка. Так она и уснула.